This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

CT1232
S4S4

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

О. И. СЕНКОВСКІЙ.

Senkovskaia, Adelaida

ОСИПЪ ИВАНОВИЧЪ

СЕНКОВСКІЙ.

(БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.)

—

БІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ ЕГО ЖЕНЫ.

NOTE TO THE READER

The paper [illegible]
inner margin [illegible]

We have [illegible]
utilizing the [illegible]

PLEASE [illegible]

GENERAL BOOKBINDING CO. [illegible]

РГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 27 августа 1858 г.

Ценсоръ *С. Палаузовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Его не стало! Того, кто былъ славой, гордостью, счастьемъ всей моей жизни—уже нѣтъ! Его глаза закрылись и прекрасная душа, улетѣла въ вѣчную отчизну, гдѣ ожидаетъ моей души, оставивъ мнѣ на землѣ только одно утѣшеніе, одну надежду—свидѣться, соединиться *тамъ*. Знаю, что не я одна оплакиваю его; не только сожалѣніе тѣхъ, кто былъ привязанъ къ нему узами родства, дружбы, знакомства болѣе или менѣе короткаго, провожаютъ его въ могилу: имя его гремитъ далеко и, я знаю, вся Россія соединится со мною, чтобы оплакать его и вознести къ Богу теплыя молитвы о его вѣчномъ успокоеніи.

Да, душа любимая, душа обожаемая, покойся въ мирѣ на лонѣ твоего создателя! Ты исполнилъ на землѣ свое назначеніе! Твоя неутомимая дѣятельность не знала отдыха въ этой жизни; отдохни хоть теперь! Геній, данный тебѣ Богомъ, былъ тяжкимъ бременемъ для тебя; тебѣ казалось, что ни одна минута въ жизни не должна быть потеряна....

Краткихъ минутъ жизни, выпадающихъ на долю человѣку, ему, казалось, было недостаточно; онъ на день задавалъ себѣ трудъ, котораго невозможно было кончить и въ много дней. Сколько

замысловъ, сколько идей роилось въ его головѣ; недоставало только времени, чтобы осуществить ихъ. Много онъ сдѣлалъ, но гораздо-больше еще осталось не конченнымъ. Его литературная жизнь—книга, открытая для всѣхъ; всякій можетъ читать ее, разбирать, объяснять; но внутренняя жизнь его, внутренняя работа его мысли.... Кому это можетъ быть извѣстно кромѣ той, которая была его подругою впродолженіи тридцати лѣтъ, съ существованіемъ которой сливалось его существованіе и отъ которой у него никогда не было никакой тайны. Настало время поднять завѣсу, которая покрывала эту прекрасную жизнь и оставляла на виду только то, что̀ не могло быть скрыто и было имъ самимъ отдано публичности. Развѣ нельзя, развѣ не должно наконецъ раскрыть тайну этого исключительнаго существованія? Другимъ предоставляю я трудъ собрать, распредѣлить по отдѣламъ, разобрать и оцѣнить его произведенія. Но, мнѣ сказать, почему то, что̀ онъ сдѣлалъ, было такъ прекрасно; мнѣ объяснить, какъ эта огромная масса ума, учености, познаній всѣхъ родовъ, могла вмѣщаться легко и свободно въ одной головѣ.

Чувствую, что я слаба для важнаго и священнаго труда, который предпринимаю; знаю, что все, что̀ скажу, будетъ ниже того, что̀ я хотѣла бы сказать; но сознаніе безсилія не должно останавливать меня: того, что̀ я скажу, никто другой не можетъ сказать вмѣсто меня, потому-что никто кромѣ меня не зналъ всѣхъ изгибовъ его сердца; никто какъ я не сходилъ въ самую глубину его

мысли. Я буду исключительно входить въ тѣ подробности, которыхъ сама была свидѣтельницей и которыя напечатлѣлись неизгладимыми чертами въ сердцѣ и въ памяти моей.

Мой мужъ никогда не любилъ говорить о себѣ, а когда случалось, то говорилъ всегда съ такою скромностью, что самые факты становились непонятными. Часто нельзя было даже вѣрить тому, что онъ говорилъ о себѣ. Поэтому я не могу отдать такого подробнаго отчета, какого бы желала, о его дѣтствѣ, молодости, о томъ времени, когда я его еще не знала. Я хочу разсказать только главные факты такъ, какъ они дошли до меня, предоставивъ себѣ удовольствіе описать во всѣхъ подробностяхъ жизнь моего мужа съ той минуты, какъ я стала его подругою.

Осипъ Ивановичъ Сенковскій родился 19 марта 1800 г., въ Антоколѣ, имѣньи своего отца, въ 50 верстахъ отъ Вильны. Отецъ его былъ родомъ изъ древней знатной фамиліи, воспитанъ въ роскоши, обладалъ богатствомъ, блестящимъ умомъ и очаровательной наружностью, однакожъ не съумѣлъ составить счастія своей достойной супруги, матери Осипа Ивановича. Онъ умеръ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ брака, растративъ все свое имѣніе и оставивъ вдову съ двумя малолѣтними дѣтьми, сыномъ и дочерью, почти безъ всякихъ средствъ къ существованію. Добрая мать поняла всю силу отвѣтственности возложенной на нее. Это была женщина, которая соединяла въ себѣ всѣ достоинства ума и сердца. Едва сынъ ея началъ лепетать первыя слова, какъ необыкновенныя

способности его уже стали проявляться и сдѣлали его предметомъ неусыпныхъ заботъ и попеченій матери. Все, чѣмъ могла она располагать: знанія, денежныя средства—все было посвящено сыну, блестящая будущность котораго уже предвидѣлась.

Въ то же самое время дочь воспитывалась въ Вильнѣ, въ монастырѣ Визитантинокъ.

Первымъ преподавателемъ О. И. была его мать. Она положила основаніе той громадной извѣстности, до которой онъ достигъ. Вскорѣ явился у нея помощникъ въ лицѣ мужа ея сестры, профессора Гродека, для котораго было наслажденіемъ заниматься съ необыкновеннымъ ребенкомъ. Маленькій Жозефъ восхищалъ своего наставника быстротой соображеній и необыкновенной легкостью, съ которой понималъ и усвоивалъ все, что̀ объясняли ему. Трудъ, взятый на себя добрымъ профессоромъ, скоро сдѣлался счастіемъ всей его жизни. Мой мужъ разсказывалъ мнѣ, что почтенный ученый до того любилъ своего ученика и племянника, что не позволялъ при себѣ хвалить другихъ дѣтей: это приводило его въ ужасный гнѣвъ и онъ не постигалъ возможности помнить о какомъ-нибудь шалунѣ, когда можно было говорить о маленькомъ Жозефѣ.

Впрочемъ, добрый ученый профессоръ дѣйствительно гордился своимъ ученикомъ, предназначеннымъ для блестящей будущности. Онъ перешелъ почти прямо изъ рукъ ученаго, который приготовлялъ его, въ Виленскій Университетъ, гдѣ окончилъ курсъ, пробывъ до того очень короткое время въ приготовительной школѣ, въ родѣ на-

шихъ гимназій. Но и въ университетѣ еще дядя былъ для него наставникомъ, безотлучнымъ товарищемъ и способствовалъ быстрымъ, огромнымъ успѣхамъ, которые дѣлалъ Сенковскій по всѣмъ отраслямъ наукъ.

На вакаціи Сенковскій пріѣзжалъ въ имѣніе, гдѣ жила его мать вмѣстѣ съ единственной сестрою, супругой ученаго наставника. Это имѣніе, наслѣдственное достояніе матери Осипа Ивановича было уступлено ею сестрѣ, длятого чтобы получить черезъ эту жертву возможность воспитывать сына и жить самой остатокъ жизни въ этомъ имѣньи.

Пріѣздъ молодаго студента, умнаго, блестящаго, былъ всегда эпохою счастья въ семействѣ. Сенковскій былъ счастливъ какъ и другіе; онъ съ наслажденіемъ пользовался чистымъ деревенскимъ воздухомъ, нѣжной заботливостью, которою окружали его, и нѣсколькими минутами отдыха послѣ учебныхъ трудовъ, которымъ впродолженіи столькихъ мѣсяцевъ посвящалъ дни и ночи.

Неизмѣнное прилежаніе и постоянство, соединенныя съ блестящими, необыкновенными способностями, привели Сенковскаго къ окончанію университетскихъ наукъ въ такіе годы, когда другіе молодые люди только-что начинаютъ ихъ: на двадцатомъ году онъ окончилъ всѣ курсы, которые предполагалъ пройти. Нужно ли говорить, что экзаменъ его былъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ и показалъ все, чего можно было ожидать въ будущемъ отъ необыкновеннаго молодаго человѣка.

Но, человѣку не дано быть мудрымъ вполнѣ.

Всегда есть какая-то сила, уравновѣшивающая исключительности! Этотъ обширный умъ, развитый такъ рано, раньше времени, назначеннаго самою природою, не мѣшалъ однакожъ Осипу Ивановичу платить дань человѣческой природѣ и ея слабостямъ. Можетъ-быть также, что, развитый умственно не по лѣтамъ, онъ чувствовалъ себя гораздо старше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, и почиталъ себя довольно мудрымъ, чтобы сдѣлать самую большую глупость, какую сдѣлалъ онъ въ жизни.

Женщины гонялись за студентомъ-ребенкомъ, уже увѣнчаннымъ славой, и каждая старалась отбить у другой его сердце. Геній не мѣшаетъ человѣку быть чувствительнымъ, и Осипъ Ивановичъ не долго могъ защищать свое сердце. Онъ отдалъ его безусловно первой женщинѣ, которая серьёзно захотѣла овладѣть имъ.

Молодой человѣкъ повѣрилъ матери свою любовь и свои намѣренія. Та сначала смѣялась, воображая, что все это одно ребячество, но когда увидѣла, что дѣло принимаетъ серьёзный оборотъ, она заговорила иначе и строго приказала любимому сыну выбросить изъ головы несвоевременную затѣю.

Не смотря на нѣжность, почтеніе, благодарность, обожаніе, которыя Осипъ Ивановичъ питалъ къ своей матери, страсть взяла свое и женитьба совершилась втайнѣ. Какъ долго онъ былъ счастливъ, не знаю. Кажется, что слишкомъ молодой мужъ скоро соскучился: семейная жизнь съ ея обязанностями по хозяйственнымъ заботамъ

оказалась ему не по плечу, и онъ впалъ въ отчаяніе.

Во что̀ бы то ни стало, ему нужно было пространство, воздухъ, свобода, возможность возобновить опять свою дѣятельную, ученую жизнь, которой онъ еще не умѣлъ согласить съ новымъ своимъ положеніемъ. Тогда-то пришло ему на мысль предпринять путешествіе на Востокъ. Въ университетѣ онъ занимался спеціально восточнымя языками. Что̀ лучше путешествія могло развить въ немъ страсть къ наукѣ и обогатить его новыми познаніями? Едва задуманное предпріятіе было исполнено безъ отлагательства. Добрая мать употребила послѣднія деньги, чтобъ доставить сыну средства для этого путешествія.

Къ сожалѣнію, я не могу слѣдовать за Осипомъ Ивановичемъ въ Азію и Африку и разсказать, что̀ онъ дѣлалъ впродолженіи своего путешествія. Незамѣнимой потерей будетъ всегда, что онъ самъ не описалъ этого путешествія съ тою подробностію, какой они заслуживали. Желаніе и намѣреніе было у него, но время, этотъ страшный деспотъ геніальныхъ людей, всегда было ему помѣхой. Вѣчно окруженный, заваленный занятіями, онъ никогда не могъ найти свободнаго времени, чтобъ исключительно заняться описаніемъ этого интереснаго путешествія. Кой-какія воспоминанія объ этихъ далекихъ странствованіяхъ разбросаны у него въ разныхъ сочиненіяхъ — все остальное онъ унесъ съ собой въ могилу.

Это путешествіе имѣло огромное вліяніе на его жизнь. На мѣстѣ онъ занялся фундаментальнымъ

изученіемъ языковъ, которыхъ поверхностное знаніе обыкновенно считается уже большою ученостью. Онъ говорилъ такъ же правильно и хорошо какъ народы, между которыми жилъ; выговоръ его былъ такъ вѣренъ и хорошъ, что природные жители принимали его за одного изъ своихъ. Эта удивительная способность давала ему возможность коротко сближаться съ народомъ, посреди котораго приходилось ему жить; онъ могъ изучать его нравы, вѣру, обычаи, слѣдить за малѣйшими оттѣнками, за образомъ мыслей, за взглядомъ на вещи. Вотъ почему Осипъ Ивановичъ всегда, во всемъ зналъ болѣе, чѣмъ сколько можно печатать въ книгахъ; вотъ откуда происходило въ немъ желаніе прибавить къ знанію другихъ тотъ излишекъ, которымъ онъ такъ мало дорожилъ и который такъ охотно расточалъ.

Во время пребыванія своего въ Константинополѣ Осипъ Ивановичъ былъ чрезвычайно-хорошо принятъ нашимъ посланникомъ, графомъ Строгановымъ. Графъ вполнѣ оцѣнивалъ достоинства молодаго путешественника и предложилъ ему принять мѣсто по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, въ качествѣ драгомана при миссіи, оставивъ его свободно продолжать свои ученыя наблюденія въ Азіи и Африкѣ, пока не откроется ваканція на то мѣсто, которое предлагалъ онъ ему.

Это предложеніе было безъ сомнѣнія чрезвычайно-лестно для Сенковскаго и онъ поспѣшилъ принять мѣсто и благосклонное покровительство, которое предлагали ему графъ Строгановъ и канцлеръ Румянцовъ. Румянцовъ до самой смерти сво-

ей оказывалъ мужу моему постоянную привязанность.

Мѣсто, предложенное Строгановымъ, нравилось Сенковскому тѣмъ болѣе, что позволяло ему на свободѣ объѣхать еще непосѣщенныя имъ страны. Онъ былъ въ Нубіи, когда послѣдовавшій разрывъ съ Турціей заставилъ молодаго драгомана отправиться въ обратный путь, чтобъ присоединиться къ миссіи, къ которой принадлежалъ. Онъ нашелъ ее уже въ Петербургѣ.

Здѣсь также ожидалъ Осипа Ивановича пріемъ самый лестный,

Между-тѣмъ не предвидѣлось еще скораго рѣшенія вопроса о разрывѣ Россіи съ Турціей, по поводу греческаго возстанія. Опредѣленіе Сенковскаго на мѣсто назначенія при константинопольской миссіи было отложено на неопредѣленное время, потому-что никто не могъ предвидѣть, когда будетъ заключенъ миръ и дѣла пойдутъ прежнимъ порядкомъ.

Такимъ образомъ не могли быть употреблены въ дѣло рѣдкія способности, которымъ нуженъ былъ только случай, чтобы развиться. Сенковскому предложили мѣсто профессора восточныхъ языковъ при С.-Петербурскомъ Университетѣ. Эта служба казалась ему слишкомъ важною и не нравилась, потому-что привязывала къ мѣсту. Онъ былъ тогда еще такъ молодъ и страстно любилъ путешествія. Предложеніе, однакожъ, было сдѣлано въ выраженіяхъ столь лестныхъ, съ условіями столь почетными и выгодными, что отказаться было невозможно. Кромѣ мѣста профес-

сора онъ былъ причисленъ къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ и сверхъ жалованья отъ университета ему предоставили содержаніе, какое слѣдовало бы при миссіи, къ сожалѣнію его, несостоявшейся. Занявъ новое мѣсто, Сенковскій исполнялъ возложенныя на него обязанности такъ, что оставилъ по себѣ неизглидимую память. Обширныхъ познаній его было болѣе чѣмъ достаточно для самаго блестящаго выполненія новой обязанности; но для Сенковскаго этого было мало. Уча другихъ, онъ самъ еще хотѣлъ учиться. Нѣсколько лѣтъ было исключительно посвящено на изученіе тѣхъ языковъ, которыхъ онъ еще не зналъ. Китайскій, монгольскій, манджурскій, тибетскій, исландскій и другіе занимали почти все его время и всѣ его мысли. Въ это время онъ издалъ свои ученыя сочиненія на латинскомъ, арабскомъ, персидскомъ, французскомъ и польскомъ языкахъ. Тогда же, по случаю войны съ Турціей, онъ составилъ *Карманную книжку для русскихъ воиновъ*, (турецкіе разговоры съ русскимъ переводомъ). Онъ занимался неутомимо, мало посѣщалъ общество, которое никогда его не привлекало, и находилъ удовольствіе только въ своемъ трудѣ и изученіи.

Между-тѣмъ молодой и уже знаменитый оріенталистъ отовсюду получалъ самыя летныя приглашенія. Всякій старался привлечь его, и всякому, казалось, было лестно сблизиться съ такимъ примѣчательнымъ человѣкомъ. Почести сыпались на него. Виленскій и Краковскій университеты, ученыя общества Франціи, Англіи и Ирландіи приглашали его въ число своихъ членовъ. Иностран-

ные ученые журналы отдавали полную справедливость отличному оріенталисту, который изъ своихъ путешествій вывезъ множество блестящихъ соображеній, бросавшихъ совершенно новый свѣтъ на самые запутанные вопросы. Заслуженный успѣхъ увѣнчивалъ все, что̀ предпринималъ Сенковскій съ неутомимымъ жаромъ, рѣдкою настойчивостью и обширными свѣденіями, которыя онъ безпрер вно пополнялъ. Чтобъ отдохнуть иногда отъ важныхъ и ученыхъ трудовъ, онъ написалъ нѣсколько статей для «Сѣверной Пчелы» и другихъ журналовъ. На этомъ новомъ поприщѣ Сенковскій также имѣлъ огромный успѣхъ, потому-что на всемъ, что̀ выходило ихъ подъ его пера, лежала печать его необыкновеннаго ума. Невозможно было сказать, въ чемъ заключалась его спеціальность: такъ все, что̀ онъ предпринималъ, удавалось ему и, казалось, было по его части. Но все это давало ли ему счастіе, которое такъ трудно достигается? Безконечная жажда труда, безпрерывная потребность занимать мысль предметами, способными поглотить ее, быть-можетъ отчасти происходили отъ того, что онъ чуствовалъ себя несчастнымъ. Въ возрастѣ, когда бо̀льшая часть мужчинъ ищетъ удовольствій и развлеченій, онъ привыкалъ къ образу жизни, отъ котораго уже не могъ отстать и впослѣдствіи, когда обстоятельства перемѣнились. Не пользуясь счастіемъ, онъ хотѣлъ по-крайнѣй-мѣрѣ быть полезнымъ. Не смотря на свою крайнюю скромность, онъ не могъ не знать о сокровищахъ, которыми обладалъ и которыя накопилъ съ такою настойчивостью и постоянствомъ. Достойно упо-

требить свои богатства умственныя—вотъ цѣль, которую онъ себѣ поставилъ, вотъ что̀ должно было наполнить его жизнь. Не тщеславіе управляло имъ: онъ далекъ былъ отъ мысли нажить деньги, составить себѣ, что̀ называется, блестящее и независимое состояніе. Такія чувства ему. человѣку самому равнодушному къ почестямъ и богатству вещественному были совершенно чужды. Его вела мысль болѣе благородная, болѣе вызвышенная. Онъ зналъ, что зарывать талантъ, полученный отъ Бога—грѣхъ, и онъ смотрѣлъ на этотъ талантъ какъ на священную обязанность разработывать и пріумножать его. Онъ жилъ, сосредоточившись въ самомъ себѣ, весь отдаваясь труду, добросовѣстно исполняя свои обязанности, не думая о счастіи, которое, какъ ему казалось, для него не существовало. Но пути Провидѣнія неисповѣдимы: оно часто посылаетъ намъ именно то, чего мы даже не смѣли желать и на что̀, казалось, невозможно было надѣяться.

Нѣкоторыя подробности объ обстоятельствахъ его я узнала ужѐ много лѣтъ спустя и мало-помалу, потому̂-что Осипъ Ивановичъ не любилъ распространяться о предметѣ, который, казалось, возбуждалъ слишкомъ горькія воспоминанія. Мнѣ же было пріятнѣе отвлечь его отъ грустныхъ воспоминаній, чѣмъ наводить на нихъ.

Такимъ образомъ все, относящееся къ семейной жизни Сенковскаго до нашей женидьбы, я знаю только отрывочно. Впрочемъ, я берусь разсказать только то, что̀ сама видѣла. Это я должна начать съ времени нашего перваго знаком-

ства, которое относится ко второму году пребыванія Сенковскаго въ Петербургѣ.

—

Я познакомилась съ О. И. Сенковскимъ въ 1822 году. Ему было тогда 22 года, мнѣ 16-ть. Отецъ мой, баронъ Раль, былъ придворнымъ банкиромъ. Въ первый разъ Осипъ Ивановичъ пришелъ къ намъ для полученія денегъ по векселю, данному на коммерческій домъ барона Раля. Это было тотчасъ по пріѣздѣ его въ Петербургъ. Отецъ мой принялъ его какъ принималъ всѣхъ, кто являлся къ нему по дѣламъ, въ кабинетѣ, находившемся подлѣ конторы. Я не видала его въ этотъ разъ; но когда дѣло было окончено, отецъ мой просилъ Сенковскаго сдѣлать намъ удовольствіе и пріѣхать обѣдать черезъ нѣсколько дней. Не смотря на упадокъ, въ которомъ находился уже тогда домъ барона Раля, онъ все-таки былъ тѣмъ, чѣмъ былъ съ 1800 года—богатый, блестящій, одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ въ Петербургѣ. Вся аристократія, большая часть дипломатическаго корпуса, знатное купечество, и почти всѣ артисты и художники, которые жили или пріѣзжали въ Петербургъ, собирались у насъ. По четвергамъ и воскресеньямъ давались большіе обѣды. На одномъ изъ этихъ обѣдовъ, въ воскресенье, я увидѣла Осипа Ивановича въ первый разъ.

Съ самаго рожденья я всегда видѣла около себя людей умныхъ, все, что̀ было лучшаго въ

обществѣ. Отецъ мой самъ былъ человѣкъ чрезвычайно умный, съ обширными познаніями, необыкновенной памятью, возбуждавшей всеобщее удивленіе. Все это дало мнѣ вѣрный тактъ для оцѣнки умныхъ людей; я уже имѣла ясное понятіе о необыкновенныхъ людяхъ; я понимала ихъ; мудрено ли же, что я съ разу отгадала все, что̀ было примѣчательнаго въ нашемъ новомъ знакомомъ. Въ это первое свиданіе, я однакожъ говорила съ нимъ очень мало, хотя много наблюдала за нимъ. Онъ тогда только-что воротился съ Востока и разсказы его приводили въ восторгъ всѣхъ слушателей. Отецъ мой убѣдительно просилъ его посѣщать насъ какъ можно чаще. Сенковскій обѣщалъ; но, несмотря на это обѣщаніе, бывалъ рѣдко.

Въ это время уже Осипъ Ивановичъ былъ извѣстенъ; всѣ искали его знакомства, всѣ старались залучить къ себѣ блестящаго, знаменитаго молодаго человѣка: приглашеніямъ не было конца. Все это отнимало у него много времени. Къ тому же онъ былъ ужасно занятъ работами и обѣщаніе его бывать у насъ часто ограничилось тремя, четырьмя посѣщеніями въ зиму. Что̀ же касается до моихъ личныхъ отношеній къ Осипу Ивановичу, они заключались въ чрезвычайной учтивости и нѣсколькихъ любезныхъ словахъ, обращенныхъ ко мнѣ при каждомъ его посѣщеніи. Эти слова, сказанныя такимъ человѣкомъ, льстили моему самолюбію чрезвычайно. Предчувствіе, которое не обмануло меня, говорило мнѣ тогда уже, что это не была простая

любезность съ его стороны, что источникъ этихъ привѣтливыхъ словъ таился въ сердцѣ. Но преграда, казавшаяся неодолимою, раздѣляла насъ и мѣшала нашимъ отношеніямъ сдѣлаться болѣе близкими: Сенковскій былъ женатъ. Я уважала его, удивлялась необыкновенному уму; но мысль, что онъ не свободенъ, мѣшала чувству болѣе нѣжному развиться въ моемъ сердцѣ. И онъ, съ своей стороны, чувствовалъ то же самое, что̀ и я: онъ былъ чрезвычайно остороженъ въ обращеніи со мною и старался не высказать ни въ одномъ словѣ того чувства, которое, можетъ-быть, противъ воли уже прокрадывалось въ его сердце. Мы были знакомы около двухъ лѣтъ, когда Сенковскій вдругъ получилъ назначеніе осмотрѣть учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ.

Когда Осипъ Ивановичъ объявилъ намъ, что уѣзжаетъ на неопредѣленное время, я не почувствовала ничего кромѣ весьма понятнаго сожалѣнія объ отъѣздѣ нашего умнаго, любезнаго гостя. Онъ уѣхалъ. Возвратясь, онъ довольно долгое время не былъ у насъ. Множество дѣлъ, важныхъ и спѣшныхъ не давали ему ни одной свободной минуты. Наконецъ я увидѣла его снова; но какую страшную перемѣну нашла я въ немъ! Прекрасное чело, вмѣстилище всѣхъ сокровищъ мысли, было мрачно и озабочено; въ выразительныхъ глазахъ я прочла волненіе и глубоко затаенное горе, причины котораго разгадать я не могла. Онъ уже не говорилъ мнѣ тѣхъ привѣтливыхъ любезныхъ словъ, которыми я такъ гордилась, которыя такъ льстили мнѣ. Всегда серьёзный, встре-

женный, онъ обыкновенно только кланялся мнѣ и, казалось, приходилъ къ намъ только для того, чтобъ исполнить долгъ простой учтивости. Такъ прошла зима. Въ эту зиму онъ былъ у насъ раза два, три не болѣе, и то на короткое время. Чтожъ касается до меня, то, повторяю, я видѣла въ немъ женатаго человѣка и потому не позволяла себѣ полюбить его. Я удивлялась его уму, отдавала ему полную справедливость, но не болѣе. Скоро, однакожъ, долженъ былъ пробить часъ, когда все измѣнилось для меня.

Однажды, — это было весной, въ апрѣлѣ, — погода была чудесная; мы были дома одни; гостей въ этотъ вечеръ у насъ не было. Вдругъ раздался звонокъ и въ комнату вошелъ Сенковскій, но до такой степени измѣнившійся, что я не узнала его, его, котораго знала уже столько лѣтъ, котораго думала не любить, къ которому воображала себя равнодушною! Въ глазахъ его блистало счастье, голосъ дышалъ нѣжностью и любовью. Это былъ онъ, но перерожденный. Онъ былъ свободенъ, говорилъ онъ намъ, и съ этой столь желанной свободой онъ чувствовалъ, что новая жизнь должна начаться для него. Онъ говорилъ, что чувствуетъ себя счастливымъ какъ никогда еще. Мои родные, сестры, братья, всѣ окружили его, слушали, что̀ онъ говорилъ, были свидѣтелями его радости, и поздравляли отъ души. Я одна, однакожъ, услышала болѣе, чѣмъ слышали другіе, хотя не обмѣнялась ни однимъ словомъ. Внезапное открытіе совершилось во мнѣ: я почувствовала, что люблю его; поняла, что я лю-

ма имъ. Одна свобода, какъ бы дорога ни была
а, не могла однакожъ дать это выраженіе его
овамъ, его голосу! Онъ любилъ меня, я не мо-
а уже сомнѣваться въ этомъ. Но было ли сча-
ьемъ для меня это открытіе? Не слишкомъ ли
здно узнала я то, что могло быть для насъ выс-
имъ блаженствомъ? Я была связана обѣщані-
мъ, которое теперь ни за что въ мірѣ не рѣши-
ась бы исполнить.

Старшая сестра моя была замужемъ за харь-
овскимъ помѣщикомъ. На зиму она пріѣзжала
ъ Петербургъ и жила съ мужемъ и дѣтьми у
асъ въ домѣ. Родители наши были уже очень
тары и сестра съ горестью думала о своемъ отъ-
здѣ и о томъ, что, можетъ-быть, долго не собе-
ется опять въ далекій и трудный путь изъ Харь-
кова въ Петербургъ. Чтобъ сколько-нибудь об-
легчить для себя печаль разлуки, она уговорила
родныхъ отпустить меня съ нею. Долго отецъ и
мать не соглашались, но она просила, умоляла такъ
убѣдительно и такъ долго, что наконецъ они со-
гласились исполнить ея желаніе. Что же касается
до меня, я была раздѣлена между горемъ разлу-
читься съ родными, которыхъ нѣжно любила, и
желаніемъ сдѣлать пріятное обожавшей меня се-
стрѣ, и этимъ облегчить для нея разлуку съ от-
цомъ и съ матерью.

Итакъ отъѣздъ мой былъ рѣшенъ, и я давно
уже была бы далеко отъ Петербурга, еслибъ
кой-какія, еще неоконченныя дѣла не задержи-
вали моего зятя; но со дня на день дѣла эти мо-
гли окончиться, всѣ приготовленія къ дорогѣ бы-

едва только произнесла я дрожащими устами любимое имя—внезапная перемѣна совершилась въ моемъ спутникѣ. Онъ все обѣщалъ мнѣ потому только, что дѣло шло о человѣкѣ, каковъ былъ уже тогда будущій баронъ Брамбеусъ. Я прибавила, однакожъ, условіе къ нашему контракту: ненарушимую тайну. Я все еще боялась ошибиться въ своихъ предположеніяхъ; дрожала при мысли открыть другимъ то, что̀ было, можетъ-статься, только мечтою моей слишкомъ пылкой головы, химерой, которая не существовала!...

Не смотря на трудности и препятствія, все было улажено по моему желанію. Я осталась и никто кромѣ зятя не зналъ настоящей причины этого. Цѣль, однакожъ, была еще далека отъ насъ. Въ порывѣ сердца, Сенковскій высказался, быть-можетъ, болѣе чѣмъ хотѣлъ. Дѣла, отъ которыхъ зависѣли счастіе и спокойствіе всей его жизни, требовали неусыпной дѣятельности и много времени. Не пришло еще время отдаться безусловно чувствамъ болѣе нѣжнымъ и чудныя мечты мои, казалось, никогда не должны были осуществиться. Я видала его рѣдко и не такимъ, какъ желала бы видѣть. Что̀ же касается до меня, то я уже не могла сомнѣваться въ моей любви; я чувствовала, что съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ она усиливалась. Удивленіе, которое внушали мнѣ его умъ, его очаровательный разговоръ, скоро, очень скоро перешло въ чувство болѣе нѣжное.

Я не поѣхала въ Харьковъ, а между-тѣмъ разлука съ нимъ все-таки предстояла мнѣ. Для слабаго, разстроеннаго здоровья маменьки, необходи-

мо было путешествіе; но будучи слишкомъ привязана къ мужу и дѣтямъ, она не могла рѣшиться на долгую разлуку. Уступая усиленнымъ просьбамъ всѣхъ родныхъ, она согласилась только на двухмѣсячную поѣздку въ Ревель. Я и меньшая сестра должны были ѣхать съ нею. На этотъ разъ мнѣ предстояло исполнить священный долгъ—и ни тѣни сожалѣнія не могло проникнуть мнѣ въ душу. Притомъ къ чему мнѣ оставаться? Зачѣмъ? Вѣдь онъ не любилъ меня!

Это было въ половинѣ мая, на канунѣ отъѣзда нашего на дачу, которая находилась въ четырехъ верстахъ отъ города, по петергофской дорогѣ.

Вечеромъ Сенковскій пришелъ къ намъ, и на этотъ разъ въ немъ опять замѣтно было болѣе спокойствія, болѣе душевнаго довольства; оно выражалось въ каждомъ его словѣ.

Маменька сказала ему о предполагаемомъ путешествіи и убѣдительно просила посѣщать барона Раля какъ можно чаще во время нашего отсутствія и ѣздить къ нему на дачу.

— Я сдѣлаю больше этого, возразилъ Сенковскій весело, и нѣжно цѣлуя руку маменьки, я хочу сдѣлаться постояннымъ товарищемъ барона, если вы позволите мнѣ это на время отсутствія вашего и милыхъ вашихъ дочерей. Позвольте мнѣ нанять одинъ изъ многочисленныхъ домиковъ, которые находятся на вашей дачѣ!

Это предложеніе привело въ восторгъ маменьку, хотя она видѣла въ Сенковскомъ только пріятнаго собесѣдника для своего мужа, не болѣе. Не-

едва только произнесла я дрожащими устами любимое имя—внезапная перемѣна совершилась въ моемъ спутникѣ. Онъ все обѣщалъ мнѣ потому только, что дѣло шло о человѣкѣ, каковъ былъ уже тогда будущій баронъ Брамбеусъ. Я прибавила, однакожъ, условіе къ нашему контракту: ненарушимую тайну. Я все еще боялась ошибиться въ своихъ предположеніяхъ; дрожала при мысли открыть другимъ то, что̀ было, можетъ-статься, только мечтою моей слишкомъ пылкой головы, химерой, которая не существовала!...

Не смотря на трудности и препятствія, все было улажено по моему желанію. Я осталась и никто кромѣ зятя не зналъ настоящей причины этого. Цѣль, однакожъ, была еще далека отъ насъ. Въ порывѣ сердца, Сенковскій высказался, быть-можетъ, болѣе чѣмъ хотѣлъ. Дѣла, отъ которыхъ зависѣли счастіе и спокойствіе всей его жизни, требовали неусыпной дѣятельности и много времени. Не пришло еще время отдаться безусловно чувствамъ болѣе нѣжнымъ и чудныя мечты мои, казалось, никогда не должны были осуществиться. Я видала его рѣдко и не такимъ, какъ желала бы видѣть. Что̀ же касается до меня, то я уже не могла сомнѣваться въ моей любви; я чувствовала, что съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ она усиливалась. Удивленіе, которое внушали мнѣ его умъ, его очаровательный разговоръ, скоро, очень скоро перешло въ чувство болѣе нѣжное.

Я не поѣхала въ Харьковъ, а между-тѣмъ разлука съ нимъ все-таки предстояла мнѣ. Для слабаго, разстроеннаго здоровья маменьки, необходи-

мо было путешествіе; но будучи слишкомъ привязана къ мужу и дѣтямъ, она не могла рѣшиться на долгую разлуку. Уступая усиленнымъ просьбамъ всѣхъ родныхъ, она согласилась только на двухмѣсячную поѣздку въ Ревель. Я и меньшая сестра должны были ѣхать съ нею. На этотъ разъ мнѣ предстояло исполнить священный долгъ—и ни тѣни сожалѣнія не могло проникнуть мнѣ въ душу. Притомъ къ чему мнѣ оставаться? Зачѣмъ? Вѣдь онъ не любилъ меня!

Это было въ половинѣ мая, на канунѣ отъѣзда нашего на дачу, которая находилась въ четырехъ верстахъ отъ города, по петергофской дорогѣ.

Вечеромъ Сенковскій пришелъ къ намъ, и на этотъ разъ въ немъ опять замѣтно было болѣе спокойствія, болѣе душевнаго довольства; оно выражалось въ каждомъ его словѣ.

Маменька сказала ему о предполагаемомъ путешествіи и убѣдительно просила посѣщать барона Раля какъ можно чаще во время нашего отсутствія и ѣздить къ нему на дачу.

— Я сдѣлаю больше этого, возразилъ Сенковскій весело, и нѣжно цѣлуя руку маменьки, я хочу сдѣлаться постояннымъ товарищемъ барона, если вы позволите мнѣ это на время отсутствія вашего и милыхъ вашихъ дочерей. Позвольте мнѣ нанять одинъ изъ многочисленныхъ домиковъ, которые находятся на вашей дачѣ!

Это предложеніе привело въ восторгъ маменьку, хотя она видѣла въ Сенковскомъ только пріятнаго собесѣдника для своего мужа, не болѣе. Не-

чего и говорить, что предложеніе было принято всѣми.

На слѣдующій день, когда мы пріѣхали на дачу, я просила маменьку позволить мнѣ выбрать домъ для нашего несравненнаго жильца. Многіе домы были уже наняты, а изъ тѣхъ, которые остались, ни одинъ не казался мнѣ довольно хорошимъ для того, кто долженъ былъ обитать въ немъ. Наконецъ я выбрала одинъ домикъ, который, можетъ-быть, и не былъ лучше другихъ, но имѣлъ то достоинство, что находился ближе всѣхъ къ нашему дому. Я велѣла тотчасъ же вымыть его, вытопить, сдѣлать нужныя поправки и поставить хорошую мебель. Во мнѣ явилась необыкновенная дѣятельность, и всѣ окружавшіе меня почли это слѣдствіемъ любви моей къ отцу!...

Черезъ нѣсколько дней Сенковскій пріѣхалъ къ намъ на цѣлый день. Чтобъ переѣхать совсѣмъ, онъ ждалъ окончанія экзаменовъ въ университетѣ, но пока, сказалъ онъ, я буду пользоваться правами жильца и пріѣзжать сюда во всякое свободное время. Тогда-то началась для меня цѣпь дней, блаженство которыхъ превосходило все, что могло создать мое пылкое воображеніе.

Насъ ужъ не стѣсняли узкія границы столичной гостиной: мы свободно бродили по полямъ, по лѣсамъ; мы дышали воздухомъ, напитаннымъ милліономъ цвѣтовъ; небо было нашимъ кровомъ, природа свидѣтельницей, сладкое пѣніе птицъ нашей музыкой. Какіе потоки ума и знанія вытекали изъ устъ его и расточались для меня одной

Каждое слово его дышало любовью, въ которой я уже не могла болѣе сомнѣваться, хотя при

знаніе не было высказано.... Я уѣхала въ Ревель на два мѣсяца, еще не увѣренная въ моемъ счастіи. 3-го сентября мы воротились на дачу и только 29-го Сенковскій открылся мнѣ наконецъ въ любви. Мы жили между-тѣмъ ужъ подъ однимъ кровомъ, потому-что еще въ августѣ отецъ мой просилъ Осипа Ивановича переѣхать изъ своего домика и занять нѣсколько комнатъ, которыя были свободны въ нашемъ обширномъ домѣ. Это переселеніе доставляло намъ еще болѣе случаевъ быть вмѣстѣ, разговаривать; часто мы прогуливались, читали вдвоемъ; играли въ бильярдъ безъ докучливыхъ свидѣтелей. Когда онъ долженъ былъ переѣхать въ городъ, его вседневныя посѣщенія къ намъ на дачу не прекратились. Зачѣмъ же такъ долго медлилъ онъ? Зачѣмъ это волненіе, это смущеніе, нерѣшимость, которую видѣла я въ немъ? 29-го сентября, въ день самый счастливый въ моей жизни — эта тайна объяснилась мнѣ.... Не смотря на то, что онъ ясно могъ видѣть мою любовь, онъ все сомнѣвался, не надѣялся быть любимымъ; считалъ себя недостойнымъ меня; трепеталъ при мысли объ отказѣ и хотѣлъ продлить по-крайней мѣрѣ счастіе ежедневныхъ свиданій. Таковъ былъ онъ всегда, во всемъ, впродолженіи всей своей жизни! Единственный человѣкъ, которому онъ никогда не отдавалъ полной справедливости—былъ онъ самъ!

Итакъ все было окончательно рѣшено, къ великой радости всѣхъ моихъ родныхъ, и день свадьбы назначенъ въ рожденіе маменьки, 13-го января.

позволяетъ тебѣ остаться у нихъ до завтра. Я обѣщалъ папенькѣ провести сегоднишній вечеръ съ нимъ.

«Я не могу выразить тебѣ удовольствія, которое чувствую, принимаясь за перо, чтобы писать къ тебѣ. Въ первый разъ этотъ случай представляется мнѣ. Я однакожъ долженъ признаться тебѣ, что у меня недостаетъ словъ выразить положеніе, въ которомъ нахожусь въ эту минуту. Я хотѣлъ сказать тебѣ такъ много, выразить какъ люблю, какъ обожаю тебя; я хотѣлъ описать тебѣ всю силу моей любви, всю необъятность чувства, которое ужъ совершенно сроднилось съ моей душою и кажется мнѣ единственною причиной, жизненнымъ началомъ моего земнаго существованія. Но рой пріятныхъ чувствъ и впечатлѣній, одни живѣе другихъ волнуютъ мое сердце непривычнымъ волненіемъ.... Рука моя дрожитъ, когда я пишу къ тебѣ; выраженія ускользаютъ; языкъ человѣческій кажется мнѣ слишкомъ слабымъ, неполнымъ, чтобъ выразить и опредѣлить всю силу страсти, наполняющей меня очарованіемъ счастья, какого я никогда не воображалъ возможнымъ достояніемъ человѣка. Зачѣмъ я не съ тобою теперь, милый, нѣжный другъ мой! Ты, быть-можетъ, прочла бы въ моихъ глазахъ, въ восторгахъ сердца, въ которомъ ты владычествуешь, въ огнѣ, которымъ я весь пылаю—все, чего не можетъ написать моя рука на холодной поверхности этого листка. Долго ли еще будутъ раздѣлять насъ разстоянія? Часы кажутся мнѣ годами, минуты тянутся невыносимо медленно. Пока, един-

ственное мое утѣшеніе думать о тебѣ безпрерывно, съ восторгомъ. Твой милый образъ, эмблема граціи и невинности, ручается мнѣ за счастіе, которое готовитъ намъ небо. Онъ неотлучный спутникъ всѣхъ моихъ мыслей, очарованіе моихъ мечтъ, душа самыхъ сладкихъ надеждъ. Онъ наполняетъ время, пространство, окружающее меня; онъ слѣдитъ за мною всюду. Я засыпая ласкаю его въ моемъ воображеніи, прижимаю его въ моемъ сердцѣ. Сны, въ сладостномъ безпорядкѣ своемъ, опять являютъ мнѣ его въ тысячѣ различныхъ формъ; онъ будитъ меня поутру и первый является мнѣ вмѣстѣ съ мыслью и свѣтомъ. Адель, милая Адель, напиши мнѣ нѣсколько словъ! скажи мнѣ, что ты любишь меня, что ты всегда будешь любить меня, что ты не покинешь меня до самой смерти! У меня нѣтъ силъ болѣе писать тебѣ; я долженъ слышать твой голосъ; принять въ сердце утѣшительный лучъ твоей мысли, перелить въ мою душу небесный пламень чистѣйшихъ чувствъ твоихъ, твоей невинной любви. Пиши мнѣ, мой ангелъ, мое блаженство, моя Адель! Я жду съ безпокойствомъ того, что̀ происходитъ въ твоемъ сердцѣ....

«Меня зовутъ. Кто-то пришелъ и хочетъ переговорить со мною. Я долженъ кончить это письмо, съ грустью оторваться отъ невыразимаго очарованія говорить съ тобою, отъ неодолимаго желанія сказать тебѣ тысячу и тысячу разъ, что я тебя обожаю, что я не могу жить безъ тебя, безъ твоего уваженія, безъ твоей любви.

«Дай мнѣ знать, будешь ли ты сегодня домой

и гдѣ могу я видѣться съ тобою. Поклонись отъ меня доброй Sophie.

«Прощай, милая Адель. Js.»

—

«Какъ я радъ сказать тебѣ, мой нѣжный другъ, обожаемая Адель, что ты совершенно ошибаешься на мой счетъ. Въ ту минуту, когда прощаясь съ тобою, я жалъ тебѣ руку и обѣщалъ не думать болѣе о томъ—все было уже изглажено изъ моей памяти. Твой милый образъ и чувства любви самыя нѣжныя, впечатлѣнія самыя очаровательныя разомъ смѣнили въ душѣ моей легкую грусть, причиною которой было не дурное расположеніе духа, а печаль отъ мысли, что папенька не любитъ меня, и обходится со мною сурово оттого, что не имѣетъ ко мнѣ никакого уваженія. Но, клянусь тебѣ всѣмъ, что̀ есть для меня святаго и драгоцѣннаго въ мірѣ, клянусь твоимъ невиннымъ и добродѣтельнымъ сердцемъ, едва вышелъ я отъ васъ, какъ ни разу не вспомнилъ обо всемъ этомъ. Только ты, Адель, ты одна съ этой минуты занимала всѣ мои мысли, и теперь еще ты одна въ нихъ. Я краснѣлъ, читая твою записку, потому-что она напомнила мнѣ одно обстоятельство, въ которомъ я былъ очень неправъ. Я совершенно забылъ объ немъ, чтобы вполнѣ предаться счастью любить тебя, очарованію думать, что я любимъ тобою, что я любимъ ангеломъ, душою чистою какъ лучъ солнца и прекрасною какъ блаженство небожителей. Ко̀гда при прощаньи отецъ твой ла-

ственное мое утѣшеніе думать о тебѣ безпрерывно, съ восторгомъ. Твой милый образъ, эмблема граціи и невинности, ручается мнѣ за счастіе, которое готовитъ намъ небо. Онъ неотлучный спутникъ всѣхъ моихъ мыслей, очарованіе моихъ мечтъ, душа самыхъ сладкихъ надеждъ. Онъ наполняетъ время, пространство, окружающее меня; онъ слѣдитъ за мною всюду. Я засыпая ласкаю его въ моемъ воображеніи, прижимаю его въ моемъ сердцѣ. Сны, въ сладостномъ безпорядкѣ своемъ, опять являютъ мнѣ его въ тысячѣ различныхъ формъ; онъ будитъ меня поутру и первый является мнѣ вмѣстѣ съ мыслью и свѣтомъ. Адель, милая Адель, напиши мнѣ нѣсколько словъ! скажи мнѣ, что ты любишь меня, что ты всегда будешь любить меня, что ты не покинешь меня до самой смерти! У меня нѣтъ силъ болѣе писать тебѣ; я долженъ слышать твой голосъ; принять въ сердце утѣшительный лучъ твоей мысли, перелить въ мою душу небесный пламень чистѣйшихъ чувствъ твоихъ, твоей невинной любви. Пиши мнѣ, мой ангелъ, мое блаженство, моя Адель! Я жду съ безпокойствомъ того, что̀ происходитъ въ твоемъ сердцѣ....

«Меня зовутъ. Кто-то пришелъ и хочетъ переговорить со мною. Я долженъ кончить это письмо, съ грустью оторваться отъ невыразимаго очарованія говорить съ тобою, отъ неодолимаго желанія сказать тебѣ тысячу и тысячу разъ, что я тебя обожаю, что я не могу жить безъ тебя, безъ твоего уваженія, безъ твоей любви.

«Дай мнѣ знать, будешь ли ты сегодня домой

и гдѣ могу я видѣться съ тобою. Поклонись отъ меня доброй Sophie.

«Прощай, милая Адель. Js.»

—

«Какъ я радъ сказать тебѣ, мой нѣжный другъ, обожаемая Адель, что ты совершенно ошибаешься на мой счетъ. Въ ту минуту, когда прощаясь съ тобою, я жалъ тебѣ руку и обѣщалъ не думать болѣе о томъ—все было уже изглажено изъ моей памяти. Твой милый образъ и чувства любви самыя нѣжныя, впечатлѣнія самыя очаровательныя разомъ смѣнили въ душѣ моей легкую грусть, причиною которой было не дурное расположеніе духа, а печаль отъ мысли, что папенька не любитъ меня, и обходится со мною сурово оттого, что не имѣетъ ко мнѣ никакого уваженія. Но, клянусь тебѣ всѣмъ, что̀ есть для меня святаго и драгоцѣннаго въ мірѣ, клянусь твоимъ невиннымъ и добродѣтельнымъ сердцемъ, едва вышелъ я отъ васъ, какъ ни разу не вспомнилъ обо всемъ этомъ. Только ты, Адель, ты одна съ этой минуты занимала всѣ мои мысли, и теперь еще ты одна въ нихъ. Я краснѣлъ, читая твою записку, потому-что она напомнила мнѣ одно обстоятельство, въ которомъ я былъ очень неправъ. Я совершенно забылъ объ немъ, чтобы вполнѣ предаться счастью любить тебя, очарованію думать, что я любимъ тобою, что я любимъ ангеломъ, душою чистою какъ лучъ солнца и прекрасною какъ блаженство небожителей. Когда при прощаньи отецъ твой ла-

сково обошелся со мною, это обрадовало меня такъ, что всѣ грустныя мысли, весь страхъ, всѣ дурныя предчувствія, осаждавшія меня вчера вечеромъ — все разомъ изгладилось изъ души. Я могу увѣрить тебя, что ни одно непріятное чувство не остается въ моемъ сердцѣ долѣе одного часа; если что-нибудь пробудитъ его во мнѣ, оно всегда скользитъ по душѣ моей съ быстротою вѣтра, который на мгновенье рябитъ гладкую поверхность воды, не оставляя по себѣ никакого знака. Одно слово, взглядъ, улыбка возвращаютъ спокойствіе въ душу, отъ природы склонную ко всему, что̀ пріятно, тихо, спокойно, нѣжно и хорошо. Это, милая моя Адель, ключъ моего характера, который тебѣ суждено руководить, облагороживать, улучшать.

«Милая подруга всѣхъ дней, которые осталось мнѣ прожить подъ солнцемъ, прежде чѣмъ сойти во мракъ могильный, добрая Адель! другъ нѣжный и милый, клянусь тебѣ, что несмотря на всѣ мои недостатки, ты никогда не найдешь въ этомъ серцѣ, которое обожаетъ тебя и въ которомъ ты одна владычествуешь, ничего, чѣмъ могла бы возмутиться добродѣтельная душа твоя. Я не способенъ чувствовать ни ненависти, ни зависти; никогда не испыталъ я этихъ чувствъ и не понимаю, какія ощущенія производятъ они въ другихъ. Да, безцѣнная моя! черезъ нѣсколько часовъ я увижу тебя, и буду доволенъ, веселъ, счастливъ—словомъ, въ томъ расположеніи духа, въ какомъ нахожусь теперь. Въ глазахъ моихъ ты прочтешь одну любовь, одно очарованіе видѣть тебя, видѣть

твою maman, которую я обожаю, твоего отца, котораго очень, очень люблю и къ которому отъ души привязанъ.

«Подлѣ меня твой портретъ, и благодаря творческому таланту Смоковскаго, онъ проливаетъ очарованіе на всѣ часы, которые провожу я вдали отъ тебя; онъ безпрерывно разжигаетъ огонь, который чудные глаза твои, твои очаровательныя качества зажгли въ моемъ сердцѣ. Я не могу наглядѣться на него. Работа подвигается и черезъ нѣсколько дней онъ будетъ оконченъ. Каждый ударъ кисти Смоковскаго доставляетъ мнѣ все больше и больше удовольствія. О, еслибъ ты могла видѣть меня здѣсь, у меня. Все, что̀ окружаетъ меня, полно тобой; воздухъ, которымъ я дышу, напитанъ воспоминаніями о тебѣ; мнѣ кажется, я вижу тебя.... я прикасаюсь къ тебѣ.... Мнѣ кажется, что свѣтъ солнца, освѣщающаго насъ обоихъ въ эту минуту, есть точка, соединяющая въ одно наши мысли, сердца и насъ самихъ въ безграничномъ пространствѣ. Нѣтъ, Адель! человѣкъ не можетъ любить другаго смертнаго болѣе, нѣжнѣе чѣмъ я люблю тебя! Это любовь, которою ангелы любятъ Создателя міровъ, когда въ восторгѣ блаженства созерцаютъ Его. — Прощай, другъ мой! Я не имѣю силъ болѣе писать тебѣ, потому-что не могу, не умѣю выразить вполнѣ того, что̀ происходитъ въ моей душѣ. Js.»

—

«Здравствуй, милая Адель! Я не могу выразить

койся, Адель! Твоя скромность заставляла тебя бояться, что во мнѣ ты найдешь строгаго критика своему труду, а твой талантъ, который есть не что иное какъ выраженіе прекрасной души твоей, работали, между-тѣмъ, вѣроятно, безъ твоего вѣдома, чтобы окончательно показать тебѣ сердце твоего обожателя. Я люблю тебя Адель, болѣе чѣмъ ты можешь думать, болѣе чѣмъ я самъ воображалъ любить; вотъ все, что̀ я могу сказать тебѣ.

«Я не боленъ, но и не совершенно здоровъ сегодня; я чувствую себя нехорошо, вѣроятно вслѣдствіе разстройства желудка, которое началось снова, хотя и не съ прежнею силой. Это, однако, не помѣшаетъ мнѣ быть у васъ въ 4 часа, или немного позже. Скажи маменькѣ мое почтеніе и люби меня, очаровательный другъ мой. Joseph».

«Я получилъ твою записку въ ту самую минуту, когда хотѣлъ запечатать свою. Суди же, люблю ли, понимаю ли я тебя! Я заранѣе написалъ категорическій отвѣтъ на все, о чемъ ты говоришь мнѣ. Посылаю тебѣ эту записку и цѣлую тебя».

—

«Люблю, люблю, люблю тебя, очаровательная моя Адель, люблю тебя много, люблю тебя до безконечности. Сегодня я проснулся ранѣе обыкновеннаго, чтобы думать о тебѣ; десять разъ перечиталъ я письмо, которое ты дала мнѣ вчера, и каждый разъ съ болѣе сильнымъ чувствомъ счастія, удовольствія и любви. Твоя нѣжность — стихія мо-

прелестно и, что̀ всего важнѣе, оно доказало мнѣ, что ты обладаешь тонкою наблюдательностью, разборчивымъ чувствомъ и способностью выражаться просто и изящно въ степени гораздо высшей всего, что̀ могла-до-сихъ поръ предполагать моя любовь. Я доволенъ имъ такъ, какъ-будто бы самъ писалъ его! Я доволенъ еще болѣе потому, что это трудъ той, которую я люблю, которую обожаю, боготворю! Это, вѣроятно, первая твоя попытка въ искусствѣ писать и она уже дѣлаетъ тебѣ много чести!

«Съ какимъ удовольствіемъ слѣдилъ я за твоими мыслями, видѣлъ дѣйствія, производимыя въ твоемъ умѣ и сердцѣ впечатлѣніями, которыя были еще такъ новы для тебя. Я анализировалъ твои впечатлѣнія, я изучалъ твою душу! Я не имѣю словъ, чтобы выразить тебѣ всю благодарность за то, что ты доставила мнѣ этотъ новый способъ проникать въ твою душу и такъ удовлетворить меня насчетъ твоего сердца, твоего ума, твоихъ способностей. Я не льщу тебѣ, милый, возлюбленный другъ мой; но это прелестно, это превосходно! Какъ я долженъ быть счастливъ, найдя такое рѣдкое превосходство ума, скромнаго очаровательнаго и совершенно чуждаго всякихъ притязаній—въ обожаемой супругѣ, въ моемъ ангелѣ-хранителѣ, въ той, которая должна раздѣлять со мною всѣ мысли, всѣ впечатлѣнія; въ любви которой заключается мое счастіе, и уваженіе которой должно быть моимъ утѣшеніемъ во всѣхъ превратностяхъ, во всѣхъ скорбяхъ жизни, гордостью и украшеніемъ всѣхъ моихъ дней. Успо-

ковывать меня. Да, это волшебство—твоя душа, твоя прекрасная душа, которая отражается съ такою кротостью, невинностью, прелестью и любовью въ самыхъ чудеснѣйшихъ въ мірѣ глазахъ, въ чертахъ, дышащихъ благородствомъ и спокойствіемъ добродѣтели. Да, мой ангелъ! я много люблю тебя! Я люблю тебя безгранично, выше всякаго понятія, какое можно себѣ составить о любви и привязанности. Я чувствую неодолимую потребность говорить тебѣ это тысячу разъ на часу, повторять безпрерывно. Если это кажется тебѣ скучно, монотонно, несносно—чтожъ дѣлать! приготовляйся, милая, возлюбленная моя Адель, всю жизнь свою испытывать эту скуку!

«Надѣюсь, что ты дашь мнѣ хорошія извѣстія о своемъ здоровьѣ: мой бюллетень очень удовлетворителенъ. Я здоровъ совершенно, веселъ и чувствую невыразимое душевное довольство. Это радость счастія, а мое счастіе—быть любиму тобою. До свиданія, милый другъ; я буду у васъ въ 4 часа. Joseph.

«Ты вѣроятно знаешь, что вдовствующая Императрица Марія Ѳедоровна скончалась нынче ночью. Эта потеря будетъ горько оплакиваема всѣми бѣдными и несчастными».

—

«Добрый день, ангелъ мой! Удовольствіе, которое ты доставила мнѣ вчера своимъ письмомъ — невообразимо! Можно ли не обожать тебя? Ты любишь меня, и въ тоже время ты такъ умна; въ

ей жизни, она для меня неисчерпаемый источникъ самыхъ чистыхъ удовольствій. Съ каждымъ мгновеніемъ я удостовѣряюсь болѣе и болѣе, что небо дало мнѣ тебя для полнаго моего счастья! Сіяющая удовольствіемъ, любовью и счастьемъ — какъ ты была очаровательна вчера вечеромъ! Ты оставила въ умѣ моемъ впечатлѣніе такое сладкое, такое чарующее, что я дѣлаюсь самъ не свой каждый разъ, когда думаю о тебѣ; а ты знаешь что я думаю о тебѣ безпрерывно, вѣчно.—Ты сама незнаешь, что̀ говоришь о своихъ капризахъ! у тебя ихъ нѣтъ! это я тебѣ говорю. Цѣлую твои глаза, мой ангелъ! Я не могу долѣе бесѣдовать съ тобою: сегодня почтовый день; я долженъ писать и отсылать письма. Ты ничего не говоришь мнѣ о томъ, показывала или нѣтъ маменька письмо твоему отцу, и что̀ онъ сказалъ? Прощай. Joseph.

«Поцѣлуй руку у маменьки и пожелай ей, отъ меня, добраго утра.

«До свиданія, моя милая, возлюбленная Адель»

—

«Привѣтствую тебя, единственное благо мое! Это первое дѣло, которое я дѣлаю всякое утро, вставая. Что̀ же ты сдѣлала, Адель, чтобы заставить меня до такой степени любить тебя? Цѣлую ночь я только тебя видѣлъ во снѣ. Тысяча пріятныхъ сновъ являли мнѣ тебя въ тысячѣ различныхъ видовъ, которые всѣ—эмблемы счастья и удовольствія чистаго, небеснаго, невыразимаго. Нѣтъ ли у тебя какого-нибудь волшебства, чтобы такъ при-

ковывать меня. Да, это волшебство—твоя душа, твоя прекрасная душа, которая отражается съ такою кротостью, невинностью, прелестью и любовью въ самыхъ чудеснѣйшихъ въ мірѣ глазахъ, въ чертахъ, дышащихъ благородствомъ и спокойствіемъ добродѣтели. Да, мой ангелъ! я много люблю тебя! Я люблю тебя безгранично, выше всякаго понятія, какое можно себѣ составить о любви и привязанности. Я чувствую неодолимую потребность говорить тебѣ это тысячу разъ на часу, повторять безпрерывно. Если это кажется тебѣ скучно, монотонно, несносно—чтожъ дѣлать! приготовляйся, милая, возлюбленная моя Адель, всю жизнь свою испытывать эту скуку!

«Надѣюсь, что ты дашь мнѣ хорошія извѣстія о своемъ здоровьѣ: мой бюллетень очень удовлетворителенъ. Я здоровъ совершенно, веселъ и чувствую невыразимое душевное довольство. Это радость счастія, а мое счастіе—быть любиму тобою. До свиданія, милый другъ; я буду у васъ въ 4 часа. Joseph.

«Ты вѣроятно знаешь, что вдовствующая Императрица Марія Ѳедоровна скончалась нынче ночью. Эта потеря будетъ горько оплакиваема всѣми бѣдными и несчастными».

—

«Добрый день, ангелъ мой! Удовольствіе, которое ты доставила мнѣ вчера своимъ письмомъ — невообразимо! Можно ли не обожать тебя? Ты любишь меня, и въ тоже время ты такъ умна; въ

выраженіяхъ твоей любви столько прелести! Ты очаровываешь меня, Адель! Я много люблю тебя и съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе. До свиданія, ангелъ милый, моя любовь, мое счастье! Цѣлую тебя тысячу разъ. Joseph».

—

«Адель, я въ отчаяніи, что разстался съ тобою! Какимъ очарованіемъ обладаешь ты, чтобы до такой степени привязывать меня къ себѣ? Я не знаю, что̀ дѣлать съ собою: я въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Зачѣмъ я не съ тобою? Мой ангелъ, мое сокровище, мое божество, какъ я люблю тебя! Какъ я тебя обожаю! Моя Адель, моя возлюбленная, я не могу жить безъ тебя. Скажи мнѣ, другъ милый, скажи, что и ты любишь меня, думаешь обо мнѣ.

«Я долженъ былъ простоять на льду болѣе часу; мостки не вездѣ еще были положены и народъ не пускали. Я сильно простудился; но тотчасъ же выпилъ большую чашку чаю, а вечеромъ возьму ножную ванну. Надѣюсь, что эта простуда не будетъ имѣть для меня дурныхъ послѣдствій. Завтра я пришлю тебѣ извѣстіе о себѣ. Прощай мой другъ, моя возлюбленная Адель, моя обожаемая супруга: будь спокойна, я буду здоровъ, потому-что я люблю тебя, много люблю и буду заботиться о своемъ здоровьѣ, которое отнынѣ принадлежитъ тебѣ исключительно. Сейчасъ лягу въ постель и засну. Думай о своемъ Жозефѣ, милый другъ. Въ мірѣ нѣтъ ничего, что̀ бы нравилось

васъ на набережной Академіи Художествъ. Прощай мой ангелъ. Js.»

—

С.-Петербургъ, 16 генваря 1829 г.

«Милая маменька,

«Наконецъ я могу васъ извѣстить о событіи, которому обязанъ моимъ счастьемъ. 13-го числа нынѣшняго мѣсяца, въ 8 часовъ вечера, я навсегда отдалъ руку очаровательной моей Адели. Я совершенно счастливъ съ нею, совершенно доволенъ своимъ выборомъ. Она кротка какъ ангелъ, какъ ея мать; добра, тиха, нѣжна, экономна, не любитъ ни нарядовъ, ни свѣтскихъ удовольствій. Это именно такая жена, какая мнѣ нужна, и я отъ души благодарю васъ, милая маменька, зато что вы благословили нашъ союзъ. Этимъ благословеніемъ мы будемъ счастливы. Мы вамъ будемъ обязаны нашимъ счастьемъ и оба будемъ любить васъ, удвоенною дѣтскою любовью. Примите, милая маменька наши обѣты и желанія вамъ счастья. Не забывайте вашихъ дѣтей.—*Жозефъ.*

«Нѣжно поцалуйте Александрину, ея добраго мужа и дѣтей. Поклонитесь также отъ насъ, милая маменька, доброй тетушкѣ и засвидѣтельствуйте ей наше почтеніе.»

.....

—

ностью, не такъ скупо передавала бы мнѣ выраженія чистыхъ чувствъ своихъ. Эти письма такъ пріятно разижгаютъ чудесный огонь, которымъ пылаетъ мое сердце. Они увеличиваютъ любовь мою къ тебѣ до невѣроятной степени. Мнѣ кажется, что умъ мой перенесенъ посреди твоихъ мыслей, въ глубину твоего сердца. Мнѣ кажется, что я соединяюсь, сливаюсь съ твоей душою, и уже думаю, чувствую только за одно съ нею. Вотъ оно, что̀ называютъ счастіемъ! И другаго на землѣ нѣтъ! Никогда прежде не чувствовалъ я этого, но теперь я это чувствую, понимаю, и клянусь себѣ самому, что посвящу всѣ силы, всѣ средства моей жизни чтобы сохранить и увеличить его, если это возможно. Тебѣ, Адель, обязанъ я этимъ! подумай же, до какой степени должна ты быть дорога мнѣ! Съ тобою, съ твоей любовью началъ я новую жизнь: мнѣ кажется, что прежде я не существовалъ; я чувствую, что живу только тобою и для тебя. О, какъ сладко любить и любить такую женщину какъ ты! Всѣ мои идеи, всѣ чувства, всѣ мысли проникнуты святостью, которою дышетъ твоя душа. Я люблю только то, что̀ прекрасно какъ твое сердце, невинно и добродѣтельно какъ ты. Мнѣ кажется что я совсѣмъ переродился: но въ то же время я чувствую, что только ты одна въ мірѣ могла имѣть на меня такое чудное вліяніе. Никто другой не могъ бы такъ совершенно понимать меня какъ понимаешь ты, и мнѣ кажется, что никто другой не могъ бы понять тебя какъ я. Но, я долженъ кончить это письмо, чтобы предупредить тебя, что *ровно въ часъ* я буду ждать

васъ на набережной Академіи Художествъ. Прощай мой ангелъ. Js.»

—

С.-Петербургъ, 16 генваря 1829 г.

«Милая маменька,

«Наконецъ я могу васъ извѣстить о событіи, которому обязанъ моимъ счастьемъ. 13-го числа нынѣшняго мѣсяца, въ 8 часовъ вечера, я навсегда отдалъ руку очаровательной моей Адели. Я совершенно счастливъ съ нею, совершенно доволенъ своимъ выборомъ. Она кротка какъ ангелъ, какъ ея мать; добра, тиха, нѣжна, экономна, не любитъ ни нарядовъ, ни свѣтскихъ удовольствій. Это именно такая жена, какая мнѣ нужна, и я отъ души благодарю васъ, милая маменька, зато что вы благословили нашъ союзъ. Этимъ благословеніемъ мы будемъ счастливы. Мы вамъ будемъ обязаны нашимъ счастьемъ и оба будемъ любить васъ, удвоенною дѣтскою любовью. Примите, милая маменька наши обѣты и желанія вамъ счастья. Не забывайте вашихъ дѣтей.—*Жозефъ.*

«Нѣжно поцалуйте Александрину, ея добраго мужа и дѣтей. Поклонитесь также отъ насъ, милая маменька, доброй тетушкѣ и засвидѣтельствуйте ей наше почтеніе.»

.....

13 января 1829 года мы были обвѣнчаны въ католической церкви и потомъ въ домѣ моихъ родителей приняли благословеніе реформатскаго священника, потому-что я принадлежу къ этой церкви. Свадьба наша совершилась при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ; общая радость блистала въ глазахъ всѣхъ многочисленныхъ членовъ моего семейства и добрыхъ друзей, которые вмѣстѣ съ нами хотѣли праздновать этотъ прекрасный для насъ день. Что̀ касается до меня— я была въ раю! думаю, что и мужъ мой также. Насъ проводили съ большимъ торжествомъ въ наше новое жилище. Только дворъ отдѣлялъ меня отъ квартиры, занимаемой моими родными. Послѣ поздравленій и желаній счастья, на этотъ разъ очень искреннихъ, съ меня сняли мое бѣлое платье, сняли съ головы кружевное дѣвичье покрывало и одѣли въ розовый нарядъ и чепчикъ молодой женщины. Потомъ передали меня мужу и оставили насъ.... Теперь начинается новая эпоха въ моей жизни, и я чувствую также, что не должна слишкомъ долго останавливаться на этомъ. Счастье е г че понять, чѣмъ описать. Впрочемъ, отчего же не сказать мнѣ, что великій человѣкъ, избравшій меня своей супругой, былъ лучшимъ, единственнымъ изъ мужей? Первые два года послѣ моего амужства были исключительно посвящены мнѣ. Онъ разставался со мною только четыре раза въ недѣлю, когда ѣздилъ въ Университетъ на лекціи, что̀ составляло 6 часовъ въ недѣлю. Иногда, чтобъ избѣгнуть и этой короткой разлуки, я про-

должны были выѣзжать; въ честь нашу давались вечера и обѣды, отъ которыхъ отказаться не было никакой возможности. Со стороны мужа я также сдѣлала нѣсколько новыхъ знакомствъ, къ которымъ должна была ѣздить и принимать у себя. Мы постоянно выѣзжали вмѣстѣ; по четвергамъ и воскресеньямъ обѣдали у моихъ родныхъ. Мой мужъ входилъ во всѣ мельчайшія подробности, касающіяся до меня. Мы все дѣлали вдвоемъ и я берегу еще большой коверъ, въ 5 квадратныхъ аршинъ, который я вышивала подъ руководствомъ Осипа Ивановича. Онъ выбиралъ цвѣта, подбиралъ тѣни, дѣлалъ перемѣны въ рисункѣ.

Редакторъ польскаго журнала «Balamut» — не изъ числа друзей моего мужа, а только знакомый, и даже очень недавній — просилъ Сенковскаго участвовать въ его журналѣ. Мой мужъ шутя, написалъ нѣсколько листковъ тонкихъ и остроумныхъ шутокъ своихъ. Успѣхъ этихъ статей былъ огроменъ. Редакторъ «Баламута» возобновилъ свои просьбы, мой мужъ согласился и нѣсколько статей, короткихъ, но полныхъ ума, написались въ то время, какъ я ходила за больнымъ отцомъ. Восхищенный успѣхомъ, редакторъ обратился къ Осипу Ивановичу съ новою просьбою: онъ уѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Петербурга и умолялъ моего мужа взять на себя редакцію журнала во время его отсутствія. На этотъ разъ, однакожъ, Сенковскій дольше заставилъ просить и колебался нѣсколько времени; но редакторъ не пересталъ просить, пока онъ наконецъ не согла-

ня; онъ былъ молодъ, пылокъ и любилъ прижимать меня къ сердцу, покрывать поцѣлуями мои руки, расточать мнѣ самыя нѣжныя ласки.... Но, все это не могло же такъ продолжаться. Я хорошо понимала, что ни бѣлизна рукъ, ни тонкая талія и шелковистые волосы не могутъ одни долго плѣнять такого человѣка, каковъ былъ Сенковскій. Я понимала также, что не ему слѣдуетъ спуститься до меня, но мнѣ слѣдуетъ возвыситься по возможности до него. Не умѣряя своей нѣжности, я съумѣла присоединить то, что̀ должно было только продлить ее. Я стала обработывать свой умъ; обогащать себя познаніями во всѣхъ родахъ. Это было легко мнѣ, потому-что я безпрерывно могла черпать въ неизсякаемомъ источникѣ, который находился подлѣ меня. Я имѣла подъ рукой живую библіотеку и любовь объясняла мнѣ то, что̀ я хотѣла знать. Къ ласкамъ самымъ нѣжнымъ, къ выраженіямъ любви самымъ страстнымъ, примѣшивались полные курсы исторіи, астрономіи, химіи, физики и естественной исторіи. Мы объѣзжали Востокъ и Западъ; мы посѣщали мастерскія художниковъ и картинныя галереи. Мы разбирали и разсматривали во всѣхъ подробностяхъ фабрики, искусства и ремесла. Въ нашихъ разговорахъ все было пройдено и я училась гораздо-больше, чѣмъ прежде надѣялась. Лучшій изъ учителей имѣлъ также и самую внимательную, самую благодарную ученицу. Такъ прошло около двухъ лѣтъ, впродолженіи которыхъ мы были, можно сказать, почти неразлучны. Въ первые мѣсяцы послѣ нашей женидьбы мы часто

должны были выѣзжать; въ честь нашу давались вечера и обѣды, отъ которыхъ отказаться не было никакой возможности. Со стороны мужа я также сдѣлала нѣсколько новыхъ знакомствъ, къ которымъ должна была ѣздить и принимать у себя. Мы постоянно выѣзжали вмѣстѣ; по четвергамъ и воскресеньямъ обѣдали у моихъ родныхъ. Мой мужъ входилъ во всѣ мельчайшія подробности, касающіяся до меня. Мы все дѣлали вдвоемъ и я берегу еще большой коверъ, въ 5 квадратныхъ аршинъ, который я вышивала подъ руководствомъ Осипа Ивановича. Онъ выбиралъ цвѣта, подбиралъ тѣни, дѣлалъ перемѣны въ рисункѣ.

Редакторъ польскаго журнала «Balamut» — не изъ числа друзей моего мужа, а только знакомый, и даже очень недавній — просилъ Сенковскаго участвовать въ его журналѣ. Мой мужъ шутя, написалъ нѣсколько листковъ тонкихъ и остроумныхъ шутокъ своихъ. Успѣхъ этихъ статей былъ огроменъ. Редакторъ «Баламута» возобновилъ свои просьбы, мой мужъ согласился и нѣсколько статей, короткихъ, но полныхъ ума, написались въ то время, какъ я ходила за больнымъ отцомъ. Восхищенный успѣхомъ, редакторъ обратился къ Осипу Ивановичу съ новою просьбою: онъ уѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ изъ Петербурга и умолялъ моего мужа взять на себя редакцію журнала во время его отсутствія. На этотъ разъ, однакожъ, Сенковскій дольше заставилъ просить и колебался нѣсколько времени; но редакторъ не пересталъ просить, пока онъ наконецъ не согла-

сился. Достигнувъ, чего желалъ, редакторъ уѣхалъ и пробылъ въ отсутствіи долѣе чѣмъ предполагалъ. Наконецъ онъ возвратился; но тогда опять новая просьба къ моему мужу.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ, благодарю! Но, вы такъ хорошо вели мой журналъ, что я, право, не могу взять его изъ искусныхъ рукъ, которымъ поручилъ его! Оставьте, оставьте его у себя; онъ вамъ принадлежитъ по праву и я охотно уступаю вамъ свое. Вы могли видѣть въ эти послѣдніе мѣсяцы: труда тутъ мало, а успѣхъ будетъ громадный, между-тѣмъ, если я возьму его назадъ, онъ потеряетъ все свое достоинство.

Мой мужъ никакъ не ожидалъ этого предложенія и просилъ нѣсколько дней сроку, чтобъ рѣшиться. Онъ посовѣтовался со мною, какъ всегда это дѣлалъ; но не понимая ничего ни въ этомъ дѣлѣ, ни въ языкѣ, на которомъ писанъ журналъ, я могла посовѣтовать Осипу Ивановичу только поступить такъ, какъ это казалось ему лучше. Онъ колебался еще нѣсколько времени, но наконецъ желаніе прибавить еще что-нибудь къ нашему маленькому доходу, желаніе доставить мнѣ по возможности еще болѣе удобствъ въ жизни, заставило его принять предложеніе редактора. Онъ взялъ на себя редакцію «Баламута», несмотря на причины, заставлявшія его отказываться сначала. Работа и хлопоты, возникшія вслѣдствіе этого пріобрѣтенія, были, дѣйствительно, не велики: «Баламутъ» оставлялъ еще моему мужу довольно свободнаго времени. Несмотря однакожъ на то, что онъ въ одно время былъ профессоромъ,

Осипъ Ивановичъ обѣдалъ второпяхъ, на скорую руку и едва засыпалъ на нѣсколько короткихъ часовъ. Я была печальна, безпокойна: я боялась что мужъ мой разстроитъ свое здоровье. Но, онъ успокоилъ меня, поцѣловалъ и сказалъ, что это былъ его всегдашній родъ жизни съ самаго юношества, что онъ привыкъ къ нему, и что я только одна заставила его измѣнить привычки.

Когда работа была окончена, онъ избралъ меня своимъ первымъ судьею. Сочиненіе было написано по-французски. Я заперлась одна, чтобы прочесть, и обѣщала, что буду судить съ безпристрастіемъ самаго строгаго критика. Кажется, я сдержала слово, хотя и должна признаться, что работа моего мужа далеко превосходила все, чего я могла даже ожидать! Я была еще болѣе рада и счастлива принадлежать ему! Все было такъ глубоко и такъ ясно, такъ краснорѣчиво и такъ учено. Въ узкой рамѣ этого сочиненія заключалось столько знанія! и каждое слово изъ того, что̀ было написано только для небольшаго числа избранныхъ, для людей самыхъ ученыхъ, все это было понятно и для меня, которая была совершенной невѣждой въ этомъ дѣлѣ. Я называю себя невѣждой тутъ совсѣмъ не изъ ложной скромности, а для того, чтобъ дать понятіе обо всемъ достоинствѣ диссертаціи, написанной моимъ мужемъ. Много разъ потомъ случалось мнѣ приниматься за чтеніе ученыхъ статей, писанныхъ на французскомъ или англійскомъ языкѣ, но не смотря на то, что эти два языка совершенно знакомы мнѣ съ самаго дѣтства, я ничего не понимала изъ то-

предназначенъ былъ Сенковскій? Впродолженіи нашихъ разговоровъ, когда мы уносились такъ далеко, не сходя съ мѣста — я уже предчувствовала его будущее величіе, я видѣла его въ немъ. Самъ онъ, самый скромный изъ людей, былъ далекъ отъ того, чтобы подозрѣвать это. Онъ не вѣдалъ того, что̀ другіе, менѣе умные и ученые чѣмъ онъ, уже превосходно понимали.

Когда явился первый «Выжигинъ», Сенковскій съ восторгомъ прочелъ его, и превозносилъ до небесъ умъ автора. Мы обѣдали у Г. Б. который былъ тогда попечителемъ Университета. Возвратясь домой, Осипъ Ивановичъ сказалъ мнѣ, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, что, когда онъ превозносилъ высокое дарованіе сочинителя «Выжигина», Г. Б. сказалъ ему: «Любезный другъ, отъ васъ зависитъ сдѣлать лучше этого». Мой мужъ приписывалъ эти слова горячей дружбѣ, которую уже много лѣтъ доказывалъ ему превосходный Б. Въ моемъ умѣ, эти слова нашли давнишнее, вѣрное эхо! Но мое восторженное мнѣніе опять не могло имѣть въ глазахъ моего мужа вѣрнаго достоинства безпристрастія. Онъ говорилъ, что я слишкомъ люблю его и нахожу въ немъ то, чего въ сущности совсѣмъ нѣтъ.

Мы жили на дачѣ; былъ іюль мѣсяцъ и второй годъ нашего брака, когда мужъ мой объявилъ мнѣ, что будетъ очень занятъ впродолженіи нѣсколькихъ дней. Онъ долженъ былъ писать разсужденіе объ основаніи Остъ-Индской Компаніи. И дѣйствительно, впродолженіи нѣсколькихъ дней не было ни прогулокъ, ни чудесныхъ разговоровъ.

Осипъ Ивановичъ обѣдалъ второпяхъ, на скорую руку и едва засыпалъ на нѣсколько короткихъ часовъ. Я была печальна, безпокойна: я боялась что мужъ мой разстроитъ свое здоровье. Но, онъ успокоилъ меня, поцѣловалъ и сказалъ, что это былъ его всегдашній родъ жизни съ самаго юношества, что онъ привыкъ къ нему, и что я только одна заставила его измѣнить привычки.

Когда работа была окончена, онъ избралъ меня своимъ первымъ судьею. Сочиненіе было написано по-французски. Я заперлась одна, чтобы прочесть, и обѣщала, что буду судить съ безпристрастіемъ самаго строгаго критика. Кажется, я сдержала слово, хотя и должна признаться, что работа моего мужа далеко превосходила все, чего я могла даже ожидать! Я была еще болѣе рада и счастлива принадлежать ему! Все было такъ глубоко и такъ ясно, такъ краснорѣчиво и такъ учено. Въ узкой рамѣ этого сочиненія заключалось столько знанія! и каждое слово изъ того, что̀ было написано только для небольшаго числа избранныхъ, для людей самыхъ ученыхъ, все это было понятно и для меня, которая была совершенной невѣждой въ этомъ дѣлѣ. Я называю себя невѣждой тутъ совсѣмъ не изъ ложной скромности, а для того, чтобъ дать понятіе обо всемъ достоинствѣ диссертаціи, написанной моимъ мужемъ. Много разъ потомъ случалось мнѣ приниматься за чтеніе ученыхъ статей, писанныхъ на французскомъ или англійскомъ языкѣ, но не смотря на то, что эти два языка совершенно знакомы мнѣ съ самаго дѣтства, я ничего не понимала изъ то-

го, что̀ читала, и, пробѣжавъ строчекъ двадцать, бросала непонятную для меня статью, чтобъ приняться за чтеніе болѣе легкое. Я умалчиваю уже о нѣмецкомъ языкѣ, гдѣ иногда самые ученые ничего не понимаютъ. — Прочитавъ диссертацію моего мужа, я еще болѣе оцѣнила его достоинства: тутъ онъ выказывался еще въ большемъ блескѣ, чѣмъ когда-нибудь. Любовь моя удвоилась удивленіемъ, которое возбудилъ онъ во мнѣ; но въ то же время цѣлый міръ новыхъ идей возникъ во мнѣ. Я чувствовала,— хотя мужъ мой ничего не говорилъ объ этомъ,— что онъ не былъ созданъ для того рода занятій, которымъ онъ посвящалъ свое время. Мнѣ казалось, что будущность гораздо выше настоящаго ожидаетъ его. Я обожала моего мужа и любовь моя къ нему была слишкомъ искренна, чтобы быть эгоистическою: я желала видѣть его великимъ. Его счастіе зависѣло отъ меня—но величіе?! могъ ли онъ ожидать его отъ меня? Должна ли я была удерживать въ своихъ объятіяхъ того, чьи обширныя свѣдѣнія, блестящій умъ могли просвѣтить такъ многихъ?

Не слѣпой случай управляетъ вселенною, нѣтъ! Святой промыселъ руководитъ каждымъ нашимъ шагомъ. Случай, повидимому ничтожный, имѣлъ большое вліяніе на будущность моего мужа. Если бы не этотъ случай, то, вѣроятно, былъ бы посланъ другой, но каждой вещи нужно же какое-нибудь начало. Осипъ Ивановичъ имѣлъ чрезвычайную склонность къ изящному, къ роскоши и къ комфорту. Вопросъ о томъ, будемъ ли мы дер-

жать экипажъ или нѣтъ, довольно долго оспаривался и оставался между нами нерѣшеннымъ. Мой мужъ непремѣнно хотѣлъ держать экипажъ; онъ утверждалъ, что я съ самаго рожденья привыкла ѣздить въ каретѣ, и что онъ нисколько не желаетъ лишать меня тѣхъ удобствъ, къ которымъ я привыкла, а напротивъ, желаетъ еще прибавить къ нимъ. Я была противъ этого, потому-что держать лошадей казалось слишкомъ большою издержкою для тогдашняго нашего дохода. Однакожъ доказательства моего мужа, поддержанныя любовью, взяли верхъ надъ моими, которыя имѣли опорою одно только благоразуміе. Мы по случаю купили карету, лошадей и всѣ принадлежности. Все это было не очень великолѣпно, но очень прилично и я находила, что этимъ можно было очень хорошо удовольствоваться. Но Осипъ Ивановичъ былъ не того мнѣнія: онъ говорилъ, что все это могло служить только на время, но что при первой возможности онъ пріобрѣтетъ что-нибудь получше. Цѣлый годъ, однакожъ, прошелъ, прежде чѣмъ это предположеніе могло осуществиться. Въ это время лошади, которыя были ужъ стары, когда мы ихъ купили, состарѣлись еще болѣе и нужно было поторопиться продать ихъ, если мы желали получить еще за нихъ хоть что-нибудь. Онѣ были проданы почти за ничто и барышники привели намъ другихъ на выборъ. Выборъ, однакожъ, былъ не легокъ, въ большомъ множествѣ приводимыхъ лошадей. Однѣ были слишкомъ стары, другія слишкомъ-молоды; тѣ слишкомъ бѣшены; эти слишкомъ дороги или ужъ черезчуръ

не красивы Наконецъ привели одну пару, которая, казалось, удовлетворяла всѣмъ требованіямъ. Правда, она стоила нѣсколько болѣе того, что̀ мы могли дать, потому-что весь нашъ доходъ заключался въ жалованьѣ, а до конца года оставалось еще нѣсколько мѣсяцевъ. Но лошади, въ особенности одна, были такъ хороши! Такого прекраснаго сѣраго цвѣта! Онѣ были въ тоже время и горячи, и кротки, и не стары, и не слишкомъ молоды; онѣ должны были прослужить намъ такъ долго! Стоитъ только поэкономничать немного въ другомъ и лошади будутъ наши. Я воображала себя очень опытною въ дѣлѣ домашней экономіи и обѣщала стараться какъ нельзя болѣе. Такимъ образомъ хорошенькія лошади были куплены. На другой же день мы употребили въ дѣло наше новое пріобрѣтеніе. Мы выѣхали и пріѣхали очень довольные нашими конями. На слѣдующій день новая прогулка удостовѣрила насъ, что выборъ не могъ быть удачнѣе. На третій день, утромъ, когда мы сидѣли за чаемъ и дѣлали планы какъ провести день, вдругъ вошелъ кучеръ съ длиннымъ, печальнымъ лицомъ.

— Не знаю, что сдѣлалось съ нашимъ *Красавцемъ*, сказалъ онъ: не пьетъ, не ѣсть и весь дрожитъ какъ въ лихорадкѣ. Мужъ мой тотчасъ побѣжалъ смотрѣть нашего любимца; послали за ветеринаромъ, но все было напрасно; черезъ два дня лошадь околѣла.

Когда Осипъ Ивановичъ увидѣлъ, что я горько плачу, онъ немножко потрунилъ надо мною и сказалъ, что, право, не стоитъ труда плакать о

потерѣ какихъ-нибудь двухъ, трехъ сотъ рублей. Упрекъ этотъ сильно тронулъ меня, потому-что онъ былъ незаслуженный, и я спросила мужа: «Развѣ онъ считаетъ дружбу за ничто?» — Это слово понравилось ему какъ все нравилось ему во мнѣ. Онъ нѣжно поцѣловалъ меня и замѣтилъ, что все-таки, не смотря на мою дружбу къ околѣвшей лошади, надо утѣшиться. Но что̀ же намъ дѣлать теперь съ каретой, кучеромъ и одною лошадью на конюшнѣ. Кромѣ кареты у насъ не было никакого другаго экипажа. Что̀ дѣлать теперь съ збруей, съ запасами сѣна и овса, только-что купленнаго? Все это не могло служить намъ! Какъ быть? Наличныхъ денегъ у насъ не было, а занять, взять впередъ жалованье въ счетъ будущаго года—объ этомъ ни я, ни мужъ мой и думать не хотѣли!

Цѣлый день пробыли мы въ раздумьи, но на слѣдующій у О. И. уже явилась новая мысль. Въ предшествовавшемъ году, лѣтомъ, мы съ большимъ удовольствіемъ читали романъ Морріера «Хаджи Баба въ Лондонѣ». Это чтеніе веселило насъ чрезвычайно.

— Знаешь-ли, что̀ я хочу сдѣлать, чтобы вознаградить нашу потерю и прибавить еще кой-какихъ игрушекъ, которыя заставили бы тебя лучше забыть объ ней. Я хочу перевесть «Хаджи Бабу». Что̀ ты думаешь объ этомъ?

Въ первую минуту я не одобрила этой выдумки; я была только тронута до глубины души добротою моего мужа и боялась, чтобъ это не былъ для него слишкомъ-большой трудъ. Мнѣ казалось тоже, что заниматься переводомъ не его дѣло.

Но онъ успокоилъ меня, объяснивъ, что трудъ будетъ совсѣмъ не такъ великъ, что это будетъ для него скорѣе забавой, потому-что книга такъ хороша и ктому же переводъ «Хаджи Бабы» былъ именно ему съ руки: чтобъ сдѣлать его хорошо, нужно было непремѣнно быть коротко знакому съ востокомъ. Мой мужъ тотчасъ же горячо принялся за работу. Увы, я потеряла на время самаго милаго собесѣдника, но, я не могла жаловаться! Онъ работалъ для меня!

Многіе, вѣроятно, помнятъ еще огромный успѣхъ, который имѣлъ переводъ моего мужа.

Смирдинъ тотчасъ же купилъ у Осипа Ивановича его переводъ и заплатилъ за него 3.000 руб. асс Какое богатство! Тутъ было на что̀ купить десять лошадей! Мы однакожъ удовольствовались тогда покупкою одной; но въ скоромъ времени потомъ къ первой парѣ прибавили другую. Итакъ вмѣсто того, чтобъ сдѣлаться бѣднѣе, мы еще имѣли въ рукахъ излишекъ денегъ. Мнѣ онѣ были ненужны: того что̀ я получала каждый мѣсяцъ, было совершенно-достаточно для расходовъ, и потому мужъ могъ располагать полученными деньгами и тратить ихъ по своему вкусу. Онъ истратилъ все; и все было истрачено для меня. Платья, на яды самые модные, вещи самыя изящныя, но совершенно ненужныя были выбраны съ любовью и вкусомъ. Мужъ мой покрылъ меня съ головы до ногъ вещами, въ которыхъ я совершенно не нуждалась, которыя мѣшали мнѣ гораздоболѣе, чѣмъ приносили пользы — но онѣ имѣли въ моихъ глазахъ одно большое, главное достоин-

ство: онѣ доказывали мнѣ только любовь моего мужа. Осипъ Ивановичъ никогда не хотѣлъ вѣрить мнѣ, когда я говорила, что при обладаніи такимъ сокровищемъ какъ онъ, ничто въ мірѣ не имѣло уже цѣны въ моихъ глазахъ. Онъ былъ слишкомъ скроменъ, чтобы вѣрить моимъ словамъ. Онъ утверждалъ, что это была женская хитрость, и удвоивалъ подарки, которые, говорилъ онъ, я должна принимать какъ доказательства его любви.

Мужъ мой былъ такъ доволенъ успѣхомъ *Хаджи Баба въ Лондонѣ*, что вскорѣ потомъ рѣшился предпринять переводъ другой части этой книги: *Хаджи Бабы въ Персіи и Турціи*. Но, на этотъ разъ работа оказалась менѣе благодарною. Похожденія Хаджи-Бабы на родинѣ, на Востокѣ, для публики далеко не имѣли того интереса и комизма, которымъ отличались его похожденія въ столицѣ Англіи. Не смотря на весь талантъ, на все знаніе мѣстностей, которое выказалъ Осипъ Ивановичъ въ этомъ переводѣ, успѣхъ втораго «Хаджи Бабы» былъ гораздо слабѣе перваго. Но глазъ вѣрный, испытующій слѣдилъ за моимъ мужемъ на этомъ новомъ поприщѣ. Его достоинства были взвѣшены на вѣрныхъ вѣсахъ. Не страсть, не энтузіазмъ должны были теперь рѣшить его будущность, а вѣрный разсчетъ, въ которомъ не могло быть ошибки. Смирдинъ угадалъ Брамбеуса еще прежде его рожденья.

— Оставьте, сказалъ онъ ему, ваши переводы! Какъ бы они ни были хороши, вы все-таки должны заниматься другимъ. Сочиняйте сами! пи-

шите для меня, пожалуйста! Вы обязаны это сдѣлать, это вашъ долгъ!

Повторяя мнѣ все это слово въ слово, Осипъ Ивановичъ не придавалъ этому никакого значенія и не вѣрилъ даже, чтобъ это было дѣйствительно сказано серьёзно. Съ своей необыкновенной скромностью, онъ смотрѣлъ на правду, которую ему говорили, какъ на самые пустые комплименты, на которые не слѣдуетъ обращать вниманія. Вскорѣ, однакожъ, представился случай исполнить то, чего желалъ Смирдинъ.

Небольшая, скромная книжная лавка Смирдина у Синяго Моста, переносилась въ блестящій, великолѣпный магазинъ на Невскомъ Проспектѣ. Всѣ современные писатели обѣщали написать для общаго любимца по статьѣ, вмѣсто хлѣба-соли на новоселье. Всѣ эти дружескія приношенія, соединенныя вмѣстѣ, составили книгу, которой дано было имя «Новоселье». Мужъ мой обѣщалъ быть участникомъ, какъ и другіе, и имя его должно было занять мѣсто между знаменитѣйшими именами того времени. «Новоселье» должно было выйти осенью и Осипъ Ивановичъ намѣревался написать лѣтомъ свою статью.

Это было опять на той же чудесной дачѣ, свидѣтельницѣ столькихъ очаровательныхъ дней любви и счастья, и мужъ мой принялся писать для «Новоселья». Я вижу его задумчивымъ, занятымъ; ночью онъ пишетъ, цѣлый день думаетъ. Нѣтъ болѣе ни чтенія, ни прогулокъ, ни разговоровъ. Я вижу, что все это теперь уже не у мѣста, что нечего уже и думать объ этомъ и надо уступить

мѣсто генію. По окончаніи работы, я опять первая его цѣнительница.

Кто изъ насъ не помнитъ «Большаго выхода у Сатаны»? кто не слыхалъ, по-крайней-мѣрѣ объ немъ? Скажите же вы всѣ, которые знакомы съ этимъ сочиненіемъ, не должно ли назвать образцовымъ, превосходнымъ это первородное дѣтище барона Брамбеуса? Вы, которые еще были слишкомъ-молоды, чтобы читать это сочиненіе, когда оно вышло въ свѣтъ, возьмите его теперь, прочтите и скажите, пристрастна ли я, или отдаю только должную справедливость памяти великаго человѣка.

Передать то, что̀ я чувствовала, читая эту статью—невозможно. Я читала и перечитывала ее. Каждое слово врѣзывалось въ памяти, въ каждой строкѣ я находила цѣлый міръ ума. Остроуміе, насмѣшка самая тонкая, критика самая вѣрная и въ то же время самая ѣдкая были разлиты во всей статьѣ. Ни одного лишняго слова — потому-что въ каждомъ словѣ заключалась глубокая мысль.

Эта статья, какъ всѣмъ извѣстно, сдѣлалась подножіемъ литературной славы моего мужа и онъ стоялъ крѣпко, потому-что никогда, никто не могъ опрокинуть его! а въ желающихъ и старающихся, кажется, не было недостатка! Но зависть, злость, алчность и клевета разбились объ него и вынесли одинъ стыдъ отъ безсильныхъ попытокъ своихъ.

Если таковъ былъ успѣхъ этой статьи между людьми равнодушными, то какое впечатлѣніе должна была произвести она на меня, которая

такъ давно уже обожала ея творца! Внезапный переворотъ совершился во мнѣ. Величіе моего мужа открылось мнѣ наконецъ: я поняла, что онъ довольно уже жилъ для меня, что геній его принадлежалъ не мнѣ одной и что я должна была отказаться отъ правъ, которыми пользовалась довольно долго.

Скромный въ высшей степени, какъ и всегда, Осипъ Ивановичъ поручилъ мнѣ прочесть статью и съ какимъ-то безпокойствомъ ждалъ моего мнѣнія. Въ первую минуту я была дотого восхищена, дотого внѣ себя, что не съ умѣла выразить ему моей радости и восторга иначе какъ сжала его въ своихъ обятіяхъ и назвала своимъ солнцемъ, славой и счастіемъ. Когда я немного успокоилась, я передала ему впечатлѣніе, которое произвело на меня это чтеніе. Мужъ мой хотя очень довольный моимъ отзывомъ, не повѣрилъ однакожъ, чтобы въ моихъ похвалахъ не было преувеличенія. Онъ утверждалъ, что моего мнѣнія было еще недостаточно. Доказательствомъ того, что онъ не повѣрилъ мнѣ и считалъ свой успѣхъ очень невѣрнымъ, служитъ то, что, желая оказать услугу Смирдину и украсить чѣмъ-нибудь хорошимъ его сборникъ, онъ принялся за сочиненіе другой статьи, въ совершенно противоположномъ родѣ. Востокъ былъ спеціальностью моего мужа и въ этомъ родѣ онъ всегда болѣе былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ написалъ «Антара» для тѣхъ изъ читателей, которымъ не понравился бы умъ блестящій, острый и ѣдкій «Большаго выхода». Что же касается до меня, то «Ан-

таръ» былъ новою драгоцѣнностью, которую я прибавила къ лучамъ новой славы того, кого съ такою гордостью называла своимъ мужемъ.

Позже Осипу Ивановичу пришлось написать «Вступленіе къ Новоселью». Смирдинъ, который прекрасно умѣлъ оцѣнять дарованія и имѣлъ очень вѣрный тактъ, обратился къ моему мужу. Онъ зналъ, что поручить Сенковскому свои дѣла, значило отдать ихъ въ вѣрныя руки.

Прелестное вступленіе, написанное съ жаромъ, блестящее умомъ, располагало заранѣе читателя въ пользу собранія, хотя было подписано именемъ, которое являлось только въ первый разъ.

Таинственное имя *Брамбеуса,* впослѣдствіи такъ прославившееся, происходитъ изъ такого темнаго источника, что, вѣроятно, никто никогда не подумалъ бы отыскивать его тамъ, откуда оно взято.

У насъ жилъ лакей, по имени Григорій, молодой человѣкъ, добрый малый, очень смышленый, но все-таки часто смѣшившій насъ своими выходками и простотой. Однажды напримѣръ, онъ упорствовалъ въ томъ, чтобъ подавать гостямъ блюда въ порядкѣ совершенно противоположномъ тому, который былъ ему предписанъ. «Извините, говорилъ онъ, я не могу иначе! Я подаю по солнцу». Этотъ человѣкъ страстно любилъ книги и всякую свободную минуту посвящалъ чтенію. Была въ особенности одна книга, которую онъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ. Я думаю, онъ такъ часто перечитывалъ ее, что уже зналъ всю наизустъ. Герой этой книги былъ испанскій король Брам-

беусъ, а героиня королева Брамбилла. Нѣсколько разъ Григорій до того погружался въ это чтеніе, что не слышалъ даже, когда Осипъ Ивановичъ звалъ его. Мой мужъ полюбопытствовалъ узнать, что̀ могло до такой степени увлекать его лакея; онъ взялъ эту книгу, всю ободранную отъ частаго употребленія, перелистовалъ ее и съ тѣхъ поръ Григорію не было другаго имени какъ *Брамбеусъ*, въ особенности, когда онъ дѣлалъ какую-нибудь неловкость, какой-нибудь смѣшной промахъ.

— Брамбеусъ! ахъ, ты, Брамбеусъ этакой!

Это имя такъ часто повторяемое моимъ мужемъ первое представилось ему для псевдонима. Онъ и не трудился искать себѣ другаго. Это имя было взято потому, что первое попалось подъ руки. И чѣмъ же оно было хуже другаго?

Въ началѣ сентября 1832 года мы возвратились въ городъ. Четыре лѣта ужъ, послѣ нашей женидьбы проводили мы на прекрасной дачѣ моего отца, соединявшей въ себѣ всѣ городскія удобства и всю прелесть деревни. Мы страстно любили эту дачу и всегда съ большимъ сожалѣніемъ покидали ее. На этотъ разъ, не зная того, мы оставляли ее навсегда.

Возвратясь въ городъ, мужъ мой принялся за обычныя занятія свои въ Университетѣ и по цензорству, которое оставилъ однакожъ шесть мѣсяцевъ спустя.

Смирдинъ получилъ три статьи вмѣсто одной, обѣщанной, и Осипъ Ивановичъ въ то время не предполагалъ писать ничего другаго. Мы спокойно

окончили 1832 годъ. Между-тѣмъ «Новоселье» печаталось и Смирдинъ дѣлалъ большія приготовленія для своего новаго помѣщенія.

Начало 1833 года было время печали и траура для насъ.

Мы всегда праздновали 13 января, день нашей свадьбы. Въ этотъ день постоянно собирались у насъ всѣ наши родные и добрые знакомые, чтобъ быть свидѣтелями постояннаго и все возрастающаго счастія нашего. Одна изъ сестеръ моихъ, которую я нѣжно любила, къ которой мужъ мой питалъ самую сильную дружбу, женщина милая, чрезвычайно умная, добрая и совершенно счастливая нашимъ счастіемъ, должна была встрѣтить смерть на нашемъ вечерѣ. Она простудилась; на слѣдующій день не могла встать съ постели. Въ началѣ, однакожъ, болѣзнь не казалась опасною. Это былъ сильный гриппъ, который, какъ утверждали, долженъ былъ вскорѣ окончиться. Онъ окончился дѣйствительно слишкомъ скоро, потому что черезъ двѣ недѣли послѣ этого сестры моей уже не было на свѣтѣ!... Спустя нѣсколько дней послѣ нашего праздника, мужъ мой также занемогъ: болѣзнь его началась сильной головной болью. Осипъ Ивановичъ думалъ, что это мигрень, которой онъ часто былъ подверженъ. Я сама, хотя чувствовала себя очень несчастною, видя, какъ онъ страдаетъ, не безпокоилась, однакожъ, на его счетъ и была увѣрена, что эта головная боль пройдетъ къ вечеру, какъ обыкновенно проходила его мигрень. Но вышло иное. На другой день боль еще усилилась. Я по-

слала за докторомъ. Это былъ превосходный человѣкъ и добрый другъ нашъ, Моравскій. Онъ пріѣхалъ въ ту же минуту. Нельзя было терять ни одного мгновенья: у Осипа Ивановича было воспаленіе въ мозгу. Можете вообразить себѣ мое отчаяніе! Однако нужно было побѣдить его, въ особенности скрыть отъ дорогаго больнаго! Нѣсколько дней жизнь его была въ опасности, но Провидѣніе хранило его. Онъ еще долженъ былъ жить. Исскуство и заботливый уходъ съ помощью Божіею восторжествовали надъ болѣзнью. Но между-тѣмъ какъ, съ одной стороны, сердце мое воскресло для радости, съ другой новая причина тревоги и горя должна была возмутить его. Болѣзнь сестры моей усиливалась со дня на день и вскорѣ всякая надежда исчезла.

Мой мужъ, едва вышедшій изъ опасности, еще больной, съ учáстіемъ освѣдомлялся о состояніи сестры. Онъ хотѣлъ знать малѣйшія подробности, находилъ мои объясненія недостаточными и хотѣлъ знать гораздо болѣе того, чтò я должна была говорить ему. Докторъ строго запретилъ мнѣ говорить Осипу Ивановичу о настоящемъ состояніи больной; онъ боялся возобновленія болѣзни. Когда сестра умерла, должно было старательно скрывать отъ него эту смерть и мое горе и наши опасенья насчетъ его самого. Однакожъ, скрывать слишкомъ-долго печальную тайну могло быть также опасно; мой мужъ могъ случайно узнать о смерти сестры и тогда ударъ былъ бы еще ужаснѣе. Онъ былъ еще очень слабъ, не вставалъ съ постели, но былъ уже совершенно внѣ опасности и

начиналъ поправляться, когда я понемногу приготовила его и наконецъ разсказала печальное событіе. Это извѣстіе, не смотря на приготовленіе, сильно подѣйствовало на моего мужа и замедлило еще на нѣсколько времени его выздоровленіе. Осипъ Ивановичъ очень любилъ мою сестру; мы оба считали ее лучшимъ нашимъ другомъ.

Эта неожиданная смерть подала ему нѣкоторымъ образомъ мысль кончить «Любовь и Смерть», напечатанную въ третьей книжкѣ «Библіотеки для Чтенія».

Огорченіе его было сильно и глубоко, и при ужасной слабости вслѣдствіе трудной болѣзни оно повергло его снова въ такое состояніе, которое возобновило всѣ мои опасенія. Я сожалѣла, что не подождала еще, хотя дѣйствовала рѣшительно такъ, какъ предписывалъ мнѣ нашъ превосходный другъ и докторъ.

Состояніе слабости и грусти было такъ сильно, что приводило меня въ совершенное отчаяніе я не знала, что̀ мнѣ дѣлать, чтобы развлечь его, и не смотря на всю мою любовь, ничего не могла придумать. Но вдругъ посреди мыслей самыхъ мрачныхъ, солнце встало ясное, блестящее и озарило живительными лучами своими наше печальное жилище: вышло «Новоселье». Баронъ Брамбеусъ съ торжествомъ выступалъ въ свѣтъ.

Другіе могутъ судитъ объ его произведеніяхъ, но никто какъ я не можетъ знать того впѣчатлѣнія, которое произвело его первое появленіе. Нашу дверь, такъ долго закрытую для посѣтителей, по случаю болѣзни моего мужа, открыли си-

лою. Всѣ хотѣли быть первыми чтобы, поднести дань удивленія и передать Осипу Ивановичу восторгъ, энтузіазмъ толпы, толпы безпристрастной, потому-что она была не подкуплена, да и кто могъ подкупить ее. Имя новое, незнакомое между многими другими извѣстными, знаменитыми уже съ давнихъ поръ; метеоръ, который только-что появлялся, тогда какъ другіе давно ужъ утвердились на своихъ мѣстахъ. Но съ изъявленіемъ восхищенія приходили и такіе люди, которые могли видѣть въ Брамбеусѣ новаго соперника. Какъ объяснить это безпристрастіе, эту справедливость со стороны людей, которые впослѣдствіи сдѣлались отъявленными врагами моего мужа и его генія. Было ли это великодушіе, доброта, справедливость? Я думаю, ударъ былъ такъ силенъ и неожиданъ, внезапно явившійся талантъ былъ такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что никто не могъ устоять противъ него. Все было опрокинуто, перевернуто; пришлось вставать уже позже.

Похвалы были такъ единодушны, что казалось невозможнымъ не присоединиться къ нимъ. Успѣхъ былъ поразительный и далеко превосходилъ, я не скажу ожиданія моего мужа, который никогда не разсчитывалъ на большіе успѣхи, но даже все, что̀ я сама могла ожидать отъ справедливости людей.

Все, что̀ могло непріятно взволновать моего мужа, было строго запрещено, но впѣчатлѣнія пріятныя могли только благодѣтельно дѣйствовать на него. Итакъ, небольшому числу избранныхъ позволено было видѣть его, пожать его руку и

сказать ему какъ огроменъ былъ успѣхъ барона Брамбеуса. Огорченіе и безпокойство дѣлаютъ еще болѣе чувствительнымъ удовольствіе, которое является къ намъ вдругъ и неожиданно. Успѣхъ моего мужа и живое участіе, которое принимали въ немъ всѣ друзья, доставляли ему самое пріятное чувство радости. Но этотъ успѣхъ, какъ ни былъ онъ великъ. какія могъ онъ имѣть послѣдствія? Куда поведетъ онъ его? Или оставитъ на прежнемъ мѣстѣ? Это вопросы, которые вѣроятно въ то время задавали себѣ многіе. — Чтожъ, могли говорить иные, еще не важное дѣло, что онъ написалъ три статьи, умныя, блестящія, которыя на мгновенье затмили все! Этотъ яркій свѣтъ скоро померкнетъ и тогда мы заблестимъ, какъ блистали прежде, и взойдемъ снова въ свои права, великодушно уступленныя ему на мгновенье. Такія счастливыя мысли находятся не часто, и кто знаетъ найдется ли скоро достойный наслѣдникъ у «Большаго выхода». Въ разсчетахъ и предположеніяхъ которыя дѣлались тогда, забывали только, на какихъ вѣсахъ уже предварительно взвѣшенъ былъ талантъ моего мужа, и что ошибки тутъ не могло быть ни на одинъ золотникъ.

Спокойный, некраснорѣчивый, скупой на слова на столько же, на сколько былъ щедръ въ своихъ дѣлахъ, Смирдинъ также пришелъ навѣстить моего мужа. Осипъ Ивановичъ не любилъ, чтобы я присутствовала при разговорахъ его съ людьми, съ которыми онъ имѣлъ дѣла. Онъ не хотѣлъ, чтобы я слышала то, что могло или огорчить или встревожить меня. Когда у него были заботы или огор-

ченія, онъ всегда тщательно скрывалъ ихъ отъ меня, хотя обыкновенно, не смотря на всѣ его предосторожности, я узнавала ихъ почти въ одно время съ нимъ. Когда же напротивъ случалось, что-нибудь счастливое, или являлось предположеніе, которое могло сдѣлаться выгоднымъ, онъ говорилъ мнѣ объ этомъ тотчасъ.

Приведя Смирдина въ комнату больнаго, я по обыкновенію, удалилась. Разговоръ ихъ продолжался долго, очень долго. Когда Смирдинъ ушелъ, мужъ мой послалъ за мною, и когда я пришла, просилъ меня сѣсть къ нему на постель. Я тотчасъ увидѣла, по выраженію лица его, что между имъ и Смирдинымъ произошло что-нибудь очень важное. Я однакожъ не встревожилась, потому-что, хотя мужъ мой былъ взволнованъ, однакожъ имѣлъ такой веселый и довольный видъ, что нельзя было предположить ничего кромѣ самыхъ пріятныхъ новостей.

Осипъ Ивановичъ разсказалъ мнѣ, что Смирдинъ благодарилъ, очень благодарилъ его за сдѣланное ему огромное одолженіе, за которое онъ не знаетъ какъ отблагодарить, и потомъ съ смущеннымъ видомъ, какъ-будто бы дѣло шло о какой-нибудь милости со стороны Осипа Ивановича, Смирдинъ просилъ его принять, какъ слабое доказательство его благодарности, полторы тысячи рублей асс., взятыя у него въ долгъ моимъ мужемъ. Признаюсь, это было очень кстати, потому-что болѣзнь Осипа Ивановича стоила намъ большихъ издержекъ. Сваливъ съ себя грузъ благодарности или, вѣрнѣе грузъ словъ которыя дол-

женъ былъ произнести по этому случаю, Смирдинъ вошелъ опять въ свою сферу и началъ уже не обинуясь толковать о дѣлѣ, которое задумывалъ. Онъ хотѣлъ издавать журналъ и предлагалъ редакторство Осипу Ивановичу съ платою 12,000 руб. асс. въ годъ. Это предложеніе обрадовало чрезвычайно моего мужа во всѣхъ отношеніяхъ и, передавая мнѣ это, онъ съ удовольствіемъ вычислялъ всѣ выгоды, забывая совершенно всѣ труды и заботы, нераздѣльные съ такимъ дѣломъ. Я спросила, не будетъ ли слишкомъ велика работа?

— О, нѣтъ! отвѣчалъ онъ, все будетъ такъ хорошо организовано, что работа будетъ легка. Впрочемъ мы раздѣлимъ редакцію съ Гречемъ: онъ будетъ читать корректуры и поправлять слогъ въ переводахъ. Я беру на себя только выборъ статей, критику да еще обѣщаю написать нѣсколько повѣстей. Ты видишь, все это не Богъ знаетъ какой трудъ, а доставитъ мнѣ большое удовольствіе, не говоря уже о томъ, что мнѣ можно будетъ тогда окружить тебя, моя крошка, всѣми возможными игрушками и покрыть съ ногъ до головы великолѣпнѣйшими вещами.

— Я тебя столько разъ просила, мой ангелъ, сказала я ему, немножко разсердясь, чтобы ты не ставилъ въ счетъ всѣ эти пустяки, когда дѣло идетъ о предметахъ важныхъ: о твоемъ здоровьи, спокойствіи и славѣ; къ тому же я не ребенокъ и не кукла, и ты очень хорошо знаешь, что кромѣ тебя мнѣ ничего не нужно въ мірѣ.

— Да, да, вы всѣ говорите такъ, а между-тѣмъ, въ сущности, думаете совсѣмъ иначе, и нѣтъ

ни одной изъ васъ, какъ бы ни была она умна, которая втайнѣ не обожала бы тряпки, не смотря на то, что говоритъ объ нихъ съ презрѣніемъ.

Это былъ предметъ, о которомъ мы ужъ тысячу разъ толковали и спорили: но я никогда не могла убѣдить моего мужа, не только въ равнодушіи, но даже въ антипатіи моей къ нарядамъ и роскоши, добываемыхъ насчетъ его здоровья, сна и спокойствія. Онъ же, напротивъ, чѣмъ болѣе работалъ, чѣмъ болѣе погребалъ себя подъ страшною массой предпринимаемыхъ работъ, тѣмъ больше считалъ долгомъ вознаградить меня за то, что̀ я теряла. Онъ думалъ, что тысячи бездѣлушекъ, которыя должны были нравиться мнѣ, но которыя я всѣ бы отдала за одинъ часъ, проведенный съ нимъ, могли замѣнить мнѣ его общество, его бесѣду, въ которой состояло счастіе всей моей жизни.

Но, прежде чѣмъ предпринять что-нибудь, надо было заняться главнымъ — возстановленіемъ здоровья и силъ. О. И. былъ уже почти здоровъ, когда новое несчастіе вдругъ поразило насъ: 23-го апрѣля 1833 года умеръ мой отецъ. Маменька, здоровье которой было очень слабо, оставалась съ одной незамужней дочерью. Мой мужъ, который былъ всегда для нея самымъ нѣжнымъ сыномъ, долженъ былъ заняться ея дѣлами вмѣстѣ съ другимъ зятемъ, Брюлловымъ. Болѣзненное состояніе маменьки, печальные предметы, которые окружали и возобновляли безпрерывно ея печаль, все требовало для нея путешествія за границу. Она уѣхала на два года съ сестрою.

Вслѣдствіе семейныхъ распоряженій мы рѣшились оставить домъ, въ которомъ я родилась, гдѣ вышла замужъ и четыре года наслаждалась самымъ полнымъ счастьемъ. Такъ постигла насъ вдругъ смерть сестры, болѣзнь мужа, смерть отца, разлука съ моей возлюбленной матерью, съ которой я никогда еще не разставалась, и наконецъ необходимость разстаться съ роднымъ кровомъ который я любила какъ любятъ родину!

Мы переѣхали на Васильевскій Островъ и наняли квартиру въ Первой Линіи. Намъ было удобно жить тутъ и для мужа моего и для меня. Университетъ, куда ходилъ онъ четыре раза въ недѣлю, былъ близокъ, и мнѣ также пріятно было поселиться ближе къ роднымъ, которые всѣ почти жили на Васильевскомъ Острову. Устройство маменькиныхъ дѣлъ, ея отъѣздъ, нашъ переѣздъ, заняли мужа моего впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и дали отчасти другое направленіе его мыслямъ. Лѣто провели мы скучно, въ городѣ. Наша прекрасная дача, заложенная въ казну за большую сумму, послѣ смерти отца не принадлежала болѣе его семейству. Мы не наняли себѣ дачи, потому что и безъ того было у насъ довольно хлопотъ. Мужъ мой ждалъ съ нетерпѣніемъ окончанія всѣхъ домашнихъ дѣлъ, чтобъ отдаться совершенно хлопотамъ литературнымъ. Журналъ долженъ былъ начаться только съ новаго года: почти полгода оставалось до этого. Что̀ дѣлать пока? Приготовленія къ журналу не могли занять столько времени. Надо было наполнить этотъ промежутокъ. Литературное направле-

ніе, однажды уже данное, не могло остановиться. Въ ожиданіи журнала, Осипъ Ивановичъ написалъ свои «Фантастическія Путешествія.» Тутъ опять я не хочу быть судьею; каждый критикъ, каждый читатель можетъ судить такъ же какъ я; но, какъ правдивая разскащица могу ли умолчать о томъ, что это новое произведеніе прибавило еще болѣе блеску къ славѣ моего мужа, окружило его новымъ сіяніемъ, и что псевдонимъ его, переходя изъ устъ въ уста становился знаменитѣе со дня на день; что число поклонниковъ становилось все многочисленнѣе, но что зависть уже готовила свои черные замыслы и находила очень неудобною для себя эту новую знаменитость: яркій блескъ бросалъ слишкокъ много тѣни на нихъ!...

Мой мужъ, начавъ писать свои «Фантастическія путешествія», ошибся въ объемѣ, который будетъ имѣть это произведеніе. Онъ думалъ писать только статью для «Библіотеки для Чтенія», и только окончивъ работу, замѣтилъ, что придется издать ее особою книгой. Между-тѣмъ время шло, годъ подходилъ къ концу и надо было готовить первый нумеръ журнала къ первому январю. Множество матеріаловъ было приготовлено для этого. Мой мужъ могъ располагать всѣмъ, что̀ было лучшаго въ журналахъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ; все, что̀ было напечатано по-русски въ послѣдніе годы, должно было быть внимательно прочтено, чтобы, ознакомить публику съ этими сочиненіями. Безчисленное множество рукописей было принесено писателями знакомыми и незнакомыми извѣстными и неизвѣстными: всѣ желали

быть сотрудниками новаго журнала. Все, что было новаго въ литературахъ французской, англійской и нѣмецкой, должно было также войти въ составъ «Библіотеки для Чтенія». Мой мужъ не хотѣлъ только поверхностно управлять журналомъ. Онъ вносилъ въ него все, что было у него познаній, ума и учености. Но чтобъ употребить съ пользою это сокровище, чтобъ вылить всѣ богатства, которыми онъ обладалъ, не надо было щадить ничего, и все-таки, отдавая все свое время, всю жизнь, не было никакой возможности употребить всего, чѣмъ былъ онъ такъ богатъ. И вотъ онъ съ утра до ночи читаетъ, думаетъ, дѣлаетъ замѣтки карандашомъ, занимается день и ночь, и все-таки находитъ, что недовольно добросовѣстно исполняетъ возложенную на него обязанность.

«Никогда не должно говорить: я сдѣлалъ это хорошо, когда можно сдѣлать лучше», часто говорилъ онъ, и всю жизнь свою слѣдуя этому правилу, онъ вѣчно былъ недоволенъ всѣмъ, что дѣлалъ. Долго не могъ онъ рѣшиться отдать въ «Библіотеку для Чтенія» первую повѣсть. Онъ думалъ, что это мѣсто, принадлежитъ по праву одному изъ писателей болѣе извѣстныхъ, болѣе любимыхъ, чѣмъ его псевдонимъ, явившійся еще только однажды. Въ это время «Фантастическія Путешествія» не были еще напечатаны, но Смирдинъ, совершенно отдавшій распоряженіе журналомъ моему мужу, въ этомъ случаѣ явился деспотомъ. Онъ требовалъ, чтобы первая повѣсть въ «Библіотекѣ для Чтенія» непремѣнно была съ под-

письмо барона Брамбеуса, и говорилъ, что отъ этого зависитъ судьба его журнала. Осипу Ивановичу нечего было говорить противъ этого и, однажды рѣшившись, онъ принялся за дѣло тотчасъ. Планъ повѣсти «Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ» уже съ нѣкоторыхъ поръ строился у него въ головѣ; стоило только привести его въ порядокъ и написать. Времени было мало; мужъ мой нашелъ способъ продлить его. Съ этой минуты ни сна ни отдохновенія ночью; онъ дремалъ только часа два сидя въ своихъ креслахъ, когда глаза уже не глядѣли и закрывались отъ усталости. Какая пища могла быть возможна для человѣка, который совершенно отдѣлился отъ земли, перенесся въ міръ идеальный и забылъ, что слабые смертные имѣютъ необходимыя потребности. Напомнить ему это, вывести изъ заблужденія не было никакой возможности. Я напрасно объясняла бы ему, что надо обѣдать, завтракать, проводить ночь въ постелѣ: онъ не повѣрилъ бы мнѣ, такъ былъ онъ поглощенъ своими мыслями. Я только разстроила бы ходъ этихъ мыслей, помѣшала бы работѣ, и все-таки ничего не достигла бы. Долгій опытъ убѣдилъ меня въ этомъ. Тогда это было только въ началѣ, на первыхъ порахъ моей опытности, и безъ сомнѣнія мнѣ было очень тяжело. Сколько разъ хотѣла я облегчить трудъ моему мужу и не могла. Я, разумѣется, не буду утверждать, чтобы впродолженіи десяти дней, когда писалъ свою повѣсть, онъ ничего не ѣлъ и жилъ однимъ воздухомъ. Нѣтъ, на письменный столъ его ставились поочередно чашки съ чаемъ, ко-

фе или какао; большей частью все это простывало, прежде чѣмъ онъ дотрогивался до чего-нибудь, и тогда одну чашку замѣняли другою, которая не была счастливѣе первой. Случалось однакожъ, что онъ выпивалъ нѣсколько глотковъ, а иногда—вообразите мое счастье!—опорожнивалъ всю чашку. Корзинка съ сухарями и хлѣбомъ, нарѣзаннымъ мелкими кусочками, находилась постоянно подлѣ чашки на столѣ. Но это была пища уже слишкомъ тяжелая для его тогдашнихъ потребностей, и рѣдко случалось, чтобы мужъ мой дотрогивался до нея. Онъ постоянно курилъ, когда писалъ, и, вѣроятно, сигары помогали ему обходиться безъ сна и пищи. Кто знаетъ, на сколько времени достало бы у него силъ. Я бродила вокругъ мужа въ смертельной тревогѣ, но онъ не замѣчалъ даже моего присутствія: такъ былъ онъ погруженъ въ свои занятія.

Вдругъ я вижу, что онъ быстро написалъ нѣсколько словъ, потомъ бросилъ перо, всталъ, выпрямился, расправился и, вытянувъ руки съ видомъ невыразимаго довольства, проговорилъ: «Ахъ, кончилъ!»—Черезъ минуту онъ прибавилъ: «Да и пора было! я умираю совсѣмъ отъ сна и усталости».—Я предложила ему покушать чего-нибудь, но онъ отказался, сказавъ, что прежде всего ему нуженъ отдыхъ. Наконецъ онъ легъ и заснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ. Я разбудила его позже, чѣмъ онъ приказывалъ; я понимала лучше чѣмъ онъ самъ, какъ нуженъ ему отдыхъ. Когда онъ проснулся, и съ удивленіемъ увидѣлъ, что проспалъ такъ долго, его сильно огорчила мысль, что онъ

напрасно потерялъ такъ много часовъ, вмѣсто того, чтобы употребить ихъ съ пользою. Работы оставалось у него еще ужасно много до выхода въ свѣтъ перваго нумера.

Онъ много трудился, дѣлалъ много вещей безполезныхъ, лишнихъ, даже подвергшихся порицанію нѣкоторыхъ людей, но ему все это казалось необходимымъ. Напримѣръ, къ чему дѣлалъ онъ измѣненія въ статьяхъ оригинальныхъ и переводныхъ, которыя печаталъ въ своемъ журналѣ? Зачѣмъ въ ученыхъ статьяхъ дополнялъ упущенное авторомъ изъ виду или упрощалъ, разъяснялъ темное толкованіе? Зачѣмъ онъ исправлялъ темный, запутанный слогъ и вносилъ свѣтъ всюду, гдѣ видѣлъ дѣльную мысль, заслоненную неумѣньемъ выразить ее? Зачѣмъ онъ своею рукою исписывалъ всѣ поля рукописей и книгъ, поручаемыхъ переводчикамъ? Зачѣмъ дѣлалъ онъ это, спрашиваю я васъ, строгіе, безпристрастные критики? — Я знаю, что на его мѣстѣ вы не сдѣлали бы этого, но это еще ничего не доказываетъ и не говоритъ ни за васъ, ни противъ него. Этотъ лишній трудъ, который онъ добровольно бралъ на себя, не могъ содѣйствовать его славѣ, потому-что имени его тутъ не было. Это не были также денежные интересы, которые у Сенковскаго всегда оставались на послѣднемъ планѣ. Вся денежная выгода была на сторонѣ Смирдина, отъ котораго мой мужъ получалъ по условію годовую плату; вся нравственная выгода была на сторонѣ читателей, которые не видя работы, наслаждались ея плодами. Когда Сенковскій пошелъ даль-

сказать ему какъ огроменъ былъ успѣхъ барона Брамбеуса. Огорченіе и безпокойство дѣлаютъ еще болѣе чувствительнымъ удовольствіе, которое является къ намъ вдругъ и неожиданно. Успѣхъ моего мужа и живое участіе, которое принимали въ немъ всѣ друзья, доставляли ему самое пріятное чувство радости. Но этотъ успѣхъ, какъ ни былъ онъ великъ, какія могъ онъ имѣть послѣдствія? Куда поведетъ онъ его? Или оставитъ на прежнемъ мѣстѣ? Это вопросы, которые вѣроятно въ то время задавали себѣ многіе. — Чтожъ, могли говорить иные, еще не важное дѣло, что онъ написалъ три статьи, умныя, блестящія, которыя на мгновенье затмили все! Этотъ яркій свѣтъ скоро померкнетъ и тогда мы заблестимъ, какъ блистали прежде, и взойдемъ снова въ свои права, великодушно уступленныя ему на мгновенье. Такія счастливыя мысли находятся не часто, и кто знаетъ найдется ли скоро достойный наслѣдникъ у «Большаго выхода». Въ разсчетахъ и предположеніяхъ которыя дѣлались тогда, забывали только, на какихъ вѣсахъ уже предварительно взвѣшенъ былъ талантъ моего мужа, и что ошибки тутъ не могло быть ни на одинъ золотникъ.

Спокойный, некраснорѣчивый, скупой на слова на столько же, на сколько былъ щедръ въ своихъ дѣлахъ, Смирдинъ также пришелъ навѣстить моего мужа. Осипъ Ивановичъ не любилъ, чтобы я присутствовала при разговорахъ его съ людьми, съ которыми онъ имѣлъ дѣла. Онъ не хотѣлъ, чтобы я слышала то, что̀ могло или огорчить или встревожить меня. Когда у него были заботы или огор-

Надо было однакожъ рѣшиться. Чтожъ выбрать наконецъ? Разумѣется то, что̀ было лучше или по крайней, мѣрѣ, казалось лучше выбирающему. Но развѣ было въ этомъ собраніи романовъ и повѣстей хоть одно произведеніе, дѣйствительно превосходившее во всемъ остальныя произведенія, удовлетворявшее всѣмъ требованіямъ, всему, что̀ можно было требовать и ожидать отъ него, выбраннаго изо всѣхъ, предпочтеннаго всѣмъ? Я увѣрена, вы уже отгадали, что̀ случилось, длинное объясненіе совершенно не нужно. Однако, для большей ясности, я скажу, что мужъ мой выбиралъ такъ добросовѣстно, взвѣшивалъ все съ такимъ вниманіемъ, что не могъ не открыть многихъ недостатковъ въ выбранной имъ вещи. То встрѣчались мѣста растянутыя, мѣшавшія ходу дѣйствія, задерживавшія интересъ всей статьи, и которыя гораздо-лучше было укоротить, обрѣзать. То были мѣста слабыя, которыя, усердный редакторъ очень могъ позволить себѣ усилить. Или же вдругъ приходило въ голову моему мужу острое слово, веселая шутка, которыя были бы тутъ очень кстати, и онъ писалъ, и дѣлалъ это такъ добросовѣстно, съ такой доброй волей, съ такимъ искреннимъ, безкорыстнымъ желаніемъ сдѣлать хорошо, что, повторю опять, можно, если угодно, критиковать самыя дѣйствія, но никакъ не причины, откуда они проистекали. Что̀ же касается до русскихъ сочиненій, которыя мой мужъ дѣйствительно обрѣзалъ, надставлялъ, расширялъ и убиралъ по своему—это опять цѣлая исторія. Онъ, разумѣется, никогда не дѣлалъ этого, когда статья

была прислана какою-нибудь литературною знаменитостью или съ именемъ уже извѣстнымъ, съ талантомъ уже развитымъ. Но, не эти авторы болѣе всего торопились занять мѣсто въ Б. д. Ч. Большіе таланты рѣдки; они заставляли просить себя. А молодые, ищущіе извѣстности и еще требующіе развитія; а безчисленное множество посредственностей, которые всѣ хотятъ и не могутъ пробиться сквозь толпу; а мелкія самолюбія, мужскія и женскія, тщеславныя, гордыя достоинствомъ, которое существуетъ только въ ихъ собственномъ воображеніи — все это разомъ осаждаетъ бѣднаго редактора; а бѣдные люди, выставляющіе свою нищету какъ право и, отталкивающіе съ гордостью милостыню которую имъ даютъ, если взамѣнъ этой милостыни, вы отказываетесь взять произведеніе принесенное вамъ! Что̀ хотите вы сдѣлать въ этомъ лабиринтѣ и какъ распутали бы вы этотъ хаосъ? Разумѣется, былъ способъ поступать иначе чѣмъ поступалъ мой мужъ. Можно было выбросить за дверь докучливыхъ или напечатать ихъ безобразныя произведенія въ такомъ видѣ, какъ были они сочинены!... Конецъ концовъ, можетъ-быть способъ, избранный Сенковскимъ, былъ не хорошъ; но я могу поручиться, что это былъ самый благодѣтельный, самый христіанскій. Много видѣла я горькихъ слезъ, которыя умѣлъ онъ осушить и превратить въ слезы радости и благодарности. Однакожъ этотъ способъ, такъ выгодный для другихъ, отнималъ у него множество времени и разстроивалъ

ужасно планъ, который начерталъ онъ себѣ, начиная журналъ.

Но, я опять забѣгаю впередъ, между-тѣмъ какъ мы находимся еще при появленіи перваго номера «Библіотеки для Чтенія».

Это было наканунѣ новаго года; мы всѣ собрались у меньшой сестры моей, жены архитектора Брюллова. Ровно въ полночь раздается звонокъ; всѣ ожидаютъ появленія новаго гостя — но вмѣсто того входитъ лакей и отдаетъ моему мужу пакетъ. Осипъ Ивановичъ распечатываетъ и даритъ его зятю на новый годъ. Всѣ бросились на вновь прибывшаго; всѣ поздравляли, желали счастія, успѣха, и не сомнѣвались въ немъ глядя на все, что заключалъ въ себѣ этотъ номеръ.

Это было чудное мгновенье для меня, и мужъ мой, какъ ни былъ онъ скроменъ, не могъ однакожъ усомниться въ искренности похвалъ, которыхъ онъ былъ предметомъ. Успѣхъ перваго нумера «Библіотеки для Чтенія» былъ колоссальный; и на этотъ разъ Смирдинъ сильно ошибся въ своихъ разсчетахъ: число подписчиковъ оказалось вдвое болѣе того, на какое онъ разсчитывалъ. Но въ то же мгновеніе всѣ скверныя страстишки, ненависть, зависть — проснулись и бросились съ ожесточеніемъ на это торжество. Сенковскій былъ осажденъ не съ одной литературной только стороны. Врагъ неумолимый, озлобленный противъ всякаго дарованія, превышавшаго его собственное, покушался опрокинуть эту яркую съ самаго появленія славу; онъ надѣялся сдѣлать это прежде, чѣмъ она успѣетъ пустить далеко свои корни. Но Провидѣніе

хранило моего мужа и онъ остался на томъ мѣстѣ, которое было создано для него и которое онъ до конца долженъ былъ занимать со славой. Одно обстоятельство прибавило еще болѣе зависти и ненависти. Въ одной изъ газетъ того времени, молодой человѣкъ разсказалъ что наканунѣ новаго года онъ находился на вечерѣ у генерала Г., гдѣ многочисленное общество собралось проводить старый годъ и встрѣтить новый танцами. За четверть часа до полночи — звонятъ: это «Библіотека для Чтенія». Хозяйка дома, любезная и остроумная женщина, тотчасъ беретъ ее. Вотъ стихи Пушкина. Надо прочитать ихъ сейчасъ же, иначе нельзя! и хозяйка начинаетъ читать вслухъ всему обществу стихи любимаго поэта; всѣ находятъ ихъ прелестными и жалѣютъ, что чтеніе окончилось такъ скоро. Посмотримъ что̀ есть еще? Повѣсть барона Брамбеуса. Но она длинна, прочтемъ ее потомъ, а теперь надо взглянуть только какъ она начинается. Нетерпѣливая хозяйка разрѣзываетъ, или, вѣрнѣе, рветъ нѣсколько страницъ, прочитываетъ первыя слова, первыя строки, первыя страницы; внимательная толпа тѣснится вокругъ нея, она читаетъ, читаетъ; она не можетъ остановиться; она почти не переводитъ духа; она забываетъ все окружающее, чтобы соединиться съ авторомъ, который восхищаетъ ее все болѣе и болѣе. Никто не думаетъ прерывать ее. Она читаетъ, все читаетъ и останавливается тогда только, когда читать уже нечего и все кончено для героини. Тогда, посреди энтузіазма, произведеннаго чтеніемъ, замѣчаютъ, что цѣлый часъ

уже прошелъ съ-тѣхъ-поръ, какъ начался новый годъ и никто не слыхалъ, какъ онъ пробилъ.

Можно ли было доставить автору болѣе явное доказательство его достоинства? Но эта дань, принесенная отъ добраго сердца молодымъ энтузіастомъ, показалась преувеличенною одному изъ литературныхъ собратовъ, не такъ любимому публикой, но между, тѣмъ извѣстному и знаменитому уже на литературной сценѣ гораздо прежде барона Брамбеуса. Бывшій другъ сталъ недругомъ тогда же и впродолженіе долгихъ лѣтъ употреблялъ напрасныя усилія, которыя, бросая тѣнь на него самого, еще ярче выказывали все достоинство Сенковскаго.

Итакъ это было дѣло конченное и рѣшеное: мой мужъ сталъ журналистомъ и долженъ былъ посвятить всю свою жизнь тому, за что̀ взялся. Прошло пять лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ мы были женаты. Любовь наша много укрѣпилась и усилилась впродолженіи этого времени. Моя любовь имѣла такъ много пищи, такъ много причинъ возрастать, что она развилась съ силою, нѣжностью и удивленіемъ, которыя не могли еще существовать ни въ началѣ замужества, ни прежде.

Мой мужъ, добрый для всѣхъ, снисходительный даже къ своимъ врагамъ, былъ тронутъ моею примѣрной нѣжностью и также любилъ меня болѣе и болѣе, по-мѣрѣ-того какъ росла моя любовь къ нему. Онъ хорошо зналъ, чего лишалъ меня, и какъ многимъ разнилась настоящая наша жизнь отъ прежней, но онъ зналъ также, что я переносила эту перемѣну съ твердостью, что са-

ка я много способствовала этой перемѣнѣ, понимая настоящее назначеніе моего мужа. Въ то время, какъ я думала только объ его славѣ, онъ не упускалъ изъ виду моего счастія, и если онъ часто впадалъ въ странныя заблужденія насчетъ того, какъ доставить мнѣ это счастіе, то все-таки я должна была благословлять намѣренія, хотя самыя дѣйствія и не соотвѣтствовали мнѣ. Вотъ каковъ былъ почти постоянно образъ жизни моего мужа, пока онъ исключительно занимался «Библіотекой для Чтенія». Онъ употреблялъ каждый мѣсяцъ около 20—22 дней на составъ каждаго нумера. Впродолженіи этихъ 20—22 дней недостаточно сказать, что онъ обращалъ ночь въ день и на оборотъ. Онъ работалъ цѣлыя ночи, никогда не ложился ранѣе 4 часовъ, а очень часто проработывалъ до 5, 6 и даже 7; иногда до девяти и десяти часовъ утра и тогда совсѣмъ одѣтый бросался на постель и едва позволялъ себѣ отдохнуть часа два, не болѣе. Часто было полдень и онъ не думалъ еще объ отдыхѣ, необходимомъ однакожъ. Время ли было думать объ отдыхѣ? Утро почти уже прошло, а въ половинѣ перваго онъ долженъ ѣхать въ Университетъ. Онъ возвращался оттуда совершенно изнуренный. Тогда онъ ѣлъ иногда что-нибудь на скорую руку и ложился немного отдохнуть; но ложась, онъ отдавалъ строгое приказаніе, чтобы его не оставляли спать слишкомъ долго. Не отдохнувъ порядочно, онъ принимался опять за работу и работалъ пока силы окончательно оставляли его. Впродолженіи этихъ трехъ недѣль онъ не зналъ ни одного

уже прошелъ съ-тѣхъ-поръ, какъ начался новый годъ и никто не слыхалъ, какъ онъ пробилъ.

Можно ли было доставить автору болѣе явное доказательство его достоинства? Но эта дань, принесенная отъ добраго сердца молодымъ энтузіастомъ, показалась преувеличенною одному изъ литературныхъ собратовъ, не такъ любимому публикой, но между, тѣмъ извѣстному и знаменитому уже на литературной сценѣ гораздо прежде барона Брамбеуса. Бывшій другъ сталъ недругомъ тогда же и впродолженіе долгихъ лѣтъ употреблялъ напрасныя усилія, которыя, бросая тѣнь на него самого, еще ярче выказывали все достоинство Сенковскаго.

Итакъ это было дѣло конченное и рѣшеное: мой мужъ сталъ журналистомъ и долженъ былъ посвятить всю свою жизнь тому, за что̀ взялся. Прошло пять лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ мы были женаты. Любовь наша много укрѣпилась и усилилась впродолженіи этого времени. Моя любовь имѣла такъ много пищи, такъ много причинъ возрастать, что она развилась съ силою, нѣжностью и удивленіемъ, которыя не могли еще существовать ни въ началѣ замужества, ни прежде.

Мой мужъ, добрый для всѣхъ, снисходительный даже къ своимъ врагамъ, былъ тронутъ моею примѣрной нѣжностью и также любилъ меня болѣе и болѣе, по-мѣрѣ-того какъ росла моя любовь къ нему. Онъ хорошо зналъ, чего лишалъ меня, и какъ многимъ разнилась настоящая наша жизнь отъ прежней, но онъ зналъ также, что я переносила эту перемѣну съ твердостью, что са-

ма я много способствовала этой перемѣнѣ, понимая настоящее назначеніе моего мужа. Въ то время, какъ я думала только объ его славѣ, онъ не упускалъ изъ виду моего счастія, и если онъ часто впадалъ въ странныя заблужденія насчетъ того, какъ доставить мнѣ это счастіе, то все-таки я должна была благословлять намѣренія, хотя самыя дѣйствія и не соотвѣтствовали мнѣ. Вотъ каковъ былъ почти постоянно образъ жизни моего мужа, пока онъ исключительно занимался «Библіотекой для Чтенія». Онъ употреблялъ каждый мѣсяцъ около 20—22 дней на составъ каждаго нумера. Впродолженіи этихъ 20—22 дней недостаточно сказать, что онъ обращалъ ночь въ день и на оборотъ. Онъ работалъ цѣлыя ночи, никогда не ложился ранѣе 4 часовъ, а очень часто проработывалъ до 5, 6 и даже 7; иногда до девяти и десяти часовъ утра и тогда совсѣмъ одѣтый бросался на постель и едва позволялъ себѣ отдохнуть часа два, не болѣе. Часто било полдень и онъ не думалъ еще объ отдыхѣ, необходимомъ однакожъ. Время ли было думать объ отдыхѣ? Утро почти уже прошло, а въ половинѣ перваго онъ долженъ ѣхать въ Университетъ. Онъ возвращался оттуда совершенно изнуренный. Тогда онъ ѣлъ иногда что-нибудь на скорую руку и ложился немного отдохнуть; но ложась, онъ отдавалъ строгое приказаніе, чтобы его не оставляли спать слишкомъ долго. Не отдохнувъ порядочно, онъ принимался опять за работу и работалъ пока силы окончательно оставляли его. Впродолженіи этихъ трехъ недѣль онъ не зналъ ни одного

напрасно потерялъ такъ много часовъ, вмѣсто того, чтобы употребить ихъ съ пользою. Работы оставалось у него еще ужасно много до выхода въ свѣтъ перваго нумера.

Онъ много трудился, дѣлалъ много вещей безполезныхъ, лишнихъ, даже подвергшихся порицанію нѣкоторыхъ людей, но ему все это казалось необходимымъ. Напримѣръ, къ чему дѣлалъ онъ измѣненія въ статьяхъ оригинальныхъ и переводныхъ, которыя печаталъ въ своемъ журналѣ? Зачѣмъ въ ученыхъ статьяхъ дополнялъ упущенное авторомъ изъ виду или упрощалъ, разъяснялъ темное толкованіе? Зачѣмъ онъ исправлялъ темный, запутанный слогъ и вносилъ свѣтъ всюду, гдѣ видѣлъ дѣльную мысль, заслоненную неумѣньемъ выразить ее? Зачѣмъ онъ своею рукою исписывалъ всѣ поля рукописей и книгъ, поручаемыхъ переводчикамъ? Зачѣмъ дѣлалъ онъ это, спрашиваю я васъ, строгіе, безпристрастные критики? — Я знаю, что на его мѣстѣ вы не сдѣлали бы этого, но это еще ничего не доказываетъ и не говоритъ ни за васъ, ни противъ него. Этотъ лишній трудъ, который онъ добровольно бралъ на себя, не могъ содѣйствовать его славѣ, потому-что имени его тутъ не было. Это не были также денежные интересы, которые у Сенковскаго всегда оставались на послѣднемъ планѣ. Вся денежная выгода была на сторонѣ Смирдина, отъ котораго мой мужъ получалъ по условію годовую плату; вся нравственная выгода была на сторонѣ читателей, которые не видя работы, наслаждались ея плодами. Когда Сенковскій пошелъ даль-

которая упала какъ бомба въ нашу жизнь и совершенно разстроила такъ хорошо сложенный планъ ея. Но если обстоятельства жизни зависятъ не отъ насъ, намъ предоставлено пользоваться ими, намъ позволено обратить ихъ въ нашу пользу. Я скоро увидѣла, что̀ могу дѣлать; это было, разумѣется, очень немного, но часъ здѣсь, часъ тамъ, и я могла доставить мужу моему покой и оторвать его на это время отъ работы! Это было уже счастье для меня и побѣда надъ врагомъ. Притомъ же въ комъ нѣтъ эгоизма? Кто, подумавъ прежде о ближнемъ, не подумаетъ потомъ и о себѣ? Занимаясь такимъ образомъ я снова войду въ сферу занятій моего мужа, я сживусь съ его мыслями, я присоединюсь къ нему. Итакъ я просила мужа поручить мнѣ прочитывать рукописи, въ которыхъ иногда, какъ ни были онѣ толсты, не было ровно ничего. Мужъ мой употреблялъ ужасно много времени на прочтеніе ихъ и по большей части напрасно; но совѣсть не позволяла ему откладывать не просмотрѣвъ предварительно то, что̀ отдавалось въ его распоряженіе.

Въ этой громадѣ рукописей могъ находиться зародышъ таланта, счастливая мысль, которую можно было бы разработать въ пользу для автора. Я обѣщала самое строгое вниманіе и полное снисхожденіе. Я обязалась представлять Осипу Ивановичу малѣйшую вещь, которая заслужила бы его вниманіе, и обѣщала разсказывать подробно все, что̀ можно было употребить. Тогда ему оставалось только перечитать то, что̀ было выбрано мною, «сливки общества», которыя одна-

равнодушныхъ рукописей, не понимающихъ счастья быть съ нимъ, пользоваться его обществомъ— онъ посвящаетъ мнѣ; я отдаю ему вѣрный отчетъ во всемъ, что̀ читала, что̀ замѣтила, что̀ нашла. Онъ слушалъ мои разсказы со вниманіемъ, предоставляя себѣ строго провѣрить все. Я стала для него новою Шехеразадой, съ тою только разницей, что первая, забавляя кровожаднаго султана, думала только о томъ, какъ бы продлить свою жизнь, а я думала только о счастіи успокоить и облегчить жизнь того, котораго любила. Этотъ родъ занятій естественно имѣлъ на меня вліяніе. Можно упражнять умъ какъ и пальцы; и многіе были бы можетъ-статься очень остроумны, еслибъ имѣли случай сдѣлаться такими. Я безпрерывно находилась въ атмоферѣ генія, безпрерывно занимаясь около него и для него, я необходимо должна была пріобрѣсти что-нибудь такое, что̀ не дано въ удѣлъ женщинамъ вообще. Мой мужъ любилъ направленіе моего ума и забавлялся моими разсказами, часто хвалилъ мои шутки и я тамъ и сямъ находила ихъ въ его сочиненіяхъ. Итакъ «Библіотека для Чтенія» и занятія моего мужа не оттолкнули его отъ меня, не охладили его любви. Я думаю, напротивъ, что онъ любилъ меня болѣе и болѣе, какъ это было съ моей стороны.

Но говоря о себѣ, я забыла о дѣйствующихъ лицахъ гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ моя бѣдная личность. Въ главѣ прочихъ стоялъ товарищъ моего мужа по журналу, Н. И. Гречъ, который долженъ былъ раздѣлять съ нимъ трудъ и славу. Съ своей стороны онъ безъ сомнѣнія употребилъ все стара-

ніе, все рвеніе, на какое былъ способенъ. Все, что онъ обѣщалъ дѣлать, было сдѣлано совѣстливо и превосходно; имя его уже ручается за то, что это не могло быть иначе и, если мужъ мой былъ такъ заваленъ работой, то разумѣется это не была вина его знаменитаго сотоварища. Вся вина — если это только вина — заключалась въ его собственномъ характерѣ. Отчего же разошлись они такъ скоро и вся работа была оставлена на одного Осипа Ивановича? Управлять вдоемъ труднѣе, чѣмъ держать бразды правленія одному. Взглядъ, мнѣнія, образъ мыслей не могутъ быть одинаковы. Если одинъ не можетъ дѣйствовать безъ согласія другаго, подумайте, сколько времени теряется въ переговорахъ, толкахъ и стараніяхъ сойтись въ мысляхъ. Еще если можно было бы жить вмѣстѣ; но когда порядочное разстояніе раздѣляетъ одного отъ другаго, когда надо безпрерывно посылать, бѣгать одному за другимъ? Нѣтъ, такой прекрасный союзъ не могъ долго продолжаться; черезъ годъ мнѣнія совершенно не сходились и товарищи разошлись безъ шуму, безъ ссоры, совершенными друзьями. Мужъ мой, испытавъ уже неудобство раздѣленной власти, принялъ редакцію журнала на одного себя. Но другое имя должно было стоять подлѣ его имени: это было условіе журнала. Два редактора должны были отвѣчать за н го. Имя покрытое славой и лаврами, имя всѣми, знакомое, любимое отъ дѣтства до старости, блеснуло на «Библіотеку для Чтенія» и предложило ей свое покровительство. Крыловъ далъ свое имя, но съ условіемъ не вмѣшиваться

ужасно планъ, который начерталъ онъ себѣ, начиная журналъ.

Но, я опять забѣгаю впередъ, между-тѣмъ какъ мы находимся еще при появленіи перваго номера «Библіотеки для Чтенія».

Это было наканунѣ новаго года; мы всѣ собрались у меньшой сестры моей, жены архитектора Брюллова. Ровно въ полночь раздается звонокъ; всѣ ожидаютъ появленія новаго гостя — но вмѣсто того входитъ лакей и отдаетъ моему мужу пакетъ. Осипъ Ивановичъ распечатываетъ и даритъ его зятю на новый годъ. Всѣ бросились на вновь прибывшаго; всѣ поздравляли, желали счастія, успѣха, и не сомнѣвались въ немъ глядя на все, что заключалъ въ себѣ этотъ номеръ.

Это было чудное мгновенье для меня, и мужъ мой, какъ ни былъ онъ скроменъ, не могъ однакожъ усомниться въ искренности похвалъ, которыхъ онъ былъ предметомъ. Успѣхъ перваго нумера «Библіотеки для Чтенія» былъ колоссальный; и на этотъ разъ Смирдинъ сильно ошибся въ своихъ разсчетахъ: число подписчиковъ оказалось вдвое болѣе того, на какое онъ разсчитывалъ. Но въ то же мгновеніе всѣ скверныя страстишки, ненависть, зависть — проснулись и бросились съ ожесточеніемъ на это торжество. Сенковскій былъ осажденъ не съ одной литературной только стороны. Врагъ неумолимый, озлобленный противъ всякаго дарованія, превышавшаго его собственное, покушался опрокинуть эту яркую съ самаго появленія славу; онъ надѣялся сдѣлать это прежде, чѣмъ она успѣетъ пустить далеко свои корни. Но Провидѣніе

хранило моего мужа и онъ остался на томъ мѣстѣ, которое было создано для него и которое онъ до конца долженъ былъ занимать со славой. Одно обстоятельство прибавило еще болѣе зависти и ненависти. Въ одной изъ газетъ того времени, молодой человѣкъ разсказалъ что наканунѣ новаго года онъ находился на вечерѣ у генерала Г., гдѣ многочисленное общество собралось проводить старый годъ и встрѣтить новый танцами. За четверть часа до полночи — звонятъ: это «Библіотека для Чтенія». Хозяйка дома, любезная и остроумная женщина, тотчасъ беретъ ее. Вотъ стихи Пушкина. Надо прочитать ихъ сейчасъ же, иначе нельзя! и хозяйка начинаетъ читать вслухъ всему обществу стихи любимаго поэта; всѣ находятъ ихъ прелестными и жалѣютъ, что чтеніе окончилось такъ скоро. Посмотримъ что̀ есть еще? Повѣсть барона Брамбеуса. Но она длинна, прочтемъ ее потомъ, а теперь надо взглянуть только какъ она начинается. Нетерпѣливая хозяйка разрѣзываетъ, или, вѣрнѣе, рветъ нѣсколько страницъ, прочитываетъ первыя слова, первыя строки, первыя страницы; внимательная толпа тѣснится вокругъ нея, она читаетъ, читаетъ; она не можетъ остановиться; она почти не переводитъ духа; она забываетъ все окружающее, чтобы соединиться съ авторомъ, который восхищаетъ ее все болѣе и болѣе. Никто не думаетъ прерывать ее. Она читаетъ, все читаетъ и останавливается тогда только, когда читать уже нечего и все кончено для героини. Тогда, посреди энтузіазма, произведеннаго чтеніемъ, замѣчаютъ, что цѣлый часъ

ни во что. Этого, то именно и желалъ мой мужъ. Кромѣ помощника редактора, мой мужъ долженъ былъ еще имѣть сотрудниковъ, хорошихъ переводчиковъ, на которыхъ могъ бы онъ полагаться. Въ началѣ этотъ родъ предпріятія былъ такъ мало извѣстенъ, журналистика такъ мало въ ходу и занятіе переводчика казалось такъ ничтожно, что мужъ мой былъ нѣсколько затрудненъ на этотъ счетъ и ему пришлось поручить неопытнымъ рукамъ то, что требовало ума и знанія. По счастію, это продолжалось не долго; заблужденіе разсѣялось и скоро поняли, что переводить для такого журнала какъ «Библіотека для Чтенія» было не пустымъ занятіемъ.

Вскорѣ явился цѣлый взводъ молодыхъ талантовъ, желавшихъ работать подъ руководствомъ моего мужа. Такія имена какъ Савельевъ, Грановскій, Григорьевъ, Коршъ, Очкинъ, были вѣрными ручательствами въ томъ, что работа будетъ сдѣлана хорошо и публика останется довольна. Это счастливое улучшеніе должно было бы принести большое облегченіе редактору. Однакожъ вышло иначе и Осипъ Ивановичъ продолжалъ заниматься, хотя и не этимъ, но все такъ же много какъ прежде. Въ немъ была огромная доля дѣятельности — и движеніе, однажды ужъ данное не могло болѣе остановиться.

Спокойный насчетъ своихъ сотрудниковъ, онъ обратилъ бдительный взглядъ свой на другія части, которыя также требовали усовершенствованія. Ни одна минута его времени не должна была быть потеряна. То, что выигрывалъ онъ съ

одной стороны, растрачивалось съ другой. Онъ щедро отдавалъ, онъ бросалъ полной горстью свою жизнь, здоровье, спокойствіе и еще думалъ и часто говорилъ, что отдаетъ все-таки слишкомъ мало. Онъ не могъ однакожъ долго вести такой родъ жизни, который долженъ былъ бы разрушить самое сильное сложеніе. Здоровье его начало видимо страдать; надо было непремѣнно поспѣшить сдѣлать измѣненія въ ужасномъ образѣ жизни, принятомъ имъ, по собственному выбору. Не только здоровье, но и самыя занятія требовали какихъ-нибудь развлеченій, чего-нибудь что̀ могло бы отвлечь хотя немного его вниманіе безпрерывно устремленное на одну точку — улучшеніе, успѣхъ «Библіотеки для Чтенія». Должно было освѣжить его мысли и дать ему новыя. Для этого было рѣшено, что мы будемъ принимать у себя разъ въ недѣлю, ввечеру по средамъ. Составились прелестные вечера и мужъ мой, который никогда ничего не давалъ дѣлать другимъ, взялъ на себя устроить ихъ.

Въ то время здоровье мое было очень слабо; я страдала почти безпрерывными мигренями и мужъ мой не хотѣлъ, чтобъ я, такъ часто больная и страждущая, занималась приготовленіями, которыя могли усилить мою боль и помѣшать пользоваться удовольствіями вечера. Съ безпримѣрной добротой, не отнимая ничего отъ другихъ занятій своихъ, онъ входилъ во всѣ малѣйшія подробности, предвидѣлъ все, приготовлялъ все такъ изящно, съ такимъ утонченнымъ вкусомъ, что люди въ тысячу разъ богаче насъ могли бы намъ позави-

довать. Быть-можетъ обвинятъ меня въ безпечности, въ эгоизмѣ зато, что я оставляла на долю мужа еще эти заботы, зато, что не занималась сама тѣмъ, что̀ обыкновенно входитъ въ разрядъ женскихъ занятій.

Но не обвиняйте меня слишкомъ скоро, милые читатели, и вы въ особенности, милыя читательницы, которыя, вслухъ обвиняя, быть-можетъ, потихоньку завидуете мнѣ. Повѣрьте, я нашла бы въ самой любви моей, достаточно силъ, чтобы устроить нѣсколько вечеровъ и избавить мужа отъ лишнихъ хлопотъ. Если же я оставила его дѣйствовать какъ онъ хотѣлъ, если я приняла это новое доказательство его любви ко мнѣ, то, повѣрте, я имѣла на это свои причины! Эти домашнія хлопоты принуждали его вставать съ ненавистнаго кресла, на которомъ просиживалъ онъ иногда по десяти часовъ сряду! Приготовленія къ вечеру требовали выѣздовъ и это служило ему прогулкой! Особы, которыхъ желали мы имѣть на этихъ вечерахъ, также желали, чтобы ихъ отъ времени до времени посѣщали — и я оставила мужу моему заботу платить эти визиты. Когда наступала среда, сердце мое не могло нарадоваться, глядя, сколько движенія, такъ необходимаго для него, дѣлалъ Осипъ Ивановичъ. Онъ самъ устанавливалъ каждый стулъ, осматривалъ со вниманіемъ каждый канделабръ, не полагаясь на аккуратность людей. Итакъ я была вполнѣ убѣждена въ томъ, что лѣнясь, я дѣйствую для его пользы, тѣмъ болѣе, что и другая причина являлась на подпору первой. Въ умѣ моего мужа была твор-

ческая сила, которая передавалась всему, что̀ онъ дѣлалъ, и проявлялась даже въ малѣйшихъ подробностяхъ такъ же ясно какъ и въ дѣлахъ самыхъ важныхъ. Если бы я взяла на себя устройство нашихъ вечеровъ, то, очень естественно, послѣдовала бы въ этомъ общепринятымъ и всѣмъ извѣстнымъ правиламъ, по той простой причинѣ, что не умѣла бы ничего выдумать новаго въ этомъ родѣ. Я бы сдѣлала какъ дѣлаютъ всѣ, а мужъ мой имѣлъ на все манеру, свойственную ему одному. Поэтому я была совершенно увѣрена въ томъ, что все, что̀ я сдѣлала бы по старинному обычаю, было бы передѣлано и вновь устроено моимъ мужемъ. Это значило приготовить ему только двойной трудъ не считаи тутъ и моего также, о которомъ я, разумѣется, мало заботилась. Я оставила его распоряжаться полнымъ хозяиномъ. Первое правило, которое онъ установилъ, было, чтобы вечера наши были немноголюдны, и чтобы недостатокъ количества искупался качествомъ. Чтобъ быть въ числѣ избранныхъ, нужно было женщинамъ отличаться молодостью, красотой, любезностью; мужчинамъ — умомъ или талантами. Можно вообразить себѣ сколько осталось за дверью! Наши сотрудники, молодые люди, любезные и ловкіе, заняли первыя мѣста въ ряду танцоровъ. Тогда вышла ужасная исторія. Сколько недовольныхъ, сколько оскорбленныхъ, обиженныхъ! Сколько требованій прямыхъ и косвенныхъ отъ людей, считающихъ себя въ первомъ правѣ, въ правѣ старинныхъ знакомыхъ, чтобъ быть приглашенными на наши вечера и ни-

чего не знавшихъ о нашихъ условіяхъ, осаждали насъ со всѣхъ сторонъ. Я одна обладала тайной и давала одинъ и тотъ же отвѣтъ всѣмъ: мой мужъ болѣнъ, чрезвычайно занятъ и не можетъ принимать много народу за разъ, а число особъ, которыя посѣщаютъ насъ, такъ невелико, что нельзя назвать *вечерами* эти маленькія интимныя собранія. Однакожъ на этихъ маленькихъ интимныхъ собраніяхъ усердно танцовали подъ звукъ фортепьяно и весело чокались во время ужина, вознося до небесъ вкусъ, который руководилъ и устроивалъ эти хорошенькіе вечера, гдѣ женщины составляли самый очаровательный букетъ, а мужчины блистали умомъ.

Эти вечера продолжались до великаго поста. Мужъ мой былъ почти радъ, когда они кончились. Первые разà они его дѣйствительно довольно занимали и развлекали, но вскорѣ онъ утомился развлеченіемъ, на которое согласился скорѣе какъ на лекарство, чѣмъ какъ на удовольствіе. Съ окончаніемъ вечеровъ, онъ снова весь погрузился въ прежнюю жизнь.

Между-тѣмъ наступила всена, приближалось лѣто. Послѣ прекрасной дачи моего отца первымъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ моимъ было *Парголово*. Смирдинъ рѣшилъ этотъ выборъ, который впослѣдствіи оказался невыгоднымъ для насъ.

Въ первое лѣто по смерти моего отца, когда мы жили въ городѣ, намъ случилось бывать у Смирдина, который жилъ въ Парголовѣ. Мѣсто это прекрасно; но дорога туда — отвратительна. Мнѣ казалось, что съ занятіями моего мужа та-

я опять имѣла счастіе удовлетворить его. Вскорѣ еще новое занятіе было поручено мнѣ, но это по самому роду своему было уже удовольствіемъ. Мой мужъ поручилъ мнѣ прочитывать романы англійскіе и французскіе, пробѣгать безчисленные revues и журналы, долженствовавшіе снабжать матеріалами «Библіотеку для Чтенія», и указывать ему все, что̀ было тамъ лучшаго. Я была въ восторгѣ отъ его довѣрія; оно давало мнѣ возможность уменьшать его занятія. Но не это только было счастливымъ послѣдствіемъ. Въ этомъ довѣріи должны были быть тѣсныя границы, которыя человѣкъ совѣстливый, какъ мой мужъ, никогда не могъ позволить себѣ перейдти или обойти. Онъ отдавалъ въ мои руки не свои дѣла—тутъ не могло бы быть ограниченія.

Но это были дѣла общественныя, которыхъ отвѣтственность взялъ онъ на себя и никакая причина не могла бы заставить его положиться въ этомъ на другаго. Я сама, не смотря на всю мою любовь или, вѣрнѣе, потому именно, что любила его такъ страстно, я никогда не согласилась бы на другія условія. Заботясь объ его здоровьѣ, объ его покоѣ, я однакожъ ни за что̀ въ мірѣ не желала бы помрачить его славы, положить пятно на его имя какимъ-нибудь фальшивымъ сужденіемъ или дурнымъ выборомъ. Слѣдовательно мои занятія были только приготовленіемъ къ его занятіямъ. Я усердно набирала и приносила ему каждый колосъ, который находила. И вотъ мы опять соединены посредствомъ нашихъ занятій. Время, которое употребилъ бы онъ на чтеніе холодныхъ,

равнодушныхъ рукописей, не понимающихъ счастья быть съ нимъ, пользоваться его обществомъ— онъ посвящаетъ мнѣ; я отдаю ему вѣрный отчетъ во всемъ, что̀ читала, что̀ замѣтила, что̀ нашла. Онъ слушалъ мои разсказы со вниманіемъ, предоставляя себѣ строго провѣрить все. Я стала для него новою Шехеразадой, съ тою только разницей, что первая, забавляя кровожаднаго султана, думала только о томъ, какъ бы продлить свою жизнь, а я думала только о счастіи успокоить и облегчить жизнь того, котораго любила. Этотъ родъ занятій естественно имѣлъ на меня вліяніе. Можно упражнять умъ какъ и пальцы; и многіе были бы можетъ-статься очень остроумны, еслибъ имѣли случай сдѣлаться такими. Я безпрерывно находилась въ атмосферѣ генія, безпрерывно занимаясь около него и для него, я необходимо должна была пріобрѣсти что-нибудь такое, что̀ не дано въ удѣлъ женщинамъ вообще. Мой мужъ любилъ направленіе моего ума и забавлялся моими разсказами, часто хвалилъ мои шутки и я тамъ и сямъ находила ихъ въ его сочиненіяхъ. Итакъ «Библіотека для Чтенія» и занятія моего мужа не оттолкнули его отъ меня, не охладили его любви. Я думаю, напротивъ, что онъ любилъ меня болѣе и болѣе, какъ это было съ моей стороны.

Но говоря о себѣ, я забыла о дѣйствующихъ лицахъ гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ моя бѣдная личность. Въ главѣ прочихъ стоялъ товарищъ моего мужа по журналу, Н. И. Гречъ, который долженъ былъ раздѣлять съ нимъ трудъ и славу. Съ своей стороны онъ безъ сомнѣнія употребилъ все стара-

ся туда искать, что̀ было нужно для насъ. Это было уже въ концѣ августа, и по причинѣ осенняго времени, многія семейства уже оставили свои воздушныя лѣтнія жилища. Осипу Ивановичу было изъ чего выбрать. Въ первый годъ мы наняли одну изъ дачъ полковника Соболевскаго и провели на ней почти шесть недѣль, очень довольные нашимъ мѣстопребываніемъ. На второй годъ возвратясь изъ Парголова, мы заняли, также на Петровскомъ, одинъ изъ домовъ генерала Шильдера. Мы имѣли тогда случай видѣть его по нѣскольку разъ въ день. Въ немъ нельзя было довольно надивиться изобрѣтательности, очаровательной оригинальности и чрезвычайной добротѣ серца. Онъ былъ щедръ, чрезвычайно любезенъ и не зналъ удовольствія выше того, которое могъ доставлять другимъ. Въ первую ночь послѣ нашего переѣзда я была внезапно пробуждена сильною пушечной пальбой. На другое утро только узнала я причину этого. Добрѣйшій генералъ, чтобъ отпраздновать нашъ пріѣздъ велѣлъ палить изъ пушекъ съ парохода, который стоялъ передъ нашимъ домомъ.

За исключеніемъ небольшихъ перемѣнъ, жизнь наша прошла такъ впродолженіи трехъ лѣтъ. Мы все еще жили на Васильевскомъ Острову, мужъ мой посвящалъ все свое время «Библіотекѣ для Чтенія» и до того свыкся съ своими занятіями, что ему все становилась труднѣе и труднѣе отрываться отъ нихъ.

Въ то время Васильевскій Островъ имѣлъ одно большое неудобство, несуществующее нынче, ко-

гда устроено постоянное и такъ необходимое сообщеніе между обѣими сторонами города. Тогда время распутицы на Невѣ разстроивало всѣ дѣла, всѣ сношенія. Для мужа моего это также было очень чувствительно; жить на Васильевскомъ Острову было удобно въ отношеніи къ Университету, но журнальныя дѣла безпрерывно требовали его присутствія по ту сторону рѣки. Были послѣднія числа октября и Нева, покрытая льдомъ, представляла преграду, которой не рѣшились бы одолѣть и самые неустрашимые перевозчики, потому что полиція была тутъ, чтобы удерживать русскую удаль, невидящую нигдѣ опасности. Мужъ мой вышелъ изъ дому, оставилъ меня въ страшнѣйшемъ безпокойствѣ. Онъ старался, какъ только могъ, успокоить меня, но утверждалъ, что присутствіе его необходимо на той сторонѣ, что безъ этого журналъ не выйдетъ въ срокъ, а этого еще никогда не случалось. Я находила, что въ такомъ крайнемъ случаѣ, журналъ не умеръ бы, еслибъ подождалъ нѣсколько дней. Посчастію мое безпокойство продолжалось не долго. Не прошло часу — мужъ мой возвратился цѣлъ и невредимъ, хотя очень печаленъ, потому-что не могъ исполнить своего дерзкаго намѣренія. Переправа черезъ Неву была строжайше запрещена и номеръ долженъ былъ явиться днемъ или двумя позже срока. Нечего было дѣлать. Надо было покориться могуществу стихій. Мужъ мой захотѣлъ однакожъ вознаградить читателей за эту маленькую потерю, за эту ничтожную задержку и употребить съ пользою время, назначенное дѣламъ. Въ ту же

минуту въ умѣ его блеснула мысль; онъ ухватился за нее и, не теряя ни минуты, усѣлся за свой письменный столъ. Онъ всталъ изъ-за него только, когда этотъ новый кладъ его плодовитаго воображенія былъ ужъ оконченъ.... Въ два дня и двѣ ночи мужъ мой написалъ повѣсть «Предубѣжденіе», которая послужила подписчикамъ вознагражденіемъ за невольную задержку журнала.

Мой мужъ всегда очень мало посѣщалъ свѣтскія удовольствія, онъ не любилъ выѣзжать и находилъ. что когда пріѣзжали къ нему, это мѣшало его занятіямъ. Терпѣливый до крайности, характера самаго ровнаго, предупредительный въ высшей степени, день за днемъ, ночь за ночью онъ писалъ, читалъ, поправлялъ. Ему недостовало времени и пространства для тѣхъ страстей, которыя занимаютъ такъ много мѣста въ менѣе полной жизни многихъ людей. Гдѣ бы нашли себѣ мѣсто у него — зависть, скупость, желаніе вредить, клеветать на ближняго, злоба, гнѣвъ, жадность и другія достоинства того же рода. Было ли у него время, поддерживать такія пріятныя знакомства, когда у него недоставало времени для другихъ, которыя стоили немножко подороже. Никогда, увѣряю, никто не ошибался такъ грубо какъ тѣ, кто предполгалъ въ Осипѣ Ивановичѣ чувства ненависти и мести. Чтобы лучше оградить себя отъ всякаго подобнаго чувства, зная, что имѣлъ цѣлую армію враговъ, озлобленныхъ противъ его таланта, онъ никогда не хотѣлъ знать ихъ именъ и всѣ ихъ сочиненія противъ него оставались ему неизвѣстными.

Я говорю это, однакожъ; совсѣмъ не съ намѣреніемъ представить моего мужа совершенствомъ и утверждать, что онъ обладалъ всѣми достоинствами. Нѣтъ, у него, какъ и у всѣхъ людей, было много слабостей; но самыя слабости его происходили отъ слишкомъ добраго сердца, живаго воображенія и творческаго ума. Онъ легко позволялъ обманывать себя; самый отъявленный плутъ, защищаясь съ жаромъ, часто умѣлъ склонить его на свою сторону и получить все, чего не заслуживалъ.

Порядокъ, особенно въ денежныхъ дѣлахъ, никогда не могъ ужиться съ моимъ мужемъ, потому-что всѣ мѣста, относящіеся къ этому отдѣленію, были заняты щедростью, благотворительностью и страстью къ пышности, роскоши и всему, что̀ могло способствовать къ удобствамъ жизни.

Относительно этой части, онъ прежде всего заботился о своей женѣ; все вокругъ нея и на ней должно было быть богато, изящно, удобно и въ хорошемъ вкусѣ. Онъ предполагалъ во мнѣ желанія и нужды, которыхъ въ сущности у меня никогда не было, и не смотря на это онъ все-таки считалъ долгомъ и удовольствіемъ исполнять ихъ. Квартира, меблировка, экипажъ, одежда, столъ и разныя другія ненужныя бездѣлицы — все должно было быть лучшее, все должно было доказывать его любовь, его заботу обо мнѣ.

Что̀ касается до него самого, онъ любилъ, чтобы кресло, на которомъ онъ просиживалъ столько часовъ сряду, и диванъ, на который бросался онъ отдыхать совсѣмъ одѣтый, были такъ хороши и

такъ удобны, какъ только возможно; чтобы коверъ подъ ногами былъ мягокъ и пушистъ и чтобы взоръ, отрываясь на мгновеніе отъ бумаги, къ которой былъ постоянно прикованъ, всегда встрѣчалъ предметы пріятные. Стѣны всегда должны были быть обиты со вкусомъ, мебель изящна и разставлена съ разсчетомъ. Каждая вещь должна была носить на себѣ особенный отпечатокъ; безъ этого она казалась ему ненужною, негодною.

Когда мы наняли квартиру въ Первой Линіи, денежныя средства не позволяли еще мужу моему исполнять всѣ фантазіи, которыя приходили ему въ голову. Надо было довольствоваться похожей на многія другія. Правда, это были прекрасныя комнаты въ бель-этажѣ, съ отличными паркетами, хорошенькимъ балкономъ и всѣми нужными принадлежностями; но во всемъ этомъ не было ничего необыкновеннаго, ничего оригинальнаго, ничего такого, что̀ бы отвѣчало возрастающимъ требованіямъ моего мужа. Ктому же это было далеко отъ центра города.

Между-тѣмъ контрактъ нашъ продолжался еще на годъ и нѣсколько мѣсяцевъ; но что̀ до этого! Надо было непремѣнно развязатся съ квартирой, которая со дня на день дѣлалась непріятнѣе моему мужу.

Однажды онъ возвратился домой довольно поздно, въ совершенномъ восхищеніи. Онъ сдѣлалъ безцѣнную находку, именно то, что̀ было нужно для насъ. Счастливый случай открылъ ему это. Домъ маленькій, для одного семейства, прелестный,

очаровательный, въ Почтамтской Улицѣ. Къ нему принадлежали два сада, одинъ цвѣточный, другой фруктовый. Теплыя и холодныя ванны и вода, проведенная вездѣ: ничего не могло быть удобнѣе, удовлетворительнѣе.

— Но цѣна за квартиру съ такими удобствами должна быть ужасная, сказала я.

— Напротивъ, почти даромъ! За весь домъ просятъ пять-тысячъ-пять-сотъ рублей ассигнаціями и навѣрное уступятъ что́-нибудь. Я предложилъ пять тысячъ.

Это было ровно вдвое болѣе того, что̀ мы платили. Я замѣтила это мужу.

— Вотъ, сказалъ онъ, вотъ женщины! Сейчасъ начинаютъ думать о пустякахъ, на которыхъ и останавливаться не стоитъ. Чтожъ такое! немного подороже, немного подешевле! Главное, чтобъ мы были удобно помѣщены! Это притомъ и необходимо для моихъ занятій, которыя пойдутъ лучше отъ этого. А у тебя, мой ангелъ, у тебя будетъ тамъ все, что̀ ты любишь: два сада, фрукты, цвѣты, ванна. Намъ уже не нужно будетъ нанимать двухъ дачъ на лѣто. Одной намъ будетъ достаточно, имѣя садъ при городской квартирѣ. Вотъ уже огромная экономія. Объ остальномъ не заботься; это мое дѣло, а ты знаешь, что на меня можно полагаться. Но, прежде всего надо, чтобъ ты посмотрѣла этотъ домъ. Лошадей не откладывали; поѣдемъ сейчасъ же.

Осипъ Ивановичъ не обѣдалъ еще, хотя былъ уже седьмой часъ; но онъ увѣрилъ меня, что въ эту минуту онъ не въ состояніи ничего ѣсть, и

что у него будетъ гораздо больше аппетита, когда онъ узнаетъ мое мнѣніе. Мы сѣли въ коляску и поѣхали.

До Почтамтской Улицы черезъ бывшій Исакіевскій мостъ было не далеко, но намъ пришлось проѣхать всю Почтамтскую до конца и дорога показалось мнѣ очень долгою, такъ было возбуждено мое любопытство разсказами мужа. Наконецъ мы остановились передъ домомъ весьма невзрачной наружности. Онъ состоялъ только изъ одного этажа, не считая подвальнаго. По фасаду было семь, довольно маленькихъ оконъ. Не видя ничего достойнаго удивленія, я подумала, что это, вѣроятно, еще впереди. Мы вошли въ нижній этажъ, который показался мнѣ очень теменъ и сыръ. Поднялись на верхъ. Я озиралась во всѣ стороны, но, не смотря на все мое желаніе и стараніе увидѣть что̀-нибудь достойное восторга, я ровно ничего не видала и не понимала, чѣмъ могъ восхищаться мой мужъ. Комнаты маленькія, низкія, грязныя, полы отвратительные, стѣны голыя. Что̀ могъ онъ найти во всемъ этомъ! Посмотримъ, что̀ дальше! Мы вышли на дворъ, осмотрѣли сады. Нѣсколько старыхъ яблонь стояли, протянувъ сухія вѣтви; дорожекъ нѣтъ и слѣда; о тѣни нечего и думать! Какой жалкій замѣнъ дачѣ подобный садъ!

— Ну, что жъ, спросилъ меня мужъ, что̀ скажешь ты обо всемъ этомъ?

До-сихъ-поръ я молчала, а Осипъ Ивановичъ, совершенно занятый домомъ, не обращалъ на это

вниманія, и никакъ не могъ бы отгадать причины моего молчанія.

Что̀ могла я сказать? Я откровенно выразила ему свое мнѣніе, которое было совсѣмъ не въ пользу дома.

— Вотъ, вскричалъ мой мужъ, вотъ женщины! Вѣчно судятъ по наружности. Ты ничего еще не видала, а ужъ совершенно осудила этотъ бѣдный домъ.

— Какъ ничего не видала? Да мы болѣе часу ужъ осматриваемъ всѣ углы и закоулки.

— Такъ чтожъ? чтожъ это доказываетъ? Ты видишь его такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, каковъ онъ долженъ быть!

Замѣчаніе Осипа Ивановича было совершенно справедливо, и я отгадала, что въ его головѣ вертѣлся уже цѣлый планъ улучшеній.

— Дай только свое согласіе на наемъ этого дома, и ты увидишь, что̀ изъ него будетъ.

Мой мужъ такъ настаивалъ, что я не могла отказать, хотя издержки, которыя я предвидѣла, уже пугали меня. Хозяинъ дома, увидѣвъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло, не сбавилъ ни копѣйки со своей цѣны. Условія его были таковы: онъ требовалъ контракта на шесть лѣтъ; обязывался привести домъ, службы и всѣ принадлежности въ порядокъ съ платою въ годъ за квартиру по 5,500 р. асс. Но, если жилецъ хотѣлъ взять на себя всѣ передѣлки, онъ уступалъ ему 300 руб. асс. въ годъ, что̀ составляло сумму 1,800 руб. асс. въ шесть лѣтъ. Что̀ касается до меня, то я охотнѣе согласилась бы на первыя условія; но мужъ мой, безъ сомнѣнія,

предпочелъ вторыя. Когда дѣло было окончательно рѣшено, мой мужъ сказалъ мнѣ: теперь, мой ангелъ, мнѣ остается только просить тебя не вмѣшиваться ни во что̀; положиться совершенно на мою любовь къ тебѣ и на мое умѣнье. Я даже попрошу тебя не пріѣзжать нынѣшнее лѣто въ городъ; живи спокойно въ Парголовѣ, пока я буду здѣсь устроивать все для тебя.

Сперва я возстала противъ этого требованія и не хотѣла дать моего согласія на трехмѣсячное изгнаніе, на тоску видать такъ рѣдко моего мужа и не быть ему полезною.

— Ты будешь мнѣ гораздо полезнѣе, не мѣшая моимъ занятіямъ, когда начнутся работы въ домѣ. Тебя здѣсь не было бы даже гдѣ и помѣстить. Будь спокойна, я все-таки часто буду пріѣзжать въ Парголово, а ты періѣдешь сюда, когда все будетъ окончено. Я хочу доставить тебѣ удовольствіе нечаянности.

Оставалось еще одно затрудненіе: отдѣлаться отъ старой квартиры, которая по контракту принадлежала намъ еще слишкомъ на годъ. Мы нашли наконецъ охотника нанять ее, хотя и съ большою потерей для насъ. Я уже болѣе не посѣщала новаго жилища и уѣхала въ Парголово.

Я сдержала слово и исполнила обѣщаніе; но мужъ мой былъ не такъ вѣренъ своему какъ я. Признаться, онъ и не могъ поступать иначе. Трудъ, который онъ предпринялъ, былъ такъ огроменъ, а время до окончанія такъ коротко, что онъ могъ только очень рѣдко доставлять мнѣ счастіе пріѣздами своими въ Парголово. Ктому же журналъ

поглощалъ все его время и на домъ онъ употреблялъ только часы, назначенные для отдохновенія. Въ случаѣ надобности, перемѣна дѣятельности замѣняла для него покой.

Безпрерывно переходя отъ одного занятія къ другому, онъ въ этой перемѣнѣ находилъ даже отдохновеніе. Наконецъ, къ величайшему моему удовольствію, лѣто кончилось. Мужъ написалъ мнѣ, что все уже готово и что я могу пріѣхать.

Сборы мои были не долги и 20 августа я сѣла въ карету, чтобъ ѣхать наконецъ къ моему обожаемому мужу. Онъ очень извинялся въ томъ, что не могъ самъ пріѣхать за мною. Онъ хотѣлъ ждать меня въ городѣ и все приготовить къ моему пріѣзду.

Наконецъ я пріѣзжаю, счастливая увидѣть мужа, котораго не видала уже цѣлую недѣлю. но также очень любопытствуя взглянуть на хорошенькое гнѣздышко, какъ говорилъ онъ, приготовленное для меня. Я перешла изъ кареты прямо въ объятія моего возлюбленнаго. Вхожу въ домъ. Чудное благоуханіе встрѣчаетъ меня. Лѣстница, ведущая въ первый этажъ, превратилась въ аллею прелестнѣйшихъ цвѣтовъ. Пушистый коверъ покрываетъ ее. Въ восторгѣ, я цѣлую мужа и сажусь на первую ступеньку, объявляя, что дальше не пойду, потому-что лучше этого не можетъ быть нигдѣ. Но мужъ беретъ меня за руку и проситъ идти дальше. На верху лѣстницы находились сѣни съ большими окнами. Осипъ Ивановичъ превратилъ ихъ въ боскетъ изъ апельсинныхъ деревьевъ, ясминовъ и розъ. Подъ деревьями стоя-

минуту въ умѣ его блеснула мысль; онъ ухватился за нее и, не теряя ни минуты, усѣлся за свой письменный столъ. Онъ всталъ изъ-за него только, когда этотъ новый кладъ его плодовитаго воображенія былъ ужъ оконченъ..... Въ два дня и двѣ ночи мужъ мой написалъ повѣсть «Предубѣжденіе», которая послужила подписчикамъ вознагражденіемъ за невольную задержку журнала.

Мой мужъ всегда очень мало посѣщалъ свѣтскія удовольствія, онъ не любилъ выѣзжать и находилъ, что когда пріѣзжали къ нему, это мѣшало его занятіямъ. Терпѣливый до крайности, характера самаго ровнаго, предупредительный въ высшей степени, день за днемъ, ночь за ночью онъ писалъ, читалъ, поправлялъ. Ему недостовало времени и пространства для тѣхъ страстей, которыя занимаютъ такъ много мѣста въ менѣе полной жизни многихъ людей. Гдѣ бы нашли себѣ мѣсто у него — зависть, скупость, желаніе вредить, клеветать на ближняго, злоба, гнѣвъ, жадность и другія достоинства того же рода. Было ли у него время, поддерживать такія пріятныя знакомства, когда у него недоставало времени для другихъ, которыя стоили немножко подороже. Никогда, увѣряю, никто не ошибался такъ грубо какъ тѣ, кто предполгалъ въ Осипѣ Ивановичѣ чувства ненависти и мести. Чтобы лучше оградить себя отъ всякаго подобнаго чувства, зная, что имѣлъ цѣлую армію враговъ, озлобленныхъ противъ его таланта, онъ никогда не хотѣлъ знать ихъ именъ и всѣ ихъ сочиненія противъ него оставались ему неизвѣстными.

Я говорю это, однакожъ, совсѣмъ не съ намѣреніемъ представить моего мужа совершенствомъ и утверждать, что онъ обладалъ всѣми достоинствами. Нѣтъ, у него, какъ и у всѣхъ людей, было много слабостей; но самыя слабости его происходили отъ слишкомъ добраго сердца, живаго воображенія и творческаго ума. Онъ легко позволялъ обманывать себя; самый отъявленный плутъ, защищаясь съ жаромъ, часто умѣлъ склонить его на свою сторону и получить все, чего не заслуживалъ.

Порядокъ, особенно въ денежныхъ дѣлахъ, никогда не могъ ужиться съ моимъ мужемъ, потому-что всѣ мѣста, относящіеся къ этому отдѣленію, были заняты щедростью, благотворительностью и страстью къ пышности, роскоши и всему, что̀ могло способствовать къ удобствамъ жизни.

Относительно этой части, онъ прежде всего заботился о своей женѣ; все вокругъ нея и на ней должно было быть богато, изящно, удобно и въ хорошемъ вкусѣ. Онъ предполагалъ во мнѣ желанія и нужды, которыхъ въ сущности у меня никогда не было, и не смотря на это онъ все-таки считалъ долгомъ и удовольствіемъ исполнять ихъ. Квартира, меблировка, экипажъ, одежда, столъ и разныя другія ненужныя бездѣлицы — все должно было быть лучшее, все должно было доказывать его любовь, его заботу обо мнѣ.

Что̀ касается до него самого, онъ любилъ, чтобы кресло, на которомъ онъ просиживалъ столько часовъ сряду, и диванъ, на который бросался онъ отдыхать совсѣмъ одѣтый, были такъ хороши и

тѣмъ болѣе говорить о такихъ вещахъ, когда я видѣла моего мужа совершенно довольнымъ, горцымъ тѣмъ, что̀ онъ сдѣлалъ.

Годы, проведенные въ Почтамской Улицѣ, были изъ самыхъ блестящихъ, но не скажу изъ самыхъ счастливыхъ годовъ жизни моего мужа.

Извѣстность его росла, слава увеличивалась. Его умъ, будучи въ постоянной дѣятельности, обращаясь на множество разнородныхъ предметовъ литературныхъ, ученыхъ, художественныхъ и промышленыхъ, безпрерывно пріобрѣталъ новыя средства и силы по-мѣрѣ того, какъ употреблялись прежнія. Онъ обогащался самою расточительностію своею. Огромная масса точныхъ и разнообразныхъ свѣденій придавала ему ту рѣшительность въ сужденіяхъ, ту вѣрность и проницательность взгляда, который видѣлъ ясно во мракѣ и однимъ кстати написаннымъ словомъ, разомъ разбивалъ невѣжество, глупость и неблагонамѣренность. И такъ же быстро съ такою же проницательностью онъ открывалъ всякаго рода талантъ и съ живѣйшимъ удовольствіемъ спѣшилъ объявлять о своихъ открытіяхъ. Всякая геніальность, всякое превосходство имѣетъ своихъ враговъ, завистниковъ и преслѣдователей. Какъ же можно было простить или умолчать о критикахъ столь блестящихъ, веселыхъ, занимательныхъ. Слыхано, ли было дѣло, чтобъ критика позволила себѣ занимать, даже смѣшить читателей, тогда-какъ общепринятый долгъ и давно привычная совѣсть повелѣвали ей производить зѣвоту и морить скукою? Что̀ за журналъ, который опрокидываетъ всѣ

очаровательный, въ Почтамтской Улицѣ. Къ нему принадлежали два сада, одинъ цвѣточный, другой фруктовый. Теплыя и холодныя ванны и вода, проведенная вездѣ: ничего не могло быть удобнѣе, удовлетворительнѣе.

— Но цѣна за квартиру съ такими удобствами должна быть ужасная, сказала я.

— Напротивъ, почти даромъ! За весь домъ просятъ пять-тысячъ-пять-сотъ рублей ассигнаціями и навѣрное уступятъ что́-нибудь. Я предложилъ пять тысячъ.

Это было ровно вдвое болѣе того, что̀ мы платили. Я замѣтила это мужу.

— Вотъ, сказалъ онъ, вотъ женщины! Сейчасъ начинаютъ думать о пустякахъ, на которыхъ и останавливаться не стоитъ. Чтожъ такое! немного подороже, немного подешевле! Главное, чтобъ мы были удобно помѣщены! Это притомъ и необходимо для моихъ занятій, которыя пойдутъ лучше отъ этого. А у тебя, мой ангелъ, у тебя будетъ тамъ все, что̀ ты любишь: два сада, фрукты, цвѣты, ванна. Намъ уже не нужно будетъ нанимать двухъ дачъ на лѣто. Одной намъ будетъ достаточно, имѣя садъ при городской квартирѣ. Вотъ уже огромная экономія. Объ остальномъ не заботься; это мое дѣло, а ты знаешь, что на меня можно полагаться. Но, прежде всего надо, чтобъ ты посмотрѣла этотъ домъ. Лошадей не откладывали; поѣдемъ сейчасъ же.

Осипъ Ивановичъ не обѣдалъ еще, хотя былъ уже седьмой часъ; но онъ увѣрилъ меня, что въ эту минуту онъ не въ состояніи ничего ѣсть и

ся съ его великодушными, добрыми намѣреніями, съ желаніемъ пользы, которое безпрерывно занимало всѣ его мысли. Чрезвычайно тихая, уединенная жизнь, которую велъ мой мужъ, занятый болѣе чѣмъ когда-нибудь съ-тѣхъ-поръ какъ взялъ на себя новый и огромный трудъ, о которомъ я буду говорить дальше, давала полную свободу самой отвратительной клеветѣ. Можно было спокойно лгать, потому-что никто не уличалъ во лжи. Однакожъ любопытство было возбуждено въ высшей степени. Кто былъ этотъ таинственный человѣкъ, этотъ баронъ Брамбеусъ, о которомъ всѣ говорили и котораго никто не видалъ? Это чудовище о четырехъ головахъ, этотъ людоѣдъ, который однимъ глоткомъ съѣдаетъ и книгу и автора, какъ-будто бы они никогда и не существовали.

Говорятъ, женщины любопытны. Отчего же и не быть имъ любопытными? И мужчины любопытны точно такъ же. Женское любопытство было возбуждено до крайности, но будучи болѣе доброжелательны нежели мужчины, женщины не завидовали славѣ, которая не затемняла ни ихъ красоты, ни наряда, а напротивъ на многихъ страницахъ воздавала имъ блестящую и красноречивую почесть. Онѣ не хотѣли осудить безусловно, произнесть окончательный приговоръ, столь неблагопріятный надъ тѣмъ, чего онѣ никогда не видали, чему едва могли вѣрить. Не были ли преувеличены всѣ эти разсказы, выдаваемые за достовѣрные! Была ли все правда, что разсказывали? Безпрерывныя противорѣчія доказывали, что

пристрастные разсказчики были не слишкомъ вѣрно извѣщены. Кто знаетъ, можетъ-быть, этотъ баронъ Брамбеусъ жертва зависти и клеветы, столь обыкновенныхъ въ этомъ мірѣ, былъ совсѣмъ не такъ ужасенъ, не такъ чудовищенъ, какъ его описывали! Какъ быть, какъ поступить въ такомъ затруднительномъ положеніи? Надо было бы, однако, сойти въ самую глубь этого запутаннаго дѣла, узнать правду, и если есть тутъ несправедливость, возстановить истину. Это будетъ похвальный поступокъ; а когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ хорошо поступить, тогда не должно отступать предъ какими-нибудь мелочными затрудненіями.

Дѣйствительно, проникнуть до барона Брамбеуса, который какъ утверждали, запиралъ такъ крѣпко свою дверь, длятого, чтобы никто не видалъ, что̀ дѣлается за нею, было вещью не легкою. Но женщины не такъ созданы, чтобы отступать передъ подобною бездѣлицей, и часто ихъ слабость поражаетъ мужскую силу. Немножко хитрости, очень много ловкости, граціи и любезности, большая настойчивость и постоянство, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы удовлетворить прихоти; небольшіе маневры, въ то же время простые, остроумные и невинные — вотъ чего совершенно достаточно, чтобы сломить самыя толстыя стѣны, проникнуть въ самыя неприступныя укрѣпленія, а тутъ надо было только позвонить у двери!

Какая женщина не нашла бы въ своемъ умѣ средства достигнуть до барона Брамбеуса, еслибъ только она дѣйствительно этого захотѣла! Сред-

ства и предлоги были разные — но выводъ все одинъ и тотъ же.

То являлась женщина, чтобы испросить снисхожденія грознаго, опаснаго критика для какого-нибудь кузена, мужа или отца. То какой-нибудь синій чулокъ просилъ покровительства барона Брамбеуса для себя и для своего произведенія. То являлась свѣтская женщина, у которой былъ сынокъ, недоросль, но обѣщавшій современемъ сдѣлаться восьмымъ чудомъ. Она приходила за совѣтами, которые такъ драгоцѣнны тому, кто ихъ получаетъ, и ничего не стоятъ тому, кто ихъ даетъ.

То приходила несчастная вдова съ дѣтьми, просить работы и хлѣба. То престарѣлая дѣва, получившая отвращеніе отъ свѣтскихъ удовольствій и отъ свѣта, который не умѣлъ оцѣнить ея, приходила спрашивать у знаменитаго автора «Фантастическихъ Путешествій» о ближайшей дорогѣ къ славѣ и знаменитости.

Бывали тоже и признанія весьма откровенныя, и не одна изъ нихъ говорила не обинуясь, что единственною причиной ея посѣщенія было любопытство, энтузіазмъ, возбудившій неодолимое желаніе увидѣть и узнать того, которому такъ удивлялись.

Поводы были различны, но результатъ все одинъ и тотъ же. Я уже сказала это. Всѣ удостовѣрялись, что на барона Брамбеуса клеветали и что преслѣдовали его совершенно напрасно. Всѣ женщины, которымъ удалось проникнуть до барона Брамбеуса, нашли въ немъ человѣка, очаровавшаго ихъ съ перваго слова своей чрезвычайной

учтивостью, привѣтливостью, любезностью и терпѣніемъ, съ которымъ выслушивалъ онъ ихъ.

Ободренныя первымъ успѣхомъ, многія изъ нихъ не удовольствовались этимъ. Первый шагъ только труденъ и однажды сдѣланное знакомство поддерживать можно. Такой человѣкъ кладъ! Геній, да еще съ пріемами большаго свѣта! Какъ онъ ловко умѣетъ сказать любезность! Какая проницательность, чтобы открыть малѣйшее достоинство! Съ какимъ знаніемъ дѣла умѣетъ онъ похвалить цвѣтъ платья, фасонъ шляпки, форму маленькой ножки или ручки! И потомъ еще, какое огромное преимущество, безъ котораго нельзя было воспользоваться всѣми другими—онъ почтенный человѣкъ, онъ женатъ! Что за бѣда повторить посѣщеніе, которое было такъ хорошо принято? Клеветѣ не къ чему будетъ привязаться, а кузенъ, мужъ или отецъ милой посѣтительницы только выиграютъ отъ этого.

Контрактъ составленъ былъ по всѣмъ правиламъ — недоставало только гербовой бумаги. Барону Брамбеусу придется расплачиваться за всѣ любезныя слова, сказанныя имъ. Ему всѣ ихъ припомнятъ и не простятъ ни одного.

Женщины неумолимы въ ненависти, но часто бываютъ онѣ тоже неумолимы и въ привязанности.

Если онѣ не даютъ врагу ни покоя, ни отдыха, то очень часто поступаютъ такъ же и съ другомъ. Это оправдалось совершенно въ этомъ случаѣ. Со всѣхъ сторонъ разставили моему мужу сѣти и онъ попался въ нихъ....

Разумѣется, въ этомъ была, также и его вина, но

причину, заставившую его дѣйствовать, нельзя осудить. Напротивъ, если есть вина, то есть и извиненіе. Очень естественно, что человѣкъ совершенный почти во всемъ, какъ былъ мой мужъ, былъ тоже совершеннымъ и въ учтивости и въ любезности. Принимая въ первый разъ женщинъ, которыя являлись, опираясь на его знаменитость, и приносили ему дань своего удивленія и уваженія, могъ ли онъ со своимъ тактомъ и вкусомъ не показать съ своей стороны всю учтивость, весь умъ свой. Могъ ли онъ не отвѣчать на всѣ любезныя вещи, которыя говорились ему? Отсюда-то вышло много ошибокъ! Тѣ, которыя отнимали драгоцѣнное время, не понимали, что онѣ похищаютъ драгоцѣнность. Казалось, напротивъ, что онѣ доставляли полезное развлеченіе. Просившія только однихъ совѣтовъ, воображали, что поступаютъ чрезвычайно умѣренно и скромно. Получившія работу, которую должно было потомъ совершенно передѣлывать, думали быть полезными! Отдававшія безусловно свою дружбу, считали себя великодушными, безкорыстными, потому только, что не просили и не требовали ничего кромѣ случаевъ доказать ее...

Все имѣетъ свою хорошую и дурную сторону. Разумѣется, что между этими женщинами, въ числѣ которыхъ было нѣсколько молодыхъ, хорошенькихъ, любезныхъ и умныхъ, мужъ мой часто проводилъ время очень пріятно. Ихъ веселая болтовня, остроумныя выходки, безцеремонная откровенность могли, безъ сомнѣнія, иногда забавлять его и служить ему прекрасными и чрезвычайно

оригинальными типами. Со всѣмъ тѣмъ, я должна, однако, сказать, что эта восторженная дружба была для него каторгой и что тяжело было ему уплачивать сдѣланный долгъ...

Не стану болѣе распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ. Я уже сдѣлала это въ маленькомъ сочиненіи, которое послѣдуетъ за этими записками и будетъ служить имъ какъ бы дополненіемъ. Въ нѣсколькихъ очеркахъ, списанныхъ съ натуры, я старалась дать понятіе о жизни жены великаго человѣка. Я указала на преимущества, но не скрыла и трудностей. Какая жена могла бы спокойно, равнодушно смотрѣть, какъ другія женщины рвутъ по клочкамъ, оспариваютъ другъ у друга сокровища, которыхъ достоинства и назначенія не въ состояніи оцѣнить ни одна изъ нихъ! Жизнь, здоровье, спокойствіе, важныя занятія человѣка, котораго онѣ называютъ себя горячими и безкорыстными друзьями! Какая жена не дрожала бы, видя, какъ во зло употребляетъ онъ свои способности, и не старалась бы оградить дорогія для нея дни и драгоцѣнный покой того, кто растрачивалъ такъ опрометчиво свою жизнь, и щедрость котораго цѣнили ни во что тѣ, кто воображалъ, что любитъ его.

Для меня навсегда осталось загадкою, гдѣ мой мужъ бралъ время, чтобы дѣлать все, что̀ онъ дѣлалъ. Я сказала уже, что вскорѣ послѣ переѣзда нашего въ Почтамскую Улицу занятія моего мужа значительно умножились.

Плюшаръ предпринялъ изданіе «Энциклопедическаго Лексикона», и для этого ему необходима

была помощь О. И. Предпріятіе было полезное; вѣроятный успѣхъ обѣщалъ столько выгодъ, что мужъ мой почелъ за долгъ не отказываться: онъ рѣшился помогать всѣми средствами и отдать *Лексикону* все остальное время свое. Въ чемъ заключалась это остальное время, я не понимаю. Я никогда не видала моего мужа незанятымъ даже одну минуту, и не могла надѣяться, чтобы хоть дамы были такъ великодушны и оставили свою жертву въ покоѣ. Однакожъ все пошло обычнымъ порядкомъ «Библ. для Чт.» не почувствовала этой прибавки занятій и какъ прежде выходила блестящая, полная изъ рукъ своего редактора. Она не пострадала, это правда! но нельзя было сказать того же о томъ, кто былъ для меня дороже всѣхъ журналовъ и всѣхъ женщинъ въ мірѣ.

Лѣтомъ, въ пору отдыха и уменьшенія занятій у всѣхъ почти, мужу моему не было другаго облегченія кромѣ короткаго времени каникулъ, когда прекращались его занятія въ университетѣ.

Мы не могли окончить нашего контракта въ Парголовѣ. Эта дача была слишкомъ неудобна для насъ. Съ помощью довольно значительной потери мы передали ее другому, сами же переѣхали въ Павловскъ, который казался мужу моему гораздо удобнѣе по желѣзной дорогѣ. Новая дача могла быть достаточна для большаго семейства и находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ парка, въ прелестномъ мѣстоположеніи. Но на этой прелестной дачѣ стѣны были голыя, двери и окна худо запирались и не было даже стула, чтобы сѣсть. Мужъ мой не оставлялся на такихъ пустякахъ.

Быстро и за огромные деньги этотъ хорошенькій домъ былъ обновленъ и пополненъ. Обои, маркизы, занавѣсы, сторы, мебель, посуда столовая и кухонная и тысяча другихъ вещей было куплено и отправлено на дачу, которая такимъ образомъ была снабжена всѣмъ и все это должно было оставаться тамъ на зиму, чтобы лѣтомъ не нужно было перетаскиваться снова.

Мужъ мой былъ восхищенъ этою дачей; ему казалось, что мы болѣе никогда не перемѣнимъ нашего лѣтняго мѣстопребыванія. Однако онъ опять ошибся и Павловскъ оказался далеко не такъ удобенъ, какъ онъ сначала предполагалъ. Поѣзды въ условленный часъ совсѣмъ не годились ему, тѣмъ болѣе, что его живыхъ часовъ не было подлѣ него, чтобы напоминать ему, когда приходило время ѣхать. Онъ самъ, углубленный въ свои занятія вспоминалъ объ этомъ тогда только, когда было уже поздно, и поѣздку приходилось откладывать на завтра вмѣстѣ съ дѣломъ. На другой день приходилось читать корректуры, которыя не давали времени и подумать даже о дачѣ. На послѣзавтра лилъ проливной дождь: надо было ждать пока онъ перейдетъ, а въ ожиданіи всего лучше было прилежно заниматься. Потомъ являлась сильная головная боль, нездоровье, которое не давало пользоваться ничѣмъ и не позволяло даже дальней поѣздки. Тогда онъ писалъ мнѣ прелестныя записки, и каждый день, когда я не видала моего мужа, я получала отъ него письма, полныя извиненій и любви. Но это не было для меня замѣной, потому-что лѣтомъ въ особенности я по-

ся съ его великодушными, добрыми намѣреніями, съ желаніемъ пользы, которое безпрерывно занимало всѣ его мысли. Чрезвычайно тихая, уединенная жизнь, которую велъ мой мужъ, занятый болѣе чѣмъ когда-нибудь съ-тѣхъ-поръ какъ взялъ на себя новый и огромный трудъ, о которомъ я буду говорить дальше, давала полную свободу самой отвратительной клеветѣ. Можно было спокойно лгать, потому-что никто не уличалъ во лжи. Однакожъ любопытство было возбуждено въ высшей степени. Кто былъ этотъ таинственный человѣкъ, этотъ баронъ Брамбеусъ, о которомъ всѣ говорили и котораго никто не видалъ? Это чудовище о четырехъ головахъ, этотъ людоѣдъ, который однимъ глоткомъ съѣдаетъ и книгу и автора, какъ-будто бы они никогда и не существовали.

Говорятъ, женщины любопытны. Отчего же и не быть имъ любопытными? И мужчины любопытны точно такъ же. Женское любопытство было возбуждено до крайности, но будучи болѣе доброжелательны нежели мужчины, женщины не завидовали славѣ, которая не затемняла ни ихъ красоты, ни наряда, а напротивъ на многихъ страницахъ воздавала имъ блестящую и краснорѣчивую почесть. Онѣ не хотѣли осудить безусловно, произнесть окончательный приговоръ, столь неблагопріятный надъ тѣмъ, чего онѣ никогда не видали, чему едва могли вѣрить. Не были ли преувеличены всѣ эти разсказы, выдаваемые за достовѣрные! Была ли все правда, что̀ разсказывали? Безпрерывныя противорѣчія доказывали, что

лись переносчицами этихъ прекрасныхъ новостей. Онѣ увеличивали какъ только возможно зло, сказанное про моего мужа, чтобы черезъ это выказать въ болѣе блестящемъ свѣтѣ дружбу свою къ нему. Сначала мой мужъ, удивленный въ высшей степени, не хотѣлъ вѣрить въ такое коварство и злобу. Какое зло сдѣлалъ онъ людямъ, за что̀ избрали они его предметомъ своей клеветы? Чей умъ могъ придумать вещи до такой степени низкія и глупыя? Когда старался онъ вредить ближнему? Не всегда ли, напротивъ, готовъ онъ былъ помочь каждому, кто только требовалъ отъ него помощи? Гдѣ же былъ источникъ, откуда брались всѣ эти клеветы на него? Зачѣмъ, не зная, терзали его зубами? Увы! одна вина только и была у него, но онъ и самъ никакъ не могъ признать ея такою, какою была она на самомъ дѣлѣ. Въ этихъ низкихъ, корыстолюбныхъ душахъ его громадное достоинство, тяготившее всей силою надъ ихъ посредственностью, достоинство, котораго они не могли не признать—возбуждало ненависть и безпощадную злобу. Они ненавидѣли проницательный умъ, который однимъ ударомъ снималъ голову невѣжеству, глупости и недоброжелательству. Они ненавидѣли острое, тонкое перо, которое, однимъ мѣтко написаннымъ словомъ умѣло выказать и слабую и сильную сторону каждой вещи.

Мой мужъ, не отдавая себѣ вполнѣ справедливости, не сознавая, на сколько былъ онъ выше этихъ завистливыхъ и злоязычныхъ посредственностей, чувствовалъ, однакожъ, что литература

была единственной причиною всѣхъ гоненій и клеветъ, которыхъ онъ былъ цѣлью. Итакъ, вотъ какова была благодарность за его вѣчное желаніе и стараніе быть полезнымъ, распространить свѣтъ, просвѣтить невѣжество, помочь неопытности, поощрить успѣхъ, открыть талантъ? Вотъ каковъ былъ результатъ того жара, того усердія, съ которыми принялся онъ за дѣло, не щадя ничего для успѣха своего предпріятія! Глубокая меланхолія овладѣла имъ. Онъ почувствовалъ что-то въ родѣ отвращенія отъ этой знаменитости, изъ которой дѣлали преступленіе, отъ этихъ занятій, предпринятыхъ съ такою похвальной цѣлью, съ такимъ чистымъ, благороднымъ намѣреніемъ, и изъ которыхъ злоба людей сдѣлала себѣ оружіе, обращенное на него же.

Часто заставала я его погруженнаго въ грустныя мысли, съ головою опущенною на руки и съ слезами въ его обожаемыхъ глазахъ. Это былъ уже не тотъ человѣкъ, это была уже не та безграничная энергія, которая поддерживала его посреди его баснословныхъ трудовъ. У него не было уже той увѣренности, которая давала ему такъ много силъ, что онъ трудится для блага общаго и что добрыя намѣренія его будутъ оцѣнены. Моральное дѣйствовало на физическое и я съ горемъ видѣла, что здоровье мужа моего разрушается.

Новая причина безпокойства присоединилась къ нашимъ огорченіямъ. Какъ поступалъ мой мужъ со своимъ временемъ, покоемъ и здоровьемъ, такъ поступалъ и Смирдинъ съ огромными суммами, которыя привела въ его щедрыя руки «Б. для Ч.».

оригинальными типами. Со всѣмъ тѣмъ, я должна, однако, сказать, что эта восторженная дружба была для него каторгой и что тяжело было ему уплачивать сдѣланный долгъ...

Не стану болѣе распространяться здѣсь объ этомъ предметѣ. Я уже сдѣлала это въ маленькомъ сочиненіи, которое послѣдуетъ за этими записками и будетъ служить имъ какъ бы дополненіемъ. Въ нѣсколькихъ очеркахъ, списанныхъ съ натуры, я старалась дать понятіе о жизни жены великаго человѣка. Я указала на преимущества, но не скрыла и трудностей. Какая жена могла бы спокойно, равнодушно смотрѣть, какъ другія женщины рвутъ по клочкамъ, оспариваютъ другъ у друга сокровища, которыхъ достоинства и назначенія не въ состояніи оцѣнить ни одна изъ нихъ! Жизнь, здоровье, спокойствіе, важныя занятія человѣка, котораго онѣ называютъ себя горячими и безкорыстными друзьями! Какая жена не дрожала бы, видя, какъ во зло употребляетъ онъ свои способности, и не старалась бы оградить дорогія для нея дни и драгоцѣнный покой того, кто растрачивалъ такъ опрометчиво свою жизнь, и щедрость котораго цѣнили ни во что тѣ, кто воображалъ, что любитъ его.

Для меня навсегда осталось загадкою, гдѣ мой мужъ бралъ время, чтобы дѣлать все, что̀ онъ дѣлалъ. Я сказала уже, что вскорѣ послѣ переѣзда нашего въ Почтамскую Улицу занятія моего мужа значительно умножились.

Плюшаръ предпринялъ изданіе «Энциклопедическаго Лексикона», и для этого ему необходима

И съ другой стороны дѣла тоже пошли худо. «Энциклопедическій Лексиконъ», процвѣтавшій въ первые годы свои и подававшій такія блестящія надежды, доставлялъ очень много работы, но почти никакого денежнаго вознагражденія. Скоро мужъ мой увидѣлъ, что ему невозможно будетъ продолжать управленіе работою, которая не была организована надлежащимъ порядкомъ. Она требовала бездны времени,—гораздо болѣе чѣмъ сколько могъ онъ дать, особливо теперь, когда разстроенныя обстоятельства «Библ. для Чт.» требовали всѣхъ трудовъ и попеченій.

Итакъ мой мужъ, съ сожалѣніемъ, но долженъ былъ разстаться съ Плюшаромъ и отказаться на время быть ему полезнымъ. Незадолго до смерти мой мужъ имѣлъ случай возобновить сношенія съ Плюшаромъ и доказать ему новою услугой, что нисколько не помнилъ непріятностей и денежныхъ затрудненій, которыя испыталъ черезъ него во время оно.

Но я опять удалилась отъ одного изъ замѣчательныхъ кризисовъ въ жизни Осипа Ивановича.

Огорченія, заботы и хлопоты, полнившіяся вокругъ него вслѣдствіе разстройства дѣлъ, ввергли его въ глубокую меланхолію. Эта грусть не выражалась ни жалобами, ни роптаньемъ. О. И. не обвинялъ никого и продолжалъ усердно, прилежно работать. Чѣмъ объяснять страданія, до такой степени укоренившіяся? Надо было вырвать его съ корнями, а минутное облегченіе ни къ чему не могло привести. Утомленные глаза давали мнѣ от-

вѣты, которые всѣ, разумѣется, легче было дать чѣмъ исполнить.

— Вашему мужу необходимы развлеченія; надо отвлекать его отъ занятій, надо забавлять его!

Но чѣмъ же забавлять, когда ничего въ этомъ родѣ не занимало его, когда сами прекрасныя дамы, подававшія эти добрые совѣты, больше всего надоѣдали ему. Я, однакожъ, не оставалась безъ дѣла, и не питая большой надежды на успѣхъ, дѣлала пробы, которыя всѣ оставались безплодными. Я ломала себѣ голову, выдумывала разные неудобоисполнимые планы, но все-таки не теряла надежды. Вѣра, надежда и любовь поддерживали меня и говорили душѣ, что все еще могло перемѣниться.

Однажды вечеромъ мужъ мой вышелъ со двора съ единственной цѣлью пройтись немного и освѣжить на воздухѣ свою озабоченную голову. Отсутствіе его однажды продолжалось гораздо долѣе того времени, которое онъ назначилъ. Я уже начала безпокоиться. Онъ возвратился только около полуночи, и не только всѣ мои опасенія разсѣялись, но я увидѣла на лицѣ моего мужа выраженіе довольства, котораго давно уже не бывало на немъ.

— Прости, мой другъ, что возвращаюсь такъ поздно. Но ты простишь тѣмъ охотнѣе, когда узнаешь, какимъ удовольствіемъ я наслаждался; мы повторимъ это вмѣстѣ при первомъ случаѣ. Я, гуляя, дошелъ до Казанскаго Моста; тамъ носъ къ носу встрѣтился съ княземъ Г.

— А, сказалъ онъ, вы вѣрно тоже въ концертъ, это прекрасно.

— Что за удовольствіе, отвѣчалъ я ему съ удивленіемъ. Во-первыхъ, мнѣ некогда быть въ концертѣ, а во-вторыхъ я и слѣдовъ его не вижу тутъ. И дѣйствительно, исключая жандармовъ, были только двѣ кареты и четверо саней предъ домомъ Енгельгардта.

— Что жъ за бѣда, что никого нѣтъ, отвѣчалъ князь: тѣмъ хуже для тѣхъ, кто остался дома, когда Сервѐ даетъ концертъ.

— Сервѐ, что это такое Сервѐ?

— Какъ, вы не знаете Сервѐ, великаго Сервѐ, первѣйшаго віолончелиста нашего времени или, вѣрнѣе, величайшаго ихъ всѣхъ, ктò когда-нибудь держалъ въ рукахъ смычокъ. Чтò же вы знаете послѣ этого? а еще журналистъ, который читаетъ всѣ журналы!

— Я ихъ имѣю, да не вѣрю имъ, и потому имя Сервѐ очень могло ускользнуть отъ меня.

— Вы не забудете его, если хоть разъ услышите. Словомъ онъ наговорилъ мнѣ такъ много что я рѣшился потерять нѣсколько минутъ, чтобы сдѣлать князю удовольствіе. Входимъ, человѣкъ пятьдесятъ, не болѣе, находились въ огромной залѣ. Но въ небольшомъ числѣ слушателей я примѣчаю нѣсколько знакомыхъ лицъ изъ числа тѣхъ, которые выдаютъ себя за знатоковъ. Сервѐ заставляетъ ждать себя, медлитъ, надѣясь, вѣроятно, что публики прибудетъ. Наконецъ онъ является, мы принимаемъ какъ только можемъ лучше. Онъ садится на свое мѣсто съ довольнымъ, одуше-

вленнымъ видомъ, и нисколько не кажется огорченнымъ малымъ числомъ слушателей. Душа моя! Какъ онъ игралъ—этого я не могу выразить тебѣ! Про него мало сказать, что онъ величайшій изъ віолончелистовъ—это величайшій артистъ какого я когда-нибудь слышалъ! Какіе звуки! Какая смѣлость! Какое выраженіе, сколько вкуса въ нововведеніяхъ. Сколько страсти, сколько огня! Съ какою силой увлекаетъ онъ васъ въ свой міръ, куда безъ него никогда не проникли бы вы. Но я тебѣ никогда не выскажу всего. Ты должна обѣщать мнѣ, что пойдешь вмѣстѣ со мною слушать Сервѐ въ первый разъ, когда онъ будетъ играть.

Я съ радостью дала это обѣщаніе. Я хотѣла бы отъ всего сердца благодарить Сервѐ за удовольствіе, которое доставилъ онъ моему мужу. За нѣсколько недѣль до этого, нѣкоторые изъ друзей нашихъ, въ головѣ которыхъ находились и вышерѣченныя прелестныя дамы, предположили, съ цѣлью развлечь Осипа Ивановича, собираться у насъ въ условленный день. Это было на четвертую зиму по переѣздѣ нашемъ въ Почтамскую улицу. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы жили тамъ, мой мужъ постоянно отказывался назначить у себя пріемный день, потому-что это отнимало слишкомъ много времени отъ его занятій. Между-тѣмъ, въ другомъ отношеніи, это имѣло свою хорошую сторону. Отдавая одинъ день свѣту, можно лучше сберегать остальные для себя. Я была въ пользу *дня*, потому-что находила, что мужъ мой черезъ это скорѣе выиграетъ, чѣмъ потеряетъ время.

Мужъ мой согласился однако только на поло-

вину, и это было очень благоразумно съ его стороны. Условились собираться къ намъ въ двѣ недѣли разъ, по субботамъ. Мой мужъ услышалъ Серве́ послѣ первой нашей субботы. Этотъ вечеръ былъ ни слишкомъ веселъ, ни слишкомъ занимателенъ, хотя въ числѣ присутствующихъ было много хорошенькихъ дамъ и дѣвицъ. Мужчинъ было меньше. Ихъ ухаживанье за барономъ Брамбеусомъ было далеко не такъ сильно какъ ухаживанье прекраснаго пола. Я пригласила двухъ-трехъ артистовъ, старинныхъ знакомыхъ, добрыхъ малыхъ, но второстепенныхъ талантовъ. Занимались немного музыкой, которая хоть сколько-нибудь перебила скуку. Не танцовали, не играли въ карты и разговоръ даже не клеился у прекрасныхъ дамъ, которыя ужъ не знали, что̀ и говорить, и, вѣроятно, предпочли бы этому обществу болѣе интимное общество великаго человѣка, удостоеннаго ихъ дружбы. Итакъ первый опытъ не произвелъ желаннаго дѣйствія. Мужа моего это нисколько не развлекло и на другой день послѣ этого вечера я увидѣла его ни менѣе грустнымъ, ни менѣе занятымъ. Черезъ двѣ недѣли, однакожъ, опытъ долженъ былъ повториться.

Кто-то выходилъ отъ Осипа Ивановича, когда онъ велѣлъ позвать меня къ себѣ.

— Знаешь ли, мой другъ, что̀ мнѣ предлагаютъ? сказалъ онъ. Сейчасъ былъ у меня хозяинъ «Одеона», музыкальнаго магазина. Онъ сказалъ, что нѣсколько новопріѣзжихъ артистовъ желаютъ познакомиться со мною. На нынѣшнюю зиму ожидаютъ сюда еще нѣсколько знаменитостей: хочешь

имѣть ихъ у себя? Для этого у тебя и вечера ужъ совсѣмъ готовы. Ни хлопотъ, ни издержекъ не прибавится, а между-тѣмъ будетъ гораздо пріятнѣе. Какъ ты думаешь?

Я обожала музыку и имѣла большую склонность къ артистамъ, которыми была съ дѣтства окружена въ домѣ отца. Это предложеніе было мнѣ чрезвычайно по сердцу. Все было на скоро устроено и будущая суббота должна была быть блестяща. Однакожъ мой мужъ очень ошибался, думая, что это не прибавитъ намъ ни хлопотъ, ни издержекъ. И того и другаго нужно было много прибавить; но эта прибавка вознаградилась результатами. Мой мужъ былъ не такой человѣкъ, чтобы оставить хлопоты на мою долю. Онъ взялъ на себя все и увѣрилъ меня, что все будетъ какъ нельзя лучше.

Приглашенія и ужинъ, пульпитры для нотъ и второй флигель; программа концерта и самолюбіе артистовъ, которыхъ было слишкомъ много, чтобы всѣмъ успѣть играть въ одинъ вечеръ—сколько вещей необходимыхъ, о которыхъ надо было подумать. Надо будетъ заняться еще усерднѣе журналомъ; а что̀ касается до меланхоліи, до черныхъ мыслей—то для нихъ не будетъ ни одной свободной минуты.

Наконецъ наступила суббота, блестящая, великолѣпная. Новая звѣзда взошла на нашемъ горизонтѣ. Отнынѣ музыка будетъ играть огромную и странную роль въ нашей жизни. Мой мужъ превзошелъ себя въ великолѣпіи и наше собраніе заключало въ себѣ такія сокровища, какія рѣдко

И съ другой стороны дѣла тоже пошли худо. «Энциклопедическій Лексиконъ», процвѣтавшій въ первые годы свои и подававшій такія блестящія надежды, доставлялъ очень много работы, но почти никакого денежнаго вознагражденія. Скоро мужъ мой увидѣлъ, что ему невозможно будетъ продолжать управленіе работою, которая не была организована надлежащимъ порядкомъ. Она требовала бездны времени,—гораздо болѣе чѣмъ сколько могъ онъ дать, особливо теперь, когда разстроенныя обстоятельства «Библ. для Чт.» требовали всѣхъ трудовъ и попеченій.

Итакъ мой мужъ, съ сожалѣніемъ, но долженъ былъ разстаться съ Плюшаромъ и отказаться на время быть ему полезнымъ. Незадолго до смерти мой мужъ имѣлъ случай возобновить сношенія съ Плюшаромъ и доказать ему новою услугой, что нисколько не помнилъ непріятностей и денежныхъ затрудненій, которыя испыталъ черезъ него во время оно.

Но я опять удалилась отъ одного изъ замѣчательныхъ кризисовъ въ жизни Осипа Ивановича.

Огорченія, заботы и хлопоты, поднявшіяся вокругъ него вслѣдствіе разстройства дѣлъ, ввергли его въ глубокую меланхолію. Эта грусть не выражалась ни жалобами, ни ропотомъ. О. И. не обвинялъ никого и продолжалъ усердно, прилежно работать. Чѣмъ облегчить страданіе, до такой степени укоренившееся? Надо было вырвать его съ корнями, а минутное облегченіе ни къ чему не могло привести. Услужливые люди давали мнѣ со-

сколько холодное, возбудило удивленіе знатоковъ. Его любезная готовность и снисхожденіе много способствовали украшенію нашихъ вечеровъ. Между ними была также итальянская пѣвица г. Ф. Она готовила себя для оперы, но не могла устоять противъ любви, которую сама внушила, и вышла замужъ, сохранивъ для себя и для друзей свой великолѣпный талантъ.

Тутъ были всѣ наши знаменитые піанисты: Гензельдтъ, Карлъ Майеръ, Герке; старшины нашего оркестра—Мауреръ и Бемъ и нѣкоторые изъ ихъ молодыхъ собратовъ. Позже собранія наши получили еще новыя подкрѣпленія по мѣрѣ того, какъ пріѣзжали изъ-за границы новые артисты. Дрейшокъ и Прюмъ, Леопольдъ Мейеръ, Дёллеръ и Шульгофъ, Блаазъ, Пьятти, Чіарди, оба Контскіе, композиторы — Аданъ и Бальфъ и множество другихъ, которые всѣ спѣшили явиться и дать себя послушать у насъ. Итакъ первый дебютъ нашихъ музыкальныхъ вечеровъ имѣлъ огромный успѣхъ. Нечего уже и говорить о томъ, что все остальное было подъ стать знаменитому собранію. Женщинъ на этотъ разъ было менѣе чѣмъ мужчинъ и тѣ были тщательно избраны между самыми любезными и самыми хорошенькими. Всѣ были въ восторгѣ и возносили до небесъ пріемъ и любезность хозяевъ.

Двѣ недѣли спустя этотъ вечеръ повторился, по общей просьбѣ. Всю зиму продолжалась у насъ музыка и вскорѣ домъ нашъ сдѣлался блестящей точкой, въ-особенности для пріѣзжающихъ артистовъ, которымъ нуженъ маякъ, чтобы знать ку-

да направиться. Дѣйствительно, это находили они тутъ. Радушный пріемъ, открытый столъ, добрые совѣты и, что̀ удивляло ихъ больше всего, совершенное безкорыстіе знаменитаго журналиста, который принималъ ихъ такъ хорошо, покровительствовалъ имъ въ своемъ журналѣ и въ добавокъ еще щедро платилъ за билеты, которые каждый почелъ бы за счастіе подарить ему.

Совершенный переворотъ произошелъ въ моемъ мужѣ. Правда, что онъ все-еще былъ занятъ черезъ-мѣру, что дѣла Смирдина и Плюшара шли также худо, а наши издержки увеличились. Но главный пунктъ былъ выигранъ, врагъ побитъ и мужъ мой занятый, озабоченный не думалъ бо̀льше о нелѣпыхъ сплетняхъ и низкой клеветѣ, которая никогда не должна была бы и доходить до него и отнынѣ становилась для него совершенно ничтожною. Денежныя издержки, какъ бы ни были онѣ чувствительны, всегда могутъ вознаградиться. О. И. всегда такъ мало принималъ ихъ къ сердцу, что и я также не могла сильно отчаяваться; а что касается до безпрерывныхъ занятій моего мужа, я видѣла, что они такъ сжились съ его существованіемъ, что въ полномъ смыслѣ слова онъ не могъ прожить одной минуты безъ занятій. Покой былъ для него одинаково невозможенъ и антипатиченъ.

Но кто пострадалъ отъ этой перемѣны, такъ радовавшей меня—это друзья-обожательницы моего мужа. Онѣ потеряли много поля, которымъ такъ ловко умѣли-было овладѣть. Часто хорошенькой и остроумной посѣтительницѣ приходи-

лось молча выслушивать жаркій споръ О. И. съ какимъ-нибудь старымъ парикомъ, который доказывалъ ему, что восхищаться Россини значило имѣть испорченный вкусъ, и что Доницетти и Беллини разрушили и погубили бы совершенно искусство своею вздорною музыкой, если бы великіе и крѣпкіе столпы музыкальные не поддерживали ея. Четыре столба существовали и будутъ существовать до конца міра — Бахъ и Гайднъ, Моцартъ и Бетховенъ. Внѣ ихъ нѣтъ спасенія. Мой мужъ былъ глухъ на этотъ счетъ и не могъ переваривать крайностей, доходившихъ до нелѣпости и такъ страшно усилившихся, когда Верди, этотъ любимецъ моего мужа и всѣхъ, у кого есть сердце, сдѣлался знаменитъ.

Если бы я даже не любила музыки, то и тогда полюбила бы ее за то добро, которое сдѣлала она моему мужу. Но, какъ нарочно, музыка съ самаго дѣтства была моею страстью. По многимъ причинамъ, однакожъ я почти совершенно оставила ее послѣ моего замужства.

Я уже говорила, что въ первые годы нашей женитьбы мы были почти неразлучны; еслибъ я обладала хорошенькимъ талантомъ, то могла бы играть передъ моимъ мужемъ и музыка никогда бы не разлучала насъ. Но я играла очень дурно и хотя вышла изъ семьи чрезвычайно музыкальной, многіе члены которой обладали такимъ музыкальнымъ талантомъ, что могли бы стать на ряду съ первѣйшими артистами, я однакожъ не была одарена музыкальнымъ геніемъ. Къ этому присоединилась еще непреодолимая робость и я пу

талась и сбивалась, лишь только кто-нибудь слушалъ меня. Къ чему было мнѣ дурно играть передъ моимъ мужемъ, или, чтобъ упражнять мой ничтожный талантъ, высылать его изъ комнаты, когда я могла быть такъ счастлива съ нимъ? Потомъ начались литературныя занятія, въ которыхъ я видѣла, что могу быть сколько-нибудь полезна мужу. Рояль больше не открывался для меня и я уже совсѣмъ не думала о музыкѣ, когда она вдругъ явилась къ намъ въ домъ съ такимъ громомъ, съ такимъ очарованіемъ. Самыя сладкія воспоминанія проснулись во мнѣ; всѣ наслажденія, которыя съ самаго дѣтства доставляла мнѣ музыка, толпою встали передо-мною. Я не могла устоять противъ всеобщаго увлеченія. Я только и слышала, что разговоры про музыку, я видѣла только музыкантовъ и музыкантшъ. Общее повѣтріе заразило и меня, и я призналась мужу, что если не поздно еще, то я очень желала бы снова заняться музыкой. Мужъ мой былъ въ восторгѣ отъ этого. Я никогда не имѣла привычки выражать ему моихъ желаній, всегда опасаясь его чрезмѣрной щедрости, и тутъ я въ первый разъ была совершенно откровенна съ нимъ. Онъ сказалъ мнѣ, что доставлять себѣ удовольствіе никогда не поздно и что тутъ удовольствіе будетъ для насъ обоихъ. Я просила Шиллера, молодаго піяниста съ примѣчательнымъ талантомъ и котораго я уже давно знала, приходить играть со мною. Я съ жаромъ принялась за самое пріятное изъ искусствъ. Мой мужъ поощрялъ меня всѣми средствами. Онъ дѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что

часто думалъ и говорилъ мнѣ, что я не была
счастлива, какъ бы онъ этого желалъ; что
гіе часы занятій, разлучавшія насъ, часто
ны были казаться мнѣ грустными и одино
Онъ говорилъ, что любитъ слышать отдале
звуки моего рояля, потому-что тогда онъ зн
что я не скучаю, что я довольна. Его слова
такъ милы и такъ нѣжны, что ужъ въ них
нихъ заключался цѣлый міръ счастія. Но дл
го было мало словъ, онъ подкрѣплялъ ихъ
ствіями. Онъ купилъ мнѣ еще рояль и до
лялъ все, что только появлялось новаго въ
кальномъ мірѣ. Онъ приглашалъ артистовъ
торые мнѣ больше нравились, и уговаривалъ
одолѣть мою робость, увѣряя, что для нег
кто не игралъ лучше меня. Но все это был
чего, ровно ничего въ сравненіи съ громадн
баснословнымъ доказательствомъ, которое
женъ былъ онъ дать мнѣ позже и котораго
вой причиною было то, что я играла худо,
лала бы играть хорошо.

Въ то время, какъ музыка такъ твердо по
лась въ нашемъ домѣ, другія обстоятельства
же вводили въ него значительныя измѣненія
оканчивали четвертый годъ нашего контрак
Почтамской Улицѣ; намъ оставалось еще дв
да прожить тамъ; но противъ всякаго ожи
оказалось, что въ этомъ домѣ, превратив
въ игрушку благодаря деньгамъ и заботам
его мужа, невозможно было жить. Это был
вершенный погребъ, когда онъ не былъ н
ненъ народомъ и освѣщенъ сотнями свѣчей

мужъ пробовалъ все, чтобы нагрѣть его, и не могъ ничего достигнуть. Въ большіе холода только одна или двѣ комнаты были обитаемы, потому-что въ нихъ можно было не замерзнуть, въ остальныя же можно было входить только на минуту, да и то не иначе какъ въ шубѣ. Къ этому главному неудобству присоединялось еще неудобное расположеніе комнатъ и то, что квартира эта стоила намъ страшно дорого. Того, что̀ мужъ мой потратилъ на этотъ домъ, воротить уже не было возможности; это было потеряно безвозвратно; но кромѣ того онъ, съ обычною легкостью своею соглашаться на все, взялъ за себя по предложенію хозяина, который увѣрялъ его, что это будетъ гораздо удобнѣе, спокойнѣе и лучше, сверхъ условной платы 5,200 руб. въ годъ, на свой счетъ наемъ дворника, мусорщика, трубочиста и всѣ поправки, большія и малыя, которыя придется сдѣлать впродолженіи шести лѣтъ. Прибавьте къ этому садовника, который стоилъ дорого и только воровалъ наши цвѣты, страшное количество дровъ для отопленія дома, который все-таки оставался холоднымъ, и оранжерею, пожиравшую почти столько же дровъ какъ и домъ. Все это вмѣстѣ составляло сумму, которою цѣлое многочисленное семейство могло бы жить безбѣдно. Мой мужъ понялъ это хотя и не скоро, но тогда же сталъ думать о средствахъ исправить дѣло. Надо было какъ-нибудь отдѣлаться отъ контракта. Проживъ четыре года, мы имѣли на это полное право. Хозяинъ сначала слегка противился, но вскорѣ согласился, благодаря разнымъ уступкамъ съ на-

шей стороны. Все, что̀ мужъ мой сдѣлалъ для украшенія и удобства дома, уступалось ему безвозмездно. Потеря была значительная, но лучше было рѣшиться на это, чѣмъ продолжать жить какъ мы жили.

Гдѣ же поселимся мы теперь? Мой мужъ, зная чего больше всего желало мое сердце, тотчасъ же объявилъ, что мы возвратимся на Васильевскій Островъ. Послѣ двухъ-лѣтняго отсутствія, моя добрая маменька возвратилась изъ чужихъ краевъ и жила на Васильевскомъ Островѣ, гдѣ находились тоже почти всѣ наши родные. Сосѣдство Университета было также удобно для моего мужа. Но найти квартиру, которая соединяла бы въ себѣ всѣ удобства, требуемыя отъ нея, было дѣломъ не легкимъ. Надо было однакожъ рѣшиться и безъ этого, въ надеждѣ исправить современемъ то, чего бы недоставало. Мой мужъ хотѣлъ имѣть очень хорошую квартиру. Ему нужно было много мѣста. Кругъ его занятій и отношеній съ каждымъ днемъ увеличивался. До-сихъ-поръ условія Смирдина съ О. И. были таковы, что первый обязывался платить ежегодно опредѣленную сумму денегъ моему мужу, до котораго не должны были касаться никакія хлопоты относительно матеріальной части журнала. Первые годы все шло хорошо, но съ увеличеніемъ доходовъ «Б. д. Ч.» безпорядки увеличились въ одинаковой мѣрѣ. Щедрая, благородная натура Смирдина, хотя и очень хорошо знавшаго ариѳметику, часто однакожъ давалась въ обманъ и была жертвою собственной своей слабости. Смирдинъ видѣлъ, что

не умѣетъ крѣпко держать въ рукахъ деньги, которыя приносила ему «Б. д. Ч.», и что его обирали со всѣхъ сторонъ. Онъ предложилъ мужу моему взять журналъ себѣ совсѣмъ, условившись насчетъ распоряженій относительно прихода и расхода.

Я испугалась этого предложенія. Могъ ли мой мужъ, умъ котораго работалъ и былъ занятъ безпрерывно, входить во всѣ денежныя подробности, безчисленныя, сложныя и взять еще въ добавокъ на себя дѣла уже запутанныя. Я, разумѣется, немного возстала противъ такого безразсуднаго намѣренія. Но у моего мужа былъ ужъ планъ и готовые аргументы, которыми онъ доказывалъ, что ничто не могло быть лучше и удобнѣе какъ владѣть одному безраздѣльно, собственностью, пріобрѣнною трудомъ. Дѣло было рѣшено и «Б. д. Ч.» на нашихъ рукахъ. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему намъ нужна была квартира хорошая и въ-особенности просторная. Нужна была особенная комната для тѣхъ, кто будетъ приходить по дѣламъ; нужны были комнаты, чтобы помѣстить людей необходимыхъ при этомъ порядкѣ дѣлъ. Для меня О. И. хотѣлъ устроить такія комнаты, которыя не позволяли бы мнѣ жалѣть о прелестномъ домикѣ въ Почтамской Улицѣ. Послѣ долгихъ поисковъ мужъ мой нашелъ наконецъ квартиру довольно удовлетворительную. Она состояла изъ шести большихъ комнатъ съ балкономъ въ бель-этажѣ и девяти комнатъ, которыя можно было раздѣлить на двѣ квартиры; въ нижнемъ этажѣ. Одна изъ этихъ

квартиръ назначалась для приказчиковъ, д
для кабинета О. И. и двухъ пріемныхъ
выхъ комнатъ. Бель-этажъ исключительно
чался для меня и долженъ былъ быть убр
всевозможною роскошью и вкусомъ. Долж
мѣтить, что эта квартира, большая и до
удобная по расположенію, была отвратит
грязна. Она стоила не дешевле той квартир
торую мы покидали; но по-крайней-мѣрѣ ту
предвидѣлось тѣхъ прибавочныхъ издержек
торыми та была такъ богата. Мужъ мой н
эту квартиру только осенью. Я жила въ П
скѣ, но не могла же долго оставаться там
причинѣ холодной осени. Потому было сове
но невозможно, чтобы я въѣхала, какъ мой
обыкновенно устроивалъ, въ совершенно го
домъ, гдѣ каждая булавка была уже на с
мѣстѣ. На этотъ разъ ему пришлось довол
ваться только главнымъ необходимымъ у
ствомъ. Не смотря на то я вернулась в
родъ только 10-го октября. Въѣздъ мой бы
такъ торжественъ какъ въ Почтамской Ул
вмѣсто розъ и пріятныхъ сюрпризовъ я
шумъ и громъ, который дѣлали обойщики,
ры и другіе мастеровые, исполнявшіе прик
моего мужа. Я все-таки была очень рада, ч
ѣхала: мой мужъ былъ со мною, а я вп
женіи всего лѣта почти не видала его, хотя
чила отъ него самыя милыя письма.

Мой мужъ ужасно извинялся передо мн
весь безпорядокъ, который я видѣла и въ
ромъ онъ не только жилъ, но и работал

продолженіи дня онъ распоряжался работами, посреди пыли, шума молотковъ, пилъ и другихъ такъ же не гармоническихъ инструментовъ. Ночью онъ писалъ. Для него, говорилъ онъ, это ничего, онъ всегда могъ устроиться, но для меня было невозможно жить такимъ образомъ. Онъ упросилъ меня, каждое утро, лишь только я встану, отправляться къ маменькѣ и возвращаться оттуда только къ ночи. Надо было согласиться, тѣмъ болѣе, что Осипъ Ивановичъ увѣрялъ, будто такимъ образомъ работы будутъ скорѣе кончены, а онъ очень желалъ этого и для себя. Такимъ образомъ прожили мы шесть недѣль. Наконецъ я вступила во владѣніе своими комнатами; онѣ были великолѣпны, гораздо великолѣпнѣе чѣмъ сколько бы я желала. Величина комнатъ, устройство болѣе роскошное было причиною, что всю почти мебель пришлось перемѣнить. Все было прелестно, въ самомъ лучшемъ вкусѣ; но, любя Осипа Ивановича, какъ я его любила, я не могла не огорчаться тѣмъ, что онъ такъ легкомысленно тратилъ деньги, такъ мало думалъ о будущемъ. Мой мужъ взялъ на себя тяжелое бремя вмѣстѣ съ финансовою частью «Биб. для Чт.» и выказалъ больше усердія, чѣмъ благоразумія и осторожности. Дурныя послѣдствія этой мѣры скоро обнаружились. Умъ моего мужа, вращавшійся съ такою свободою и легкостію въ умственныхъ сокровищахъ, накопляемыхъ съ самаго дѣтства, былъ еще менѣе способенъ чѣмъ умъ Смирдина къ управленію золотомъ и серебромъ и въ-особенности къ сбереженію его. «Если я съ трудомъ зарабо-

тываю деньги, говорилъ онъ, то по-крайн
рѣ хочу легко истрачивать ихъ». Это разд
его силъ и времени—я не скажу его способн
между умственной частью и матеріальной, н
не годилось. Оно отвлекало его отъ специа
занятія для предметовъ совсѣмъ не со
ствовавшихъ его нраву. Хотя помощники
какъ Очкинъ, Дерикеръ, Солоницынъ, Ведо
и многіе другіе должны были способствова
успѣху журнала, однако чувствовалось уж
редакція не та, что̀ прежде: геній Осипа И
вича не парилъ болѣе надъ всѣми его част

Музыка и артисты получили свободный
къ намъ, лишь только квартира была око
Въ эту зиму у насъ опять было нѣсколь
лестныхъ вечеровъ. Въ числѣ пріѣзжихъ
года, въ первомъ разрядѣ былъ кларне
Блазъ и милый Сивори, сripачъ крошечна
ста, но огромнаго таланта. Концертовъ был
жество, но ихъ какъ-то посѣщали меньше
кновеннаго и артисты болѣе чѣмъ когда-н
искали гостепріимства и покровительства
мужа. Оно было имъ очень нужно, потом
ужасный великанъ приближался и грозилъ
вить ихъ всѣхъ. Этотъ грозный врагъ, сна
ный всѣми военными хитростями, вооруже
съ ногъ до головы всѣмъ, что̀ зависти
средственность называетъ шарлатанствомъ,
са народа, болѣе справедливая, потому-ч
похвала всегда единогласнѣе, признаетъ за
Этотъ страшный великанъ-истребитель на
ся Францъ Листъ. Ужасъ былъ великъ въ

кальномъ мірѣ. Ожиданіе нетерпѣливо въ безпристрастномъ свѣтѣ. Но великому артисту пѣли Богъ знаетъ что̀ и приписывали ему слова, которыхъ онъ можетъ-быть и не говорилъ. Его имя было у всѣхъ на языкѣ. Прежде своего пріѣзда Листъ уже заставилъ забыть всѣхъ другихъ артистовъ. Какой страшный шарлатанизмъ имѣть такой ужасный успѣхъ, еще прежде своего появленія, такой успѣхъ, котораго не могъ получить никто изъ тѣхъ, кого видѣли и слышали.

Чтобъ отомстить за извѣстность, уничтожающую въ прахъ такъ много другихъ, про Листа стали распускать слухи самые нелѣпые, клеветы самыя черныя на его личность, не осмѣливаясь коснуться однакожъ его генія. По этой самой причинѣ Осипъ Ивановичъ тотчасъ же почувствовалъ искреннюю симпатію къ человѣку, который былъ гораздо выше всѣхъ, пытавшихся терзать его ядовитыми зубами, и который, точно такъ же какъ и мужъ мой, въ числѣ первѣйшихъ клеветниковъ своихъ видѣлъ людей, обязанныхъ ему благодѣяніями.

Пріѣхалъ Листъ и успѣхъ его былъ поразителенъ, баснословенъ. Зала Дворянскаго Собранія, гдѣ назначенъ былъ къ двумъ часамъ его первый концертъ, была уже полна въ десять часовъ утра. Я не берусь описывать его чары. Его огромная слава говоритъ больше и краснорѣчивѣе чѣмъ могла бы сказать я, не смотря на все мое удивленіе къ величайшему вертуозу нашего времени. Я разскажу только одинъ случай, чтобы

могли улучшить ихъ. Онъ со вниманіемъ осмотрѣлъ механизмъ этихъ роялей и много думалъ о томъ, чѣмъ они были и чѣмъ могли бы, должны были бы быть.

У Лихтенталя, во время пребыванія Листа въ Петербургѣ, явилась мысль о роялѣ съ продолжительными звуками. Эта мысль очень понравилась великому артисту и онъ обѣщалъ вернуться въ Петербургъ, чтобы играть на этомъ роялѣ. Лихтенталь былъ очень занятъ этимъ инструментомъ новаго рода и на этотъ-то опытъ болѣе всего было обращено вниманіе Осипа Ивановича. Но не смотря на все желаніе сдѣлать удовольствіе знаменитому другу, не смотря на все доброжелательство къ фортепьянному мастеру, которому обѣщалъ покровительствовать, мой мужъ не могъ не замѣтить всей слабости знанія и отсутствія первѣйшихъ правилъ искусства, съ которыми былъ составленъ планъ задуманнаго инструмента.

Едва разглядѣлъ онъ всѣ недостатки, едва увидѣлъ онъ что̀ дѣлали, и сообразивъ, что̀ могли бы сдѣлать, какъ планъ совершенно новый и цѣлый уже родился въ его головѣ. Это не было дѣломъ простаго ремесленника, человѣка незнакомаго съ науками или знающаго исключительно одну часть, но непонимающаго ничего въ другихъ. Этотъ планъ искусно составленный, опирался на твердые столбы. Познанія моего мужа не были познанія безплодныя, почерпнутыя только въ толстыхъ книгахъ. Это была живая, оду-

евленная наука, одинаково свѣдущая на теоріи на практикѣ.

Съ-тѣхъ-поръ какъ музыка поселилась въ наемъ домѣ, она составляла любимый предметъ ізговоровъ моего мужа со мною. Музыкальный ръ прекрасенъ. Со своими звуками, со всѣмъ, то болѣе или менѣе принадлежитъ къ нему, онъ ватываетъ вселенную. Мы пробѣгали его по ѣмъ направленіямъ съ Осипомъ Ивановичемъ. отя онъ самъ не былъ, что̀ называется, музыантомъ, потому-что не имѣлъ времени, не смоя на все свое желаніе, выучиться играть ни на номъ иструментѣ, исключая скрипки, на корой еще съ дѣтства игралъ немного, но доленъ былъ бросить для другихъ занятій; однако училась съ нимъ многому, чему не выучили бы ня и самые умные музыканты, которые всеки кромѣ своего искусства не знаютъ рѣшительно ничего. Съ другой стороны ученые. горые своимъ знаніемъ, смотрятъ съ презрѣніемъ а музыку, называютъ ее легкимъ занятіемъ, годнымъ для невѣждъ, предметомъ удовольствія, а е глубокихъ, ученыхъ изысканій.

Осипъ Ивановичъ, который никому въ мірѣ не ступалъ въ глубокихъ познаніяхъ, былъ совсѣмъ е того мнѣнія: онъ говорилъ, напротивъ, что музыка, этотъ міръ звуковъ, какъ наука неразрывно связана съ другими науками и что у того, для ораго она остается неизвѣстною, непремѣнно лженъ находиться ничѣмъ ненаполнимый пропускъ. Вообще, его разговоръ о музыкѣ не подилъ ни на чей другой. Онъ не замедлилъ ска-

зать мнѣ о своей новой идеѣ и объявилъ, чт
въ скоромъ времени я буду обладать инструме
томъ, которому не найдется подобнаго въ ц
ломъ мірѣ. Сначала я не имѣла никакого пон
тія о томъ, до какихъ огромныхъ размѣровъ до
жно дойти это предпріятіе, и какое вліяніе б
детъ оно имѣть на нашу судьбу. Я видѣла в
этомъ только забаву для Осипа Ивановича и з
ранѣе благодарила его за удовольствіе, котор
обѣщалъ онъ мнѣ. Это удовольствіе въ-особенн
сти заключалось въ томъ, что я одна буду умѣ
хорошо владѣть инструментомъ, исключитель
предназначеннымъ мнѣ.

За работу принялись немедленно. Первые мат
ріалы, купленные въ большомъ количествѣ, бы
очень страннаго свойства. Это было огромн
количество узенькихъ шелковыхъ ленточекъ, к
торыя продаются кусками. Онѣ были всѣхъ во
можныхъ цвѣтовъ. Потомъ множество прекра
наго бѣлаго шелку различной толщины, кручен
го. Одна изъ добрыхъ родственницъ, гостившая
насъ на дачѣ, вызвалась быть помощницей в
первыхъ опытахъ. Предложеніе было принято с
благодарностью.

Мой мужъ думалъ, что въ колассальномъ и
струментѣ, который онъ замышлялъ, звуки скри
ки будутъ необходимы, и потому онъ начинал
со смычковъ, тѣмъ болѣе, что за нихъ можн
было принятьcя тотчасъ же. Ленты должны бы
замѣнять дерево смычковъ, а шелкъ — волосъ, к
торый издаетъ иногда слишкомъ-визгливые зв
ки. Но съ самаго начала уже Осипъ Иванович

объявилъ, что онъ не удовольствуется первымъ опытомъ, что онъ испробуетъ всѣ способы, извѣстные и неизвѣстные, и рѣшится только тогда, когда все испробуетъ. Онъ заказалъ нѣсколько нужныхъ вещей у Лихтенталя и въ другихъ магазинахъ, но вскорѣ увидѣлъ, что такимъ образомъ дѣло не пойдетъ на ладъ. Вездѣ держались старинной методы, невѣрно исполняли приказаніе и не входили въ смыслъ его нововведеній. Онъ просилъ Лихтенталя рекомендовать ему способнаго мастероваго, который бы жилъ у него на жалованьѣ и работалъ только для него.

Въ это время одинъ изъ лучшихъ работниковъ Лихтенталя женился и хотѣлъ ужъ жить своимъ домомъ. Его звали Гечъ. Теперь это имя сдѣлалось извѣстнымъ и первый мастеровой моего мужа — благодаря школѣ, которую прошелъ подъ руководствомъ великаго учителя, сдѣлался отличнымъ фортепьяннымъ мастеромъ, пользуется всеобщимъ довѣріемъ и разсылаетъ свои инструменты по всей Россіи. Но Гечъ не только искусенъ: онъ признателенъ и до-сихъ-поръ благословляетъ память того, которому, по собственному его сознанію, онъ всѣмъ обязанъ.

Это новое распоряженіе давало полную волю творческому воображенію моего мужа. Тутъ онъ былъ полнымъ владѣтелемъ; ему не нужно было бороться съ предразсудками, не нужно было перемѣнять методу. Здѣсь все создавалось по его желанію, а иногда дѣлалось его руками. Гечъ былъ весь въ распоряженіи новаго хозяина и не боялся тратить время на безполезныя пробы. Онъ ужь

зналъ, что надо искать, чтобы найти, и что только учась безпрерывно можно выучиться чему-нибудь и сдѣлаться дѣйствительно знающимъ.

Каждое утро Гечъ приходилъ къ Осипу Ивановичу, чтобы работать подъ его управленіемъ. Я была тогда въ Павловскѣ. Однажды утромъ бѣдный Гечъ явился совершенно разстроенный. Наканунѣ, пока онъ работалъ съ моимъ мужемъ за новыми открытіями, а жена ходила на рынокъ за провизіей, воръ залѣзъ къ нему въ квартиру и совершенно обокралъ бѣднаго Геча; даже серебряные часы, которые онъ забылъ надѣть, спѣша на работу, были также унесены.

Осипъ Ивановичъ поспѣшилъ утѣшить своего музыкальнаго помощника и, найдя самый вѣрный способъ къ тому, спросилъ, во сколько цѣнитъ онъ свою потерю. Оказалось, что она могла простираться рублей на полтораста ассигнаціями. Мужъ мой далъ ему эту маленькую сумму и Гечъ, совершенно счастливый, сталъ еще прилежнѣе и ловчѣе.

Но работа все-таки не подвигалась такъ, какъ хотѣлось О. И. Гечъ терялъ много времени въ ходьбѣ; иногда онъ забывалъ принесть какую-нибудь необходимую бездѣлицу; лавки, гдѣ продавалось то, что̀ было нужно для инструмента, находились далеко отъ Васильевскаго Острова, часто какая-нибудь вещь была нужна въ ту же минуту, а надо было откладывать на завтра. Все это заставило Осипа Ивановича рѣшиться оставлять Геча работать на дому, снабдивъ его всѣми инструментами и матеріалами, какіе могли понадо-

биться ему. Это распоряженіе было тѣмъ удобнѣе для моего мужа, что Гечъ жилъ на полдорогѣ отъ нашей городской квартиры и отъ павловской желѣзной дороги. Это будетъ двойное удобство: во-первыхъ причина лишній разъ выйдти изъ дому, а во-вторыхъ случай пріѣхать въ Павловскъ, куда, увы! на десять прелестныхъ записокъ я едва имѣла одно посѣщеніе Осипа Ивановича. Но могла ли я сердиться на него за это? Онъ писалъ, онъ занимался своимъ новымъ изобрѣтеніемъ и онъ мнѣ назначалъ его.

Не смотря на доброе намѣреніе моего мужа, за которое я была ему очень благодарна, поѣздки его въ Павловскъ не сдѣлались чаще, хотя онѣ были ежедневны къ Гечу. Я знала, что желаніе было искренно, но что онъ не могъ исполнить его. Я давно уже видѣла очень ясно, что когда какая-нибудь мысль овладѣвала моимъ мужемъ, онъ съ такою силою привязывался къ ней; она пускала такіе глубокіе корни; вѣтви, цвѣты и плоды выростали такъ быстро, въ такомъ изобиліи, что пытаться вырвать ее было бы безуміемъ, а на мои глаза даже преступленіемъ, потому-что это значило бы посягнуть на его жизнь, которая совершенно сливалась съ тѣмъ, что̀ онъ предпринималъ.

По мѣрѣ того, какъ Осипъ Ивановичъ посвящалъ болѣе времени на свое новое открытіе, онъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ нему. Послѣ многихъ опытовъ, изъ которыхъ ни одинъ не удовлетворилъ его, мой мужъ рѣшился изгнать инструменты со струнами — скрипку, вьо-

видно, но чтобы ухо безъ труда могло различать ихъ. Каждый разрядъ однородныхъ инструментовъ былъ поставленъ въ линію и имѣлъ свою особую педаль. Достаточно было подавить ногою эту педаль, чтобы получить звуки того инструмента, который требовался. На одной и той же клавіатурѣ можно было играть соло кларнетомъ, флейтой или даже трубой, если было угодно. Были педали соединявшія два инструмента, и тогда вамъ казалось, что вы слышите дуэтъ. Была также главная педаль, соединявшая всѣ инструменты, и самая слабая рука, только съ помощью ноги могла производить такой *tutti*, которому позавидовалъ бы не одинъ оркестръ.

Занимаясь своимъ инструментомъ, мой мужъ долженъ былъ пріобрѣсть много матеріаловъ, долженъ былъ съ большимъ вниманіемъ, основательно изслѣдовать многія вещи. Но ему недостаточно было желѣза и дерева, кожи и слоновой кости, шелку и бронзы и тысячи вещей въ этомъ родѣ. Онъ справлялся въ книгахъ, онъ углублялся во всѣ изслѣдованія, относящіяся къ акустикѣ. Отъ тѣхъ, которые имѣли къ ней близкое соотношеніе, былъ только одинъ шагъ до тѣхъ, которыя имѣли съ нею одно дальнее сродство. Эти науки также могли быть полезны, не надо было пренебрегать ничѣмъ, что̀ могло усовершенствовать инструментъ. Такимъ образомъ занимаясь постройкою своего громаднаго клави-оркестра, мой мужъ все-таки находился въ своей области и увеличивалъ еще свои умственныя сокровища. Посреди этихъ-то ученыхъ розысканій Осипъ Ива-

зналъ, что надо искать, чтобы найти, и что только учась безпрерывно можно выучиться чему-нибудь и сдѣлаться дѣйствительно знающимъ.

Каждое утро Гечъ приходилъ къ Осипу Ивановичу, чтобы работать подъ его управленіемъ. Я была тогда въ Павловскѣ. Однажды утромъ бѣдный Гечъ явился совершенно разстроенный. Наканунѣ, пока онъ работалъ съ моимъ мужемъ за новыми открытіями, а жена ходила на рынокъ за провизіей, воръ залѣзъ къ нему въ квартиру и совершенно обокралъ бѣднаго Геча; даже серебряные часы, которые онъ забылъ надѣть, спѣша на работу, были также унесены.

Осипъ Ивановичъ поспѣшилъ утѣшить своего музыкальнаго помощника и, найдя самый вѣрный способъ къ тому, спросилъ, во сколько цѣнитъ онъ свою потерю. Оказалось, что она могла простираться рублей на полтораста ассигнаціями. Мужъ мой далъ ему эту маленькую сумму и Гечъ, совершенно счастливый, сталъ еще прилежнѣе и ловчѣе.

Но работа все-таки не подвигалась такъ, какъ хотѣлось О. И. Гечъ терялъ много времени въ ходьбѣ; иногда онъ забывалъ принесть какую-нибудь необходимую бездѣлицу; лавки, гдѣ продавалось то, что̀ было нужно для инструмента, находились далеко отъ Васильевскаго Острова, часто какая-нибудь вещь была нужна въ ту же минуту, а надо было откладывать на завтра. Все это заставило Осипа Ивановича рѣшиться оставлять Геча работать на дому, снабдивъ его всѣми инструментами и матеріалами, какіе могли понадо-

биться ему. Это распоряженіе было тѣмъ удобнѣе для моего мужа, что Гечъ жилъ на полдорогѣ отъ нашей городской квартиры и отъ павловской желѣзной дороги. Это будетъ двойное удобство: во-первыхъ причина лишній разъ выйдти изъ дому, а во-вторыхъ случай пріѣхать въ Павловскъ, куда, увы! на десять прелестныхъ записокъ я едва имѣла одно посѣщеніе Осипа Ивановича. Но могла ли я сердиться на него за это? Онъ писалъ, онъ занимался своимъ новымъ изобрѣтеніемъ и онъ мнѣ назначалъ его.

Не смотря на доброе намѣреніе моего мужа, за которое я была ему очень благодарна, поѣздки его въ Павловскъ не сдѣлались чаще, хотя онѣ были ежедневны къ Гечу. Я знала, что желаніе было искренно, но что онъ не могъ исполнить его. Я давно уже видѣла очень ясно, что когда какая-нибудь мысль овладѣвала моимъ мужемъ, онъ съ такою силою привязывался къ ней; она пускала такіе глубокіе корни; вѣтви, цвѣты и плоды выростали такъ быстро, въ такомъ изобиліи, что пытаться вырвать ее было бы безуміемъ, а на мои глаза даже преступленіемъ, потому-что это значило бы посягнуть на его жизнь, которая совершенно сливалась съ тѣмъ, что̀ онъ предпринималъ.

По мѣрѣ того, какъ Осипъ Ивановичъ посвящалъ болѣе времени на свое новое открытіе, онъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ нему. Послѣ многихъ опытовъ, изъ которыхъ ни одинъ не удовлетворилъ его, мой мужъ рѣшился изгнать инструменты со струнами — скрипку, вьо-

лончель, контрбасъ. Онъ находилъ, что совершеннѣйшій въ мірѣ инструментъ есть человѣческій голосъ. Тѣ инструменты, которые болѣе подходили къ нему, были ближе другихъ къ совершенству, а по мѣрѣ того, какъ они удалялись отъ этого сходства, они удалялись и отъ совершенства. А что̀ можетъ менѣе походить на человѣческій голосъ, какъ пискливые звуки струнныхъ инструментовъ? Что̀ можетъ больше раздирать слухъ чѣмъ они, если не умѣютъ хорошо владѣть ими. Что̀ же касается до бѣдныхъ фортепьянъ, такъ любимыхъ женщинами, вошедшихъ въ такое всемірное употребленіе, находящихся вездѣ, отъ подвала до чердака, фортепьянъ съ ихъ непѣвучими, короткими звуками, они были постояннымъ предметомъ критики моего мужа. Онъ признавалъ ихъ удобство, ихъ пользу, потому-что одни они представляютъ собою цѣлый оркестръ, на которомъ можно все играть. Но, онъ осуждалъ ихъ стучащіе, короткіе звуки, замирающіе въ самомъ началѣ.

На мѣсто скрипокъ онъ хотѣлъ однакожъ поставить что-нибудь другое. Мѣсто всѣмъ инструментамъ, подражающимъ человѣческому голосу и поющимъ какъ онъ, было означено съ самаго начала въ общемъ планѣ. Кларнетъ, флейты, гобои, фаготы, охотничьи рога и много другихъ духовыхъ инструментовъ, менѣе извѣстныхъ чѣмъ эти, даже шумныя трубы — давно имѣли каждый свое указное мѣсто. Они всѣ должны были быть поставлены рядами, въ совершенномъ порядкѣ, внутри инструмента, такъ, чтобъ ихъ не было

видно, но чтобы ухо безъ труда могло различать ихъ. Каждый разрядъ однородныхъ инструментовъ былъ поставленъ въ линію и имѣлъ свою особую педаль. Достаточно было подавить ногою эту педаль, чтобы получить звуки того инструмента, который требовался. На одной и той же клавіатурѣ можно было играть соло кларнетомъ, флейтой или даже трубой, если было угодно. Были педали соединявшія два инструмента, и тогда вамъ казалось, что вы слышите дуэтъ. Была также главная педаль, соединявшая всѣ инструменты, и самая слабая рука, только съ помощью ноги могла производить такой *tutti*, которому позавидовалъ бы не одинъ оркестръ.

Занимаясь своимъ инструментомъ, мой мужъ долженъ былъ пріобрѣсть много матеріаловъ, долженъ былъ съ большимъ вниманіемъ, основательно изслѣдовать многія вещи. Но ему недостаточно было желѣза и дерева, кожи и слоновой кости, шелку и бронзы и тысячи вещей въ этомъ родѣ. Онъ справлялся въ книгахъ, онъ углублялся во всѣ изслѣдованія, относящіяся къ акустикѣ. Отъ тѣхъ, которые имѣли къ ней близкое соотношеніе, былъ только одинъ шагъ до тѣхъ, которыя имѣли съ нею одно дальнее сродство. Эти науки также могли быть полезны, не надо было пренебрегать ничѣмъ, что̀ могло усовершенствовать инструментъ. Такимъ образомъ занимаясь постройкою своего громаднаго клави-оркестра, мой мужъ все-таки находился въ своей области и увеличивалъ еще свои умственныя сокровища. Посреди этихъ-то ученыхъ розысканій Осипъ Ива-

лончель, контрбасъ. Онъ находилъ, что совершеннѣйшій въ мірѣ инструментъ есть человѣческій голосъ. Тѣ инструменты, которые болѣе подходили къ нему, были ближе другихъ къ совершенству, а по мѣрѣ того, какъ они удалялись отъ этого сходства, они удалялись и отъ совершенства. А что̀ можетъ менѣе походить на человѣческій голосъ, какъ пискливые звуки струнныхъ инструментовъ? Что̀ можетъ больше раздирать слухъ чѣмъ они, если не умѣютъ хорошо владѣть ими. Что̀ же касается до бѣдныхъ фортепьянъ, такъ любимыхъ женщинами, вошедшихъ въ такое всемірное употребленіе, находящихся вездѣ, отъ подвала до чердака, фортепьянъ съ ихъ непѣвучими, короткими звуками, они были постояннымъ предметомъ критики моего мужа. Онъ признавалъ ихъ удобство, ихъ пользу, потому-что одни они представляютъ собою цѣлый оркестръ, на которомъ можно все играть. Но, онъ осуждалъ ихъ стучащіе, короткіе звуки, замирающіе въ самомъ началѣ.

На мѣсто скрипокъ онъ хотѣлъ однакожъ поставить что-нибудь другое. Мѣсто всѣмъ инструментамъ, подражающимъ человѣческому голосу и поющимъ какъ онъ, было означено съ самаго начала въ общемъ планѣ. Кларнетъ, флейты, гобои, фаготы, охотничьи рога и много другихъ духовыхъ инструментовъ, менѣе извѣстныхъ чѣмъ эти, даже шумныя трубы — давно имѣли каждый свое указное мѣсто. Они всѣ должны были быть поставлены рядами, въ совершенномъ порядкѣ, внутри инструмента, такъ, чтобъ ихъ не было

видно, но чтобы ухо безъ труда могло различать ихъ. Каждый разрядъ однородныхъ инструментовъ былъ поставленъ въ линію и имѣлъ свою особую педаль. Достаточно было подавить ногою эту педаль, чтобы получить звуки того инструмента, который требовался. На одной и той же клавіатурѣ можно было играть соло кларнетомъ, флейтой или даже трубой, если было угодно. Были педали соединявшія два инструмента, и тогда вамъ казалось, что вы слышите дуэтъ. Была также главная педаль, соединявшая всѣ инструменты, и самая слабая рука, только съ помощью ноги могла производить такой *tutti*, которому позавидовалъ бы не одинъ оркестръ.

Занимаясь своимъ инструментомъ, мой мужъ долженъ былъ пріобрѣсть много матеріаловъ, долженъ былъ съ большимъ вниманіемъ, основательно изслѣдовать многія вещи. Но ему недостаточно было желѣза и дерева, кожи и слоновой кости, шелку и бронзы и тысячи вещей въ этомъ родѣ. Онъ справлялся въ книгахъ, онъ углублялся во всѣ изслѣдованія, относящіяся къ акустикѣ. Отъ тѣхъ, которые имѣли къ ней близкое соотношеніе, былъ только одинъ шагъ до тѣхъ, которыя имѣли съ нею одно дальнее сродство. Эти науки также могли быть полезны, не надо было пренебрегать ничѣмъ, что̀ могло усовершенствовать инструментъ. Такимъ образомъ занимаясь постройкою своего громаднаго клави-оркестра, мой мужъ все-таки находился въ своей области и увеличивалъ еще свои умственныя сокровища. Посреди этихъ-то ученыхъ розысканій Осипъ Ива-

новичъ попалъ на одну превосходную идею и сдѣлалъ прелестнѣйшее открытіе, которому по несчастью не суждено было долго существовать. Это было изобрѣтеніе того инструмента, который могъ превосходно замѣнить скрипки. Это были звуки до-сихъ-поръ неизвѣстныя, сладкія, очаровательныя, превосходящіе все, что̀ мы до-сихъ-поръ слышали. Эти звуки издавались посредствомъ цилиндра, къ которому были приспособлены особеннаго рода и чрезвычайно тонкой работы палочки. Цилиндръ былъ также деревянный и гладкій какъ атласъ. Когда цилиндръ вертѣлся, деревянныя палочки издавали звуки невыразимой прелести. Мой мужъ былъ самъ восхищенъ своимъ открытіемъ. Всѣ, кто слушалъ эти совершенно новые звуки, сознавались, что никогда не слыхали ничего подобнаго. Всѣ спрашивали имя этого чудеснаго инструмента, который за неимѣніемъ лучшаго имени мы до времени называли *палочками.*

Но это было только начало: исполненіе *палочекъ* представляло еще много трудностей, прежде чѣмъ могло быть доведено до конца.

— Особенную трудность, говорилъ Осипъ Ивановичъ, представляетъ настроеніе дерева, и едва настроенное оно можетъ разстроиться отъ малѣйшей перемѣны температуры. Поэтому нужно было бы всегда имѣть около себя искуснаго настройщика, посвященнаго во всѣ таинства новаго инструмента, или же самому умѣть настроивать его, что̀ было также невозможно. Тутъ были еще другія неудобства, которыя требовали много времени,

хлопотъ и замедлили бы только общій ходъ дѣла въ постройкѣ инструмента, который безъ этого могъ быть скоро конченъ и служить намъ увеселеніемъ. Палочки существовали недолго и Осипъ Ивановичъ имѣлъ варварство уничтожить изобрѣтеніе, которое одно, само по себѣ, было достаточно, чтобы составить знаменитость человѣка. Но это была одна изъ слабостей моего мужа. Излишняя скромность, можетъ-быть также родъ безпечности, мѣшали ему отдавать справедливость своимъ произведеніямъ, вполнѣ цѣнить ихъ и ставить ихъ по-крайней-мѣрѣ на приличное мѣсто.

Инструментъ былъ забавой, подаркомъ, который Осипъ Ивановичъ назначалъ мнѣ; болѣе онъ ничего не хотѣлъ видѣть въ этомъ Размѣры работъ, однакожъ, увеличивались все болѣе и болѣе, и Гечъ не долго работаль одинъ для Осипа Ивановича. Вскорѣ ему дали помощника, а то, что̀ не принадлежало къ работамъ фортеньяннаго мастера, заказывалось въ другомъ мѣстѣ. Органисту было поручено сдѣлать трубы органовъ. Дюжины духовыхъ инструментовъ, всѣхъ возможныхъ родовъ, были заказаны. Купить ихъ готовыми не было возможности, потому-что надо было отчасти измѣнить ихъ форму, чтобъ хорошо помѣстить ихъ внутри инструмента, гдѣ они должны были занимать какъ можно менѣе мѣста. Но всего этого было недостаточно. Самые искусные работники, занимаясь не подъ глазами того, кто все видѣлъ и предвидѣлъ еще все, что̀ оставалось сдѣлать, не могли издали исполнять прика-

заній, которыя требовали безпрерывнаго надзора. Поэтому мой мужъ рѣшился снова, оставивъ Гечу, органисту и инструментальнымъ мастерамъ каждому ихъ часть, взять еще на домъ одного или двухъ мастеровыхъ, для деталей, которыя часто приходилось дѣлать своими руками, потому что объяснить было невозможно. Потомъ, чтобы подвинуть работу, которая тянулась слишкомъ медленно, число работниковъ у насъ въ домѣ увеличилось до четырехъ; работа не пошла, однакожъ, скорѣе отъ этого. Осипъ Ивановичъ безпрерывно увлекался новыми интересными открытіями, результатами до такой степени любопытными, что невозможно было легкомысленно оставить ихъ въ сторонѣ. Работники были очень рады этимъ проволочкамъ, потому-что пребываніе ихъ въ нашемъ домѣ и раздольная жизнь продолжались черезъ это. Имъ не было никакой охоты увидѣть слишкомъ скоро окончаніе счастливыхъ дней.

Если они не работали скорѣе, то взамѣнъ дѣлали въ домѣ ужаснѣйшій шумъ. Звуки пилы, струга и молотка соединялись съ звуками трубы, которую пробовали, и органа, который настраивали. Разладица была совершенная и могла ободрать самыя крѣпкія уши.

Лѣтомъ я не слышала этого, потому-что какъ бы ни былъ силенъ этотъ шумъ, онъ все-таки не могъ долетѣть отъ береговъ Невы до Павловска, гдѣ жила я. Зимой, благодаря огромной квартирѣ нашей, мой мужъ находилъ способъ, запирая герметически всѣ двери, смягчать хотя нѣсколько

ромкіе, разладные звуки, которые раздавались съ тра до ночи. Надо переносить ихъ, говорилъ Осипъ Ивановичъ со взегдашнею своею добротою и нѣжностью, надо имѣть немного терпѣнія, потому-что эти непріятные звуки будутъ вскорѣ змѣнены другими, очаровательными, и доставятъ намъ невыразимое удовольствіе.

И дѣйствительно, надо было имѣть терпѣніе, хотя оно испытывалось уже нѣсколько лѣтъ сряду. Я терпѣла тѣмъ охотнѣе, что Осипъ Ивановичъ увѣрялъ, будто постройка инструмента очень хорошо дѣйствуетъ на его здоровье, что это самая лучшая гимнастика.

Однако я должна признаться, что громъ былъ иногда такъ силенъ, что я не могла выносить этой адской возни и уходила на цѣлый день или къ маменькѣ или къ кому-нибудь изъ родныхъ.

Какъ же могъ жить Осипъ Ивановичъ въ этой шумной атмосферѣ? Какъ могла его голова, наполненная столькими умственными предметами, переносить этотъ безпрерывный громъ, который, естественно долженъ былъ разстроивать весь ходъ его мыслей. Онъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Углубленный въ свои мысли, занятый въ самомъ себѣ, онъ ничего не слышалъ; никакой шумъ не могъ проникнуть въ глубину его мыслей, которыя вращались тихія, спокойныя, ничѣмъ невозмутимыя. Здѣсь въ особенности, гдѣ производимый шумъ былъ слѣдствіемъ его воли, онъ не могъ имѣть на него непріятнаго вліянія. Осипъ Ивановичъ слышалъ мѣсто дисгармонію настоящаго, чѣмъ гармонію бу-

дущаго. Казалось, онъ уже наслаждался
му-что она вся, готовая, находилась въ е
Впрочемъ, когда онъ однажды садился п
не зналъ и не понималъ уже ничего изъ
дѣлалось вокругъ него. Онъ все-еще про
прилежно заниматься «Б. д. Ч.», кот
перь составляла почти единственный н
ходъ. Но большія перемѣны произошли
Онъ ужъ не могъ отдавать ей всей жи
ей. Силы его уменьшились, глаза не м
лѣе переносить десяти ночей безсонниц
здоровье его видимо ослабѣвало подъ гр
ществованія, которое онъ себѣ избрал
Ивановичъ понялъ необходимость уменьш
литературные труды. Онъ понялъ какъ
на была работа, которую задавалъ онъ
прежнее время — дѣлать изъ дурной пов
рядочную, даже хорошую; давать работы
переводчикамъ, и потомъ передѣлывать
четверти ихъ работу. И наградою за всѣ
только неблагодарность нѣкоторыхъ л
образившихъ, что въ ихъ работѣ поправ
ло нечего и что, дѣлая это, Сенковскій то
тилъ ихъ произведенія.

Теперь мой мужъ занимался только
тельно «Критикой» и «Литературной Лѣт
Выборъ статей былъ почти всегда его, а
иностранныхъ романовъ, онъ какъ и пр
лагался на мой выборъ и вкусъ. Тепе
выборъ былъ гораздо труднѣе, чѣмъ вт
Журнальная конкуренція уже существо
достаточно было выбрать хорошо, надо

предупредить другіе журналы, и хорошо знать то, что̀ дѣлалось, чтобы не напечатать того, что̀ въ то же время печаталось въ другомъ журналѣ. Во всемъ остальномъ Осипъ Ивановичъ полагался на редактора, человѣка признаннаго достоинства, въ усердіи и дѣятельности котораго онъ могъ быть совершенно увѣренъ.

Но хотя мужъ мой не хотѣлъ громко сознаться въ этомъ, могъ ли онъ не чувствовать, что никто не могъ замѣнить его, что въ другихъ рукахъ журналъ не могъ процвѣтать, какъ процвѣталъ у него. Матеріяльное распоряженіе «Библ. для Чт.» было также оставлено моимъ мужемъ. Эта часть была слишкомъ несовмѣстна съ литературною. Ольхинъ съ радостью взялся за это дѣло. Но, по несчастію ли или по незнанію, онъ повелъ дѣла «Б. д. Ч.» такъ дурно, что въ свою очередь долженъ былъ скоро отказаться отъ нея. Печаткинъ-отецъ, взялъ на себя журналъ, созданный Осипомъ Ивановичемъ, и по этому случаю сдѣлалъ книгопродавцемъ своего сына. Всѣ эти перемѣны, потери, банкруты, дрязги, хлопоты, безпрерывные переговоры, споры, которые не вели ни къ чему хорошему, ужасно надоѣдали моему мужу и внушили ему почти отвращеніе къ занятію, которое было причиною всего этого. Исполняя совѣстливо какъ всегда, все, что̀ дѣлалъ, мой мужъ однакожъ уже не чувствовалъ того усердія къ «Биб. для Чт.», которая теперь приносила ему болѣе хлопотъ чѣмъ чего-нибудь другаго. Не то, чтобы Осипъ Ивановичъ много дорожилъ этой знаменитостью, въ которой никогда не хотѣлъ

сознаться и согласиться въ степени, до которой она дѣйствительно доходила; не то, чтобы онъ очень хлопоталъ о деньгахъ, которыя лучше умѣлъ тратить чѣмъ добывать, и бросалъ полными пригоршнями, когда онѣ были у него; но, однажды занявшись чѣмъ-нибудь, онъ хотѣлъ, чтобъ всѣ были довольны — а тутъ очевидно не были довольны. Зло было неисправимо, потому-что Осипъ Ивановичъ былъ уже не въ силахъ дѣлать все то, къ чему пріучилъ публику. Журналъ уже не могъ какъ прежде, отъ первой до послѣдней страницы, носить на себѣ печать его руки и его ума.

Но если съ одной стороны, мужъ мой дѣйствительно имѣлъ много хлопотъ и непріятностей, онъ не менѣе того все же любилъ литературу, которая была виною этого, и любовь его тѣмъ сильнѣе стремилась въ тотъ міръ, гдѣ ничего подобнаго не могло ожидать его. Здѣсь, не смотря на весь шумъ, царствовало глубокое спокойствіе. Успѣхъ былъ вѣрный, потому-что онъ основывался на гармоніи. Отдѣлившись отъ всѣхъ смутъ земныхъ, мой мужъ переносился въ воздушныя пространства, населенныя звуками. Тамъ находилъ онъ спокойствіе, котораго напрасно искалъ на землѣ, и если онъ спускался иногда на нее, то это было длятого только, чтобы вскорѣ опять улетѣть еще выше. Новыя розысканія, чтеніе всего, что̀ было написано и публиковано о любимомъ предметѣ, безпрерывно вело Осипа Ивановича къ новымъ открытіямъ. Его зоркій глазъ, огромныя позна-

нія проникали въ самые сокровенные углы, открывали тайны самыя недосягаемыя.

Нѣсколько статей въ «Биб. для Чт.» были плодомъ этихъ розысканій. Эти статьи были по приговору судей, знающихъ въ этомъ дѣлѣ, слишкомъ учены для общей массы читателей и составлены такъ, что одной изъ нихъ достаточно было бы, чтобы утвердить славу того, кто написалъ ее, еслибъ онъ писалъ на языкѣ доступномъ всей Европѣ.

Никогда дѣятельность моего мужа не выказывалась въ такой силѣ, какъ въ тѣ годы, когда онъ работалъ за своимъ клави-оркестромъ. Онъ началъ его въ 1842 и продолжалъ до 1849. Во время этихъ долгихъ семи лѣтъ, Осипъ Ивановичъ, исключая нѣсколькихъ часовъ, посвященныхъ сну, положительно не позволялъ себѣ ни одной минуты отдохновенія. Утромъ, едва открывалъ онъ глаза, какъ, для того, чтобы не терять ни минуты времени, онъ собиралъ вокругъ своей постели мастеровыхъ, которымъ въ подробности объяснялъ то, что̀ должны были они дѣлать впродолженіе дня. Такимъ образомъ онъ уже могъ приниматься за свою работу безъ страха быть оторваннымъ отъ нея. Просидѣвъ нѣсколько часовъ сряду за своимъ письменнымъ столомъ, онъ отправлялся осматривать залы, превращенныя въ мастерскія. Часто приходилось ему брать инструментъ изъ рукъ работника, чтобы исправить ошибку, которую тотъ дѣлалъ. Тутъ приходило время отправляться въ университетъ. Изъ университета Осипъ Ивановичъ обыкновенно отправлялся въ городъ посмотрѣть, какъ идутъ различные заказы для ин-

струмента. Домой возвращался онъ всегда очень поздно. По убѣдительной просьбѣ его я не ждала его къ обѣду, иначе это стѣснило бы его, а онъ любилъ быть свободнымъ и располагать своимъ временемъ, какъ ему хотѣлось.

Другой на его мѣстѣ воротился бы голодный и тотчасъ сѣлъ бы за столъ. Но онъ... имѣлъ ли онъ время думать объ обыкновенныхъ жизненныхъ потребностяхъ! Надо было посмотрѣть, что сдѣлали въ его отсутствіе мастеровые, поправить маленькія ошибки, пока онѣ не сдѣлались большими. Потомъ надо было читать корректуру, которая ждала его; надо было освободиться отъ всего этого, чтобы спокойно сѣсть за критическую статью.

Была ли какая-нибудь возможность, посреди всего этого убѣдить Осипа Ивановича сѣсть за столъ и порядочно пообѣдать? Я была очень счастлива, когда мнѣ удавалось заставить его проглотить нѣсколько ложекъ супу изъ тарелки, которую я держала передъ нимъ, между-тѣмъ какъ его глаза и хоть одна рука были заняты клавиоркестромъ. За этимъ слѣдовалъ кусокъ жаркаго или котлета, уже нарѣзанные, которые мнѣ также удавалось заставить его кое-какъ проглотить.

Я знала, что надоѣдаю ему. Онъ часто называлъ меня скучною, несносною и увѣрялъ, что если я безпрерывно такъ буду мѣшать ему и не давать свободно заниматься — инструментъ никогда не будетъ готовъ. Но я не могла же оставить его умереть съ голоду, какъ бы ни было глубоко мое уваженіе къ его занятіямъ.

Окончаніе инструмента дѣйствительно чрезвычайно затягивалось. Но не думаю, чтобы тутъ была въ чемъ-нибудь моя вина! Вѣроятно, и мужъ мой не думалъ этого. Онъ чувствовалъ, что новыя открытія которыя онъ дѣлалъ, усовершенствованіе которому подлежала еще каждая часть инструмента, были единственными виновниками этого замедленія. Наконецъ онъ рѣшился, не откладывая болѣе, достигнуть какого-нибудь окончанія оставляя на будущее время поправки нѣкоторыхъ подробностей.

Итакъ инструментъ былъ собранъ, всѣ части соединены и вскорѣ его уже можно было употребить. Но тутъ новое затрудненіе! Кто будетъ играть на этомъ музыкальномъ слонѣ, съ его двойнымъ рядомъ бѣлыхъ и черныхъ зубовъ, съ его двойной клавитурой, находящейся одна подъ другою и представляющей тысячу затрудненій. Этотъ колоссальный инструментъ былъ исключительно предназначенъ для моего употребленія и я первая должна была испытать его. Я видѣла какъ онъ родился, росъ, развивался, достигъ полнаго своего развитія. Я знала всѣ пружины его, всѣ тайны. Я держала въ рукахъ каждую изъ этихъ педалей, которыя теперь находились подъ моими ногами. Мнѣ было легко не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ звуковъ, когда о каждомъ изъ нихъ тысячу разъ толковали въ моемъ присутствіи. Притомъ же этотъ инструментъ-чудовище не требовалъ, чтобы на немъ исполнялись вещи трудныя, которыя сами по себѣ могли бы удивлять и восхищать слушателя. Достоинство заключалось въ са-

момъ инструментѣ, а не въ томъ что̀ игралось на немъ. Нѣсколькихъ звуковъ, извлеченныхъ изъ инструмента съ знаніемъ дѣла, было достаточно, чтобы возбудить удивленіе.

Тутъ я могла служить учителемъ самымъ знаменитымъ виртуозамъ, впервые подходившимъ къ колоссу, съ которымъ желали ознакомиться. Мужъ мой былъ въ восхищеніи и поздравлялъ меня съ успѣхомъ, который я имѣла, играя только нѣсколько аккордовъ или какую-нибудь коротенькую мелодію. Что̀ же касается до меня, то я не такъ легко удовлетворялась; я хорошо видѣла, какъ были неискусны мои пальцы для подобнаго инструмента и въ то же время понимала, какъ трудно будетъ найти человѣка, который достойно могъ бы владѣть имъ и извлечь изъ него всѣ выгоды, которыя онъ представлялъ.

Вѣсть о нашемъ инструментѣ быстро распространилась. Его толпою приходили смотрѣть. Наши друзья просили позволенія привести своихъ друзей; эти друзья испрашивали позволенія для своихъ знакомыхъ; эти знакомые опять для своихъ друзей и пріятелей и т. д. Такимъ образомъ нашъ домъ, такъ долго остававшійся пустыннымъ вслѣдствіе постройки инструмента, теперь былъ постоянно полонъ народа. Это радовало Осипа Ивановича, который любилъ говорить о своемъ инструментѣ и объяснять его сложный механизмъ. Всѣ извѣстные пьянисты, всѣ музыканты, которые знали, что дверь наша всегда отперта для нихъ, пришли поклониться новому свѣтилу и попробовать на немъ свои силы. Всѣ единодушно

отдавали справедливость огромнымъ его достоинствамъ. Каждый, кто былъ въ состояніи понять что-нибудь, понялъ какое огромное преимущество можно было бы извлечь изъ этого инструмента, еслибъ умѣть соединить искусно всѣ эти различные звуки, совершенство и прелесть которыхъ были доведены до высшей степени; еслибъ умѣть искусно употреблять всѣ эти инструменты, которыми свободно могла располагать одна воля. Но, дѣло было слишкомъ сложное, оно требовало слишкомъ много времени, изученія и знанія, чтобы сдѣлать его легко. Не компрометируя себя нисколько можно было сдѣлать на совершенно новомъ инструментѣ опытъ, даже неудачный, который не выказалъ бы всѣхъ его достоинствъ. Но такъ же неудачно повторять эти опыты было бы, можетъ статься доказательствомъ неспособности, даже невѣжества! Кто знаетъ, что̀ могли бы подумать! Зачѣмъ же пробовать свои силы на незнакомомъ пути, когда есть своя дорога широкая и проложенная, и на ней имя великаго учителя. Зачѣмъ трудиться еще надъ изученіемъ, когда другіе учатся, считаютъ за счастье учиться у насъ! Такъ думали великіе артисты, оставляя послѣ нѣсколькихъ опытовъ свободное поле второстепеннымъ артистамъ. Эти приближались къ незнакомому колоссу еще съ бо̀льшей недовѣрчивостью, и, соображая свои силы съ его размѣрами, боялись даже касаться и дѣлали это только съ робостью. Всѣ единодушно утверждали, что изученіе этого инструмента должно было бы быть глубокое, серьёзное; что̀ ему надо было бы посвятить почти цѣлую жизнь, но что за

то можно было бы тогда дѣйствительно удивить свѣтъ. Однако никто не рѣшался на это испытаніе и на нашемъ инструментѣ играли только одни неискусные пальцы, потому-что никто не хотѣлъ достаточно упражняться на немъ и употребить на это необходимое время.

Мой мужъ не былъ нисколько огорченъ этой неудачей, которую я, между прочимъ, предвидѣла. Онъ говорилъ, что сдѣлалъ этотъ инструментъ шутя и подарилъ мнѣ вещь единственную въ своемъ родѣ; что̀ если никто не умѣлъ употребить его какъ должно, то все-таки онъ очень могъ служить забавой и удовольствіемъ.

Но окончаніемъ инструмента, въ которомъ многія подробности предполагалось окончить и усовершенствовать по немногу—въ существованіи Осипа Ивановича оказалась огромная пустота. Его мысли не имѣли уже прежней дѣятельности. Имъ недостовало того предмета, который такъ долго занималъ ихъ. Можетъ быть это свободное время заставило его замѣтить наконецъ то, что̀ давно бы ужъ замѣтилъ всякій другой — что для здоровья его необходимъ былъ покой, что безграничная, безмѣрная дѣятельность изнуряла его жизненныя силы и грозила въ скоромъ времени уничтожить ихъ совершенно. Но, какимъ образомъ предписать покой дѣятельности, которая никогда не умѣла остановиться, и безпрерывно переходя съ предмета на предметъ, всюду находила способъ упражняться. Было только одно вѣрное средство противъ зла — но сильное и трудноисполнимое. Надо было вырвать Осипа Ивановича изъ

того мѣста, гдѣ существовало зло, оторвать его отъ тѣхъ предметовъ, которые вызывали его дѣятельность. Его медицинскіе друзья, одинъ, чье имя произносится только съ уваженіемъ и котораго я съ гордостью называю въ числѣ нашихъ друзей, великій Пироговъ, и другой, котораго слава и знаніе соединяется съ именемъ прекраснаго человѣка, Н. Ѳ. Здекауеръ, предписали моему мужу путешествіе, какъ единственное вѣрное средство, оставляя на его выборъ ѣхать въ Китай или въ Парижъ. Сначала Осипъ Ивановичъ упрямился. Онъ увѣрялъ, что это лекарство еще хуже болѣзни. Онъ говорилъ, что ему невозможно оставить дѣла, покинуть жену. Взять меня съ собою было также невозможно. Я никогда не путешествовала, исключая одного раза, когда до замужства ѣздила въ Ревель. Я почти не могла переносить ѣзды въ каретѣ, какимъ же образомъ перенесла бы я всѣ трудности путешествія? Но я ничего не хотѣла слышать изъ его доказательствъ; я знала, до какой степени путешествіе было необходимо для него. Сама же я, не смотря на все горе разлуки, не думала слѣдовать за нимъ. Я хотѣла, чтобы онъ былъ совершенно свободенъ. Я слыхала слишкомъ часто и потому хорошо знала, что женщина составляетъ одно изъ большихъ неудобствъ въ путешествіи. Я же въ особенности связала бы моего мужа, потому-что онъ и въ дорогѣ захотѣлъ бы окружать меня всѣми удобствами, которыми пользовалась я дома. Онъ не долго могъ противиться моимъ усиленнымъ просьбамъ. Рѣшено было, что онъ поѣдетъ на нѣсколько недѣль, а можетъ быть

и на нѣсколько мѣсяцевъ. Но куда поѣдетъ онъ? вотъ въ чемъ заключался главный вопросъ.

Чтобъ принести пользу, надо было, чтобы путешествіе доставило ему удовольствіе, заняло, завлекло его. Гдѣ найти такой край? Въ прежніе годы мой мужъ объѣздилъ весь свѣтъ, но теперь во всѣхъ воспоминаніяхъ своихъ онъ не находилъ ни одного мѣста, которое сулило бы ему все это. Вдругъ счастливое вдохновеніе сошло на него. Онъ видѣлъ Москву только однажды, проѣздомъ, и то гораздо прежде нашей женитьбы. Ему тогда не хватило времени остановиться въ ней. Друзья и даже дѣла давно уже призывали его туда. Рѣшено. Москва будетъ первой станціей.

Желѣзная дорога тогда еще не существовала; но что̀ значило подобное путешествіе для человѣка, бывшаго въ Египтѣ и Нубіи. Изъ Москвы, судя по обстоятельствамъ и охотѣ, онъ поѣдетъ далѣе.

Осипъ Ивановичъ уѣхалъ въ маѣ мѣсяцѣ. Говорятъ, что лѣтомъ въ особенности Москва хороша, не смотря на то, что она тогда менѣе населена. Такъ, вѣроятно, показалось и моему мужу, потому-что начальный пунктъ его путешествія остался и окончательнымъ. Осипъ Ивяновичъ былъ такъ доволенъ доброй матушкой-Москвой и радушнымъ пріемомъ, что нашелъ ненужнымъ искать дальше того, что̀ нашелъ уже на первомъ привалѣ, и остался все лѣто въ Москвѣ.

Совершенно новый родъ жизни начался для него и тотчасъ же оказались счастливые результаты. Это былъ родъ жизни праздный, гдѣ голова,

— Напротивъ, онѣ превосходны, лучшихъ у насъ нѣтъ, но не для васъ. Я принесла вамъ все, что̀ есть у насъ отличнѣйшаго, что̀ имѣемъ мы въ маленькомъ количествѣ и бережемъ для необыкновенныхъ случаевъ.

— Чѣмъ же я заслужилъ такое лестное исключеніе? Вы не знаете меня.

— Если я продаю сигары, это еще не значитъ что у меня нѣтъ ни какого понятія! отвѣчала молодая женщина немножко обидясь: я знаю, что вы баронъ Брамбеусъ.

Мой мужъ, чтобы помириться съ молодой женщиной, выпилъ у нея чашку кофе, выкурилъ сигару и оставилъ ее въ совершенномъ восторгѣ отъ своего посѣщенія.

Добрая Москва доставила мужу моему друзей, которые остались намъ до-сихъ-поръ.

Пріѣхавъ въ Москву, Осипъ Ивановичъ поселился въ отелѣ, отказываясь отъ всѣхъ гостепріимныхъ предложеній друзей, которые звали его жить къ себѣ. Онъ хотѣлъ быть совершенно свободнымъ; но счастливый случай свелъ его съ милымъ, любезнымъ семействомъ, которое противъ его воли и, по счастію для обоихъ насъ, заставило его измѣнить принятое намѣреніе.

Въ его отсутствіе изъ отеля взяты были всѣ вещи и перенесены въ домъ къ К. Возвратясь домой, Осипъ Ивановичъ нашелъ себя совершенно ограбленнымъ. Нечего было дѣлать. Волей неволей онъ долженъ былъ принять гостепріимство, къ которому его насильно принуждали. Однако впослѣдствіи онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, къ

чему его принудили, потому-что изъ этой короткости возникла дружба, которая будетъ продолжаться, пока мы живы, и всегда будетъ для насъ невыразимымъ очарованіемъ.

Я познакомилась съ этимъ милымъ семействомъ уже позже, когда оно пріѣзжало въ Петербургъ. Если бы я не познакомилась съ Анной Николаевной, доброй, любезной, остроумной женщиной, то вѣроятно никогда бы не знала, до какой степени всѣ были восхищены моимъ мужемъ въ Москвѣ. Изъ тысячи доказательствъ восторга, внушеннаго Осипомъ Ивановичемъ и разсказанныхъ мнѣ Анной Николаевной, я не могу умолчать объ одномъ: мнѣ слишкомъ пріятно разсказать его.

Анна Нинолаевна какъ-то послала горничную свою съ порученіемъ къ княжнѣ X. Горничная возвратилась, не исполнивъ порученія. Она говорила, что не могла пробраться къ дому княжны, что вся улица запружена экипажами; полиція тамъ. Видно, что тамъ случилось что-то важное — но что̀ именно? этого она навѣрное не могла узнать. Иные говорили, что старую княжну хоронятъ; другіе, что она справляетъ свое обрученіе. Анна Николаевна захотѣла сама удостовѣриться, въ чемъ дѣло. Она сѣла въ карету и пробилась, хотя съ большимъ трудомъ, сквозь сплошную толпу народа, окружавшую домъ княжны. Она входитъ и видитъ, что хозяйка дома совершенно здорова и въ прекрасномъ расположеніи духа. Комнаты ея были полны народомъ и вотъ причина, собравшая у нея такое многолюдное общество: княжна, добрѣйшая женщина, благотворительная до безконечно-

сти, имѣла въ особенности привычку дѣлать лоттереи и затѣвала ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Во время пребыванія моего мужа въ Москвѣ, княжна часто видала его и при всякомъ случаѣ усердно награждала его билетами, каждый разъ извиняясь и все-таки повторяя опять то же самое, по добротѣ, какъ могла чаще.

Наканунѣ отъѣзда моего мужа княжна пріѣхала къ Аннѣ Николаевнѣ, чтобы проститься съ дорогимъ гостемъ.

— Вы всегда были такъ добры, сказала княжна самымъ любезнымъ голосомъ, что, вѣроятно, не откажетесь и теперь въ послѣдній разъ обязать меня, тѣмъ болѣе, что все дѣло тутъ бездѣлица. Вотъ табакерка; это послѣднее достояніе несчастнаго отца семейства. Я сдѣлала пятьдесятъ билетовъ по рублю. Сколько вы возьмете?

— Княжна, отвѣчалъ Осипъ Ивановичъ я съ удовольствіемъ возьму вашихъ билетовъ, но, признаюсь, на этотъ разъ мнѣ очень хочется выиграть! А чтобъ не ошибиться, я вижу одно только средство — я беру всѣ билеты.

— Всѣ пятьдесятъ? вскричала княжна, не вѣря ушамъ своимъ.

— Да, разумѣется, всѣ пятьдесятъ, отвѣчалъ онъ.

Княжна онѣмѣла отъ удовольствія. Она не могла вѣрить такому легкому успѣху и три раза заставила повторить себѣ то, что̀ такъ очаровало ее.

— Такъ вамъ ненужно и брать билетовъ; вотъ табатерка, вы ее выиграли, сказала княжна, от-

чему его принудили, потому-что изъ этой короткости возникла дружба, которая будетъ продолжаться, пока мы живы, и всегда будетъ для насъ невыразимымъ очарованіемъ.

Я познакомилась съ этимъ милымъ семействомъ уже позже, когда оно пріѣзжало въ Петербургъ. Если бы я не познакомилась съ Анной Николаевной, доброй, любезной, остроумной женщиной, то вѣроятно никогда бы не знала, до какой степени всѣ были восхищены моимъ мужемъ въ Москвѣ. Изъ тысячи доказательствъ восторга, внушеннаго Осипомъ Ивановичемъ и разсказанныхъ мнѣ Анной Николаевной, я не могу умолчать объ одномъ: мнѣ слишкомъ пріятно разсказать его.

Анна Нинолаевна какъ-то послала горничную свою съ порученіемъ къ княжнѣ X. Горничная возвратилась, не исполнивъ порученія. Она говорила, что не могла пробраться къ дому княжны, что вся улица запружена экипажами; полиція тамъ. Видно, что тамъ случилось что-то важное — но что̀ именно? этого она навѣрное не могла узнать. Иные говорили, что старую княжну хоронятъ; другіе, что она справляетъ свое обрученіе. Анна Николаевна захотѣла сама удостовѣриться, въ чемъ дѣло. Она сѣла въ карету и пробилась, хотя съ большимъ трудомъ, сквозь сплошную толпу народа, окружавшую домъ княжны. Она входитъ и видитъ, что хозяйка дома совершенно здорова и въ прекрасномъ расположеніи духа. Комнаты ея были полны народомъ и вотъ причина, собравшая у нея такое многолюдное общество: княжна, добрѣйшая женщина, благотворительная до безконечно-

сти, имѣла въ особенности привычку дѣлать лоттереи и затѣвала ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Во время пребыванія моего мужа въ Москвѣ, княжна часто видала его и при всякомъ случаѣ усердно награждала его билетами, каждый разъ извиняясь и все-таки повторяя опять то же самое, по добротѣ, какъ могла чаще.

Наканунѣ отъѣзда моего мужа княжна пріѣхала къ Аннѣ Николаевнѣ, чтобы проститься съ дорогимъ гостемъ.

— Вы всегда были такъ добры, сказала княжна самымъ любезнымъ голосомъ, что, вѣроятно, не откажетесь и теперь въ послѣдній разъ обязать меня, тѣмъ болѣе, что все дѣло тутъ бездѣлица. Вотъ табакерка; это послѣднее достояніе несчастнаго отца семейства. Я сдѣлала пятьдесятъ билетовъ по рублю. Сколько вы возьмете?

— Княжна, отвѣчалъ Осипъ Ивановичъ я съ удовольствіемъ возьму вашихъ билетовъ, но, признаюсь, на этотъ разъ мнѣ очень хочется выиграть! А чтобъ не ошибиться, я вижу одно только средство — я беру всѣ билеты.

— Всѣ пятьдесятъ? вскричала княжна, не вѣря ушамъ своимъ.

— Да, разумѣется, всѣ пятьдесятъ, отвѣчалъ онъ.

Княжна онѣмѣла отъ удовольствія. Она не могла вѣрить такому легкому успѣху и три раза заставила повторить себѣ то, что̀ такъ очаровало ее.

— Такъ вамъ ненужно и брать билетовъ; вотъ табатерка, вы ее выиграли, сказала княжна, от-

момъ инструментѣ, а не въ томъ что̀ игралось на немъ. Нѣсколькихъ звуковъ, извлеченныхъ изъ инструмента съ знаніемъ дѣла, было достаточно, чтобы возбудить удивленіе.

Тутъ я могла служить учителемъ самымъ знаменитымъ виртуозамъ, впервые подходившимъ къ колоссу, съ которымъ желали ознакомиться. Мужъ мой былъ въ восхищеніи и поздравлялъ меня съ успѣхомъ, который я имѣла, играя только нѣсколько аккордовъ или какую-нибудь коротенькую мелодію. Что̀ же касается до меня, то я не такъ легко удовлетворялась; я хорошо видѣла, какъ были неискусны мои пальцы для подобнаго инструмента и въ то же время понимала, какъ трудно будетъ найти человѣка, который достойно могъ бы владѣть имъ и извлечь изъ него всѣ выгоды, которыя онъ представлялъ.

Вѣсть о нашемъ инструментѣ быстро распространилась. Его толпою приходили смотрѣть. Наши друзья просили позволенія привести своихъ друзей; эти друзья испрашивали позволенія для своихъ знакомыхъ; эти знакомые опять для своихъ друзей и пріятелей и т. д. Такимъ образомъ нашъ домъ, такъ долго остававшійся пустыннымъ вслѣдствіе постройки инструмента, теперь былъ постоянно полонъ народа. Это радовало Осипа Ивановича, который любилъ говорить о своемъ инструментѣ и объяснять его сложный механизмъ. Всѣ извѣстные пьянисты, всѣ музыканты, которые знали, что дверь наша всегда отперта для нихъ, пришли поклониться новому свѣтилу и попробовать на немъ свои силы. Всѣ единодушно

отдавали справедливость огромнымъ его достоинствамъ. Каждый, кто былъ въ состояніи понять что-нибудь, понялъ какое огромное преимущество можно было бы извлечь изъ этого инструмента, еслибъ умѣть соединить искусно всѣ эти различные звуки, совершенство и прелесть которыхъ были доведены до высшей степени; еслибъ умѣть искусно употреблять всѣ эти инструменты, которыми свободно могла располагать одна воля. Но, дѣло было слишкомъ сложное, оно требовало слишкомъ много времени, изученія и знанія, чтобы сдѣлать его легко. Не компрометируя себя нисколько можно было сдѣлать на совершенно новомъ инструментѣ опытъ, даже неудачный, который не выказалъ бы всѣхъ его достоинствъ. Но такъ же неудачно повторять эти опыты было бы, можетъ статься доказательствомъ неспособности, даже невѣжества! Кто знаетъ, что̀ могли бы подумать! Зачѣмъ же пробовать свои силы на незнакомомъ пути, когда есть своя дорога широкая и проложенная, и на ней имя великаго учителя. Зачѣмъ трудиться еще надъ изученіемъ, когда другіе учатся, считаютъ за счастье учиться у насъ! Такъ думали великіе артисты, оставляя послѣ нѣсколькихъ опытовъ свободное поле второстепеннымъ артистамъ. Эти приближались къ незнакомому колоссу еще съ бо̀льшей недовѣрчивостью, и, соображая свои силы съ его размѣрами, боялись даже касаться и дѣлали это только съ робостью. Всѣ единодушно утверждали, что изученіе этого инструмента должно было бы быть глубокое, серьёзное; что̀ ему надо было бы посвятить почти цѣлую жизнь, но что за

забываетъ, что не для тѣла только необходима пища. Онъ понимаетъ, что̀ для насъ необходимо, и не только даетъ намъ это насущное необходимое, но предвидитъ и готовитъ намъ еще драгоцѣннѣйшія блага въ будущемъ.

Мой мужъ серьёзно думалъ о томъ, какъ бы избавиться отъ «Библ. для Чт.», которая была теперь только обузой для него, и уменьшить сколько возможно свои литературныя занятія, испытывавшія столько трудностей и препятствій; но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно также необходимо было уменьшить наши домашніе расходы. Съ чего начать? Безъ сомнѣнія, самая худая экономія была бы та, которая лишила бы моего мужа необходимаго для его здоровья. Новое путешествіе было предписано ему, и въ настоящемъ положеніи оно было еще нужнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Но Москва не будетъ имѣть уже для него прежней прелести. Тѣ семейства, съ которыми онъ болѣе сошелся, не уѣдутъ на лѣто. Къ тому жъ ему необходимо было болѣе движенія, перемѣны мѣста, перемѣны воздуха болѣе чувствительной. Но, о чужихъ краяхъ мой мужъ не хотѣлъ и слышать: онъ увѣрялъ, что умретъ тамъ со скуки. Взять меня съ собою было невозможно, потому-что, по его мнѣнію я не могла бы выдержать трехъ дней, съ его манерою путешествовать. Сговориться съ кѣмъ-нибудь? Это значило связать себя на каждомъ шагу и испортить все удовольствіе поѣздки. Ни одинъ способъ не годился Осипу Ивановичу, а между-тѣмъ на что̀ нибудь надо было рѣшиться непремѣнно. Его здоровье, жизнь можетъ-быть,

зависѣли отъ этого. Вдругъ счастливая мысль пришла мнѣ и, изъ любви, я позволила себѣ маленькую хитрость.

Мой другъ, милая Анна Николаевна была очень нездорова; она ужасно тосковала о смерти единственнаго, любимаго брата, умершаго далеко отъ нея, въ Италіи. Ей также предписано было путешествіе и развлеченіе какъ единственное вѣрное средство противъ ея болѣзни. Но и она также, какъ Осипъ Ивановичъ, не хотѣла объ этомъ слышать. Къ тому жъ, съ кѣмъ могла она ѣхать? Отецъ, обожая единственную дочь, имѣлъ все-таки свои привычки, закоренѣлыя, отъ которыхъ она ни за что въ мірѣ не согласилась бы оторвать его. Дѣти ея были еще въ такомъ возрастѣ, что требовали заботъ матери и не могли служить ей опорой. Съ дѣтьми-то въ особенности и не хотѣла разставаться Анна Николаевна. Мужъ ея во время лѣта былъ занятъ хозяйственными дѣлами и устройствомъ, обзоромъ своихъ деревень.

У Анны Николаевны былъ, правда, дядя, прекрасный человѣкъ, который съ самаго рожденія служилъ ей въ одно время и нянькой и другомъ. Онъ былъ совершенно въ ея распоряженіи и согласился бы ѣхать съ любимой племянницей на экваторъ и полюсы. Но до 60-ти лѣтъ онъ ни разу не выѣзжалъ изъ родимаго города. Кудажъ поѣдутъ и что̀ будутъ дѣлать они вдвоемъ? Докторъ предписывалъ Аннѣ Николаевнѣ развлекаться и веселиться какъ можно болѣе—но съ такимъ товарищемъ, не смотря на все его усердіе, это было невозможно.

Переписка завязавшаяся между мною и Анной Николаевной, подружила насъ прежде еще чѣмъ мы встрѣтились и лично узнали другъ друга. Я знала всѣ подробности, о которыхъ сейчасъ писала, по ея письмамъ, и поспѣшила воспользоваться, этимъ. Я написала Аннѣ Николаевнѣ, что дружба, подобная нашей, должна быть готова на все, и что, я безъ церемоніи требую отъ нея блестящаго доказательства привязанности. Она должна была написать моему мужу и просить его, во имя ея здоровья, согласиться на роль чичисбея ея и ея дядѣ на все время путешествія.

Сначала Анна Николаевна была до такой степени озадачена моимъ предложеніемъ, что не могла рѣшиться исполнить мою просьбу. Ей было совѣстно; она не знала, какъ просить, требовать отъ Осипа Ивановича такой огромной услуги. Она забывала, что, принуждая его ѣхать, хотя и противъ воли, она оказывала ему не меньшую услугу. Можетъ-быть также, что ее удивляло совершенное отсутствіе недовѣрія съ моей стороны, мое полное, безграничное довѣріе къ ней, которая, я знала, была одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ въ Москвѣ, была молода и обладала всѣми достоинствами ума и сердца. Но я знала также—и это было неизмѣннымъ правиломъ всей моей жизни, что женщина, дѣйствительно достойная любви своего мужа, всегда будетъ любима имъ.

Мнѣ удалось наконецъ, хотя и съ большимъ трудомъ, побѣдить нерѣшимость Анны Николаевны. Все устроилось какъ мы желали, и наша невинная хитрость имѣла полный успѣхъ.

Анна Николаевна пріѣхала въ Петербургъ, въ началѣ іюня, и черезъ нѣсколько дней мой мужъ уѣхалъ съ нею и съ ея дядей.

Тогда-то я познакомилась съ этой молодой женщиной, которая до-сихъ-поръ осталась моимъ другомъ.

Эта новая разлука съ мужемъ была для меня гораздо тежелѣе первой. Онъ ѣхалъ дальше и, по-край-мѣрѣ, на три мѣсяца. Но мнѣ пришлось только радоваться этому отсутствію, потому-что 30 сентября Осипъ Ивановичъ возвратился ко мнѣ, здоровый, пополнѣвшій, какъ я его еще никогда не видала. Во все продолженіе путешествія я получала аккуратно, хоть разъ въ недѣлю, письмо, которое радовало меня всѣми добрыми вѣстями которыя заключались въ немъ. Здоровье его видимо поправлялось и онъ такъ нѣжно любилъ меня. У него было только одно горе, и я была невинной причиной этого.

Когда онъ уѣзжалъ въ путешествіе или жилъ въ городѣ, а я на дачѣ, онъ всегда самъ приготовлялъ мнѣ конверты, съ адресами. Онъ не хотѣлъ оставлять мнѣ ни малѣйшей заботы, когда могъ избавить меня отъ нея, и часто съ баснословной добротою, которая заставляла меня краснѣть; онъ оставлялъ свои важныя занятія, чтобы написать адресы, которые могли понадобиться мнѣ.

Такъ и теперь, уѣзжая изъ Петербурга, онъ оставилъ мнѣ по-крайней-мѣрѣ двѣнадцать адресовъ тѣхъ городовъ, гдѣ онъ располагалъ прожить нѣсколько дней, и листъ, въ которомъ означенъ былъ порядокъ какъ отсылать письма.

давая табакерку. Она достаточно хорошо заплачена.

— Итакъ она моя и я могу дѣлать съ нею, что̀ мнѣ угодно?

— Разумѣется.

— Такъ будьте же такъ добры, потрудитесь отдать ее тому, кому она принадлежитъ.

Тутъ уже рѣшительно княжна бросилась бы на шею моему мужу, еслибъ послушалась своего сердца! Но она удержалась и только въ искреннихъ, горячихъ выраженіяхъ благодарила его.

Эта черта была разсказана ею и на другой же день въ двадцати домахъ уже говорили объ этомъ. Табакерка не была еще отдана и всѣ умоляли княжну сдѣлать для нея новую лоттерею. Теперь каждый желалъ обладать этой драгоцѣнностью. Княжна надѣлала гораздо болѣе билетовъ, чѣмъ въ первый разъ. Но требованія билетовъ, которые обыкновенно такъ трудно раздавать, являлись отовсюду. Надо было дѣлать еще и еще билетовъ; этому не было конца и день розыгрыша безпрерывно откладывался. Надо было, однакожъ, положить конецъ и день розыгрыша былъ окончательно назначенъ. И въ этотъ день еще явилась толпа желающихъ. Никогда еще добрая и благотворительная княжна не дѣлала такого огромнаго сбора и не чувствовала себя до такой степени счастливой, какъ въ этотъ день.

Пребываніе мужа моего въ Москвѣ имѣло самые счастливые результаты, пока онъ былъ тамъ; а выиграть нѣсколько мѣсяцевъ здоровья было уже огромной побѣдой, одержанной надъ врагомъ.

Это благодѣтельное вліяніе еще чувствовалось и продолжалось нѣсколько времени въ Петербургѣ, но мало-по-малу оно исчезло, когда Осипъ Ивановичъ снова началъ свой прежній образъ жизни и принялся опять за свои занятія.

Какая-то усталость, утомленіе овладѣвали имъ и работа была уже для него не такъ легка, какъ бывало прежде. Ему въ особенности трудно было принудить себя къ чрезвычайной правильности необходимой въ періодическомъ изданіи, которое должно являться въ назначенный день. Указанный срокъ — это цѣпь для ума, которому нужна свобода! можетъ ли она подчиняться чужой волѣ, чужимъ указаніямъ. Но другія затрудненія, болѣе важныя, замедляли ходъ его мыслей, преслѣдовали его шагъ за шагомъ и отнимали всякую возможность дѣйствовать по своимъ убѣжденіямъ и горячему желанію добра. Была трудная пора для всей литературы. Самое чистое и честное, самое благонамѣренное слово наравнѣ съ болѣе или менѣе справедливо заподозрѣннымъ встрѣчало неодолимыя преграды. Мужъ мой былъ уже слишкомъ утомленъ и слишкомъ хворъ, чтобы съ успѣхомъ проводить свою мысль по такому извилистому лабиринту. Онъ принужденъ былъ отстать отъ серьёзнаго литературнаго труда. Отъ этого здоровье и расположеніе духа одинаково страдали. Онъ грустилъ о вынужденномъ бездѣйствіи своихъ способностей. Да будетъ тысячу разъ благословенна рука, давшая снова свободу генію моего мужа! Да будетъ тысячу разъ благословенно Провидѣніе, охраняющее драгоцѣнные дни того, который не

забываетъ, что не для тѣла только необходима пища. Онъ понимаетъ, что̀ для насъ необходимо, и не только даетъ намъ это насущное необходимое, но предвидитъ и готовитъ намъ еще драгоцѣннѣйшія блага въ будущемъ.

Мой мужъ серьёзно думалъ о томъ, какъ бы избавиться отъ «Библ. для Чт.», которая была теперь только обузой для него, и уменьшить сколько возможно свои литературныя занятія, испытывавшія столько трудностей и препятствій; но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно также необходимо было уменьшить наши домашніе расходы. Съ чего начать? Безъ сомнѣнія, самая худая экономія была бы та, которая лишила бы моего мужа необходимаго для его здоровья. Новое путешествіе было предписано ему, и въ настоящемъ положеніи оно было еще нужнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Но Москва не будетъ имѣть уже для него прежней прелести. Тѣ семейства, съ которыми онъ болѣе сошелся, не уѣдутъ на лѣто. Къ тому жъ ему необходимо было болѣе движенія, перемѣны мѣста, перемѣны воздуха болѣе чувствительной. Но, о чужихъ краяхъ мой мужъ не хотѣлъ и слышать: онъ увѣрялъ, что умретъ тамъ со скуки. Взять меня съ собою было невозможно, потому-что, по его мнѣнію я не могла бы выдержать трехъ дней, съ его манерою путешествовать. Сговориться съ кѣмъ-нибудь? Это значило связать себя на каждомъ шагу и испортить все удовольствіе поѣздки. Ни одинъ способъ не годился Осипу Ивановичу, а между-тѣмъ на что̀ нибудь надо было рѣшиться непремѣнно. Его здоровье, жизнь можетъ-быть,

зависѣли отъ этого. Вдругъ счастливая мысль пришла мнѣ и, изъ любви, я позволила себѣ маленькую хитрость.

Мой другъ, милая Анна Николаевна была очень нездорова; она ужасно тосковала о смерти единственнаго, любимаго брата, умершаго далеко отъ нея, въ Италіи. Ей также предписано было путешествіе и развлеченіе какъ единственное вѣрное средство противъ ея болѣзни. Но и она также, какъ Осипъ Ивановичъ, не хотѣла объ этомъ слышать. Къ тому жъ, съ кѣмъ могла она ѣхать? Отецъ, обожая единственную дочь, имѣлъ все-таки свои привычки, закоренѣлыя, отъ которыхъ она ни за что въ мірѣ не согласилась бы оторвать его. Дѣти ея были еще въ такомъ возрастѣ, что требовали заботъ матери и не могли служить ей опорой. Съ дѣтьми-то въ особенности и не хотѣла разставаться Анна Николаевна. Мужъ ея во время лѣта былъ занятъ хозяйственными дѣлами и устройствомъ, обзоромъ своихъ деревень.

У Анны Николаевны былъ, правда, дядя, прекрасный человѣкъ, который съ самаго рожденія служилъ ей въ одно время и нянькой и другомъ. Онъ былъ совершенно въ ея распоряженіи и согласился бы ѣхать съ любимой племянницей на экваторъ и полюсы. Но до 60-ти лѣтъ онъ ни разу не выѣзжалъ изъ родимаго города. Кудажъ поѣдутъ и что̀ будутъ дѣлать они вдвоемъ? Докторъ предписывалъ Аннѣ Николаевнѣ развлекаться и веселиться какъ можно болѣе—но съ такимъ товарищемъ, не смотря на все его усердіе, это было невозможно.

забываетъ, что не для тѣла то
пища. Онъ понимаетъ, что̀ для
и не только даетъ намъ это на
мое, но предвидитъ и готовитъ
цѣннѣйшія блага въ будущемъ.

Мой мужъ серьёзно думалъ
избавиться отъ «Библ. для Чт.»
перь только обузой для него, и
ко возможно свои литературны
вавшія столько трудностей и п
стѣ съ тѣмъ совершенно такж
уменьшить наши домашніе рас
чать? Безъ сомнѣнія, самая х
ла бы та, которая лишила бы
димаго для его здоровья. Ново
ло предписано ему, и въ наст
оно было еще нужнѣе, чѣмъ вт
Москва не будетъ имѣть уже
прелести. Тѣ семейства, съ кот
сошелся, не уѣдутъ на лѣто. К
обходимо было болѣе движенія
перемѣны воздуха болѣе чув
чужихъ краяхъ мой мужъ не
онъ увѣрялъ, что умретъ там
меня съ собою было невозмож
его мнѣнію я не могла бы
дней, съ его манерою путешес
ся съ кѣмъ-нибудь? Это знач
каждомъ шагу и испортить все
ки. Ни одинъ способъ не годи
а между-тѣмъ на что̀ нибуд
ся непремѣнно. Его здоровье

бы, и которыхъ ни я, ни мужъ мой никогда не видали. Дочь, Елена вышла замужъ очень рано. Она была хороша собой, умна, кроткаго, веселаго нрава и составляла предметъ всеобщаго обожанія. Слабая, нѣжная, выданная замужъ слишкомъ рано, сдѣлавшаяся матерью двухъ дѣтей, когда сама была еще почти ребенкомъ, она нуждалась въ безпрерывныхъ заботахъ и попеченіяхъ, которыя ей съ такимъ удовольствіемъ оказывали до-сихъ-поръ. Но теперь судьбѣ угодно было прекратить счастливые дни Елены и послать ей тяжкія испытанія, ударъ за ударомъ. Почти въ одно время потеряла она бабушку, которую обожала и для которой сама была идоломъ, маленькую сестру, милаго, но больнаго ребенка, за которой Елена ухаживала съ заботливостью матери, брата, оканчившаго съ такимъ успѣхомъ свое воспитаніе въ Петербургѣ и возвращенія котораго она ждала съ нетерпѣніемъ.

Но потери, которыя должны были испытать родные моего мужа, не ограничились этимъ. Невѣстка моя, сестра моего мужа, немногимъ пережила свою мать и двухъ дѣтей; скоро и она сошла за ними въ могилу. Елена, оплакивая потерю четырехъ существъ, которыя были ей такъ дороги, должна было потерять еще двухъ маленькихъ дѣтей своихъ, прожившихъ только нѣсколько мѣсяцевъ на свѣтѣ. Такіе удары страшно подѣйствовали на здоровье Елены, и без того уже слабое. Это внушило сильнѣйшее безпокойство всѣмъ, кто любилъ ее. Мужъ, отецъ и единственный оставшійся у нея братъ, дѣлали все, что могли, чтобы ожи-

забываетъ, что не для тѣла только необходима пища. Онъ понимаетъ, что̀ для насъ необходимо, и не только даетъ намъ это насущное необходимое, но предвидитъ и готовитъ намъ еще драгоцѣннѣйшія блага въ будущемъ.

Мой мужъ серьёзно думалъ о томъ, какъ бы избавиться отъ «Библ. для Чт.», которая была теперь только обузой для него, и уменьшить сколько возможно свои литературныя занятія, испытывавшія столько трудностей и препятствій; но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно также необходимо было уменьшить наши домашніе расходы. Съ чего начать? Безъ сомнѣнія, самая худая экономія была бы та, которая лишила бы моего мужа необходимаго для его здоровья. Новое путешествіе было предписано ему, и въ настоящемъ положеніи оно было еще нужнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Но Москва не будетъ имѣть уже для него прежней прелести. Тѣ семейства, съ которыми онъ болѣе сошелся, не уѣдутъ на лѣто. Къ тому жъ ему необходимо было болѣе движенія, перемѣны мѣста, перемѣны воздуха болѣе чувствительной. Но, о чужихъ краяхъ мой мужъ не хотѣлъ и слышать: онъ увѣрялъ, что умретъ тамъ со скуки. Взять меня съ собою было невозможно, потому-что, по его мнѣнію я не могла бы выдержать трехъ дней, съ его манерою путешествовать. Сговориться съ кѣмъ-нибудь? Это значило связать себя на каждомъ шагу и испортить все удовольствіе поѣздки. Ни одинъ способъ не годился Осипу Ивановичу, а между-тѣмъ на что̀ нибудь надо было рѣшиться непремѣнно. Его здоровье, жизнь можетъ-быть,

зависѣли отъ этого. Вдругъ счастливая мысль пришла мнѣ и, изъ любви, я позволила себѣ маленькую хитрость.

Мой другъ, милая Анна Николаевна была очень нездорова; она ужасно тосковала о смерти единственнаго, любимаго брата, умершаго далеко отъ нея, въ Италіи. Ей также предписано было путешествіе и развлеченіе какъ единственное вѣрное средство противъ ея болѣзни. Но и она также, какъ Осипъ Ивановичъ, не хотѣла объ этомъ слышать. Къ тому жъ, съ кѣмъ могла она ѣхать? Отецъ, обожая единственную дочь, имѣлъ все-таки свои привычки, закоренѣлыя, отъ которыхъ она ни за что въ мірѣ не согласилась бы оторвать его. Дѣти ея были еще въ такомъ возрастѣ, что требовали заботъ матери и не могли служить ей опорой. Съ дѣтьми-то въ особенности и не хотѣла разставаться Анна Николаевна. Мужъ ея во время лѣта былъ занятъ хозяйственными дѣлами и устройствомъ, обзоромъ своихъ деревень.

У Анны Николаевны былъ, правда, дядя, прекрасный человѣкъ, который съ самаго рожденія служилъ ей въ одно время и нянькой и другомъ. Онъ былъ совершенно въ ея распоряженіи и согласился бы ѣхать съ любимой племянницей на экваторъ и полюсы. Но до 60-ти лѣтъ онъ ни разу не выѣзжалъ изъ родимаго города. Кудажъ поѣдутъ и что̀ будутъ дѣлать они вдвоемъ? Докторъ предписывалъ Аннѣ Николаевнѣ развлекаться и веселиться какъ можно болѣе—но съ такимъ товарищемъ, не смотря на все его усердіе, это было невозможно.

Переписка завязавшаяся между мною и Анной Николаевной, подружила насъ прежде еще чѣмъ мы встрѣтились и лично узнали другъ друга. Я знала всѣ подробности, о которыхъ сейчасъ писала, по ея письмамъ, и поспѣшила воспользоваться, этимъ. Я написала Аннѣ Николаевнѣ, что дружба, подобная нашей, должна быть готова на все, и что, я безъ церемоніи требую отъ нея блестящаго доказательства привязанности. Она должна была написать моему мужу и просить его, во имя ея здоровья, согласиться на роль чичисбея ея и ея дядѣ на все время путешествія.

Сначала Анна Николаевна была до такой степени озадачена моимъ предложеніемъ, что не могла рѣшиться исполнить мою просьбу. Ей было совѣстно; она не знала, какъ просить, требовать отъ Осипа Ивановича такой огромной услуги. Она забывала, что, принуждая его ѣхать, хотя и противъ воли, она оказывала ему не меньшую услугу. Можетъ-быть также, что ее удивляло совершенное отсутствіе недовѣрія съ моей стороны, мое полное, безграничное довѣріе къ ней, которая, я знала, была одна изъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ въ Москвѣ, была молода и обладала всѣми достоинствами ума и сердца. Но я знала также—и это было неизмѣннымъ правиломъ всей моей жизни, что женщина, дѣйствительно достойная любви своего мужа, всегда будетъ любима имъ.

Мнѣ удалось наконецъ, хотя и съ большимъ трудомъ, побѣдить нерѣшимость Анны Николаевны. Все устроилось какъ мы желали, и наша невинная хитрость имѣла полный успѣхъ.

Анна Николаевна пріѣхала въ Петербургъ, въ началѣ іюня, и черезъ нѣсколько дней мой мужъ уѣхалъ съ нею и съ ея дядей.

Тогда-то я познакомилась съ этой молодой женщиной, которая до-сихъ-поръ осталась моимъ другомъ.

Эта новая разлука съ мужемъ была для меня гораздо тежелѣе первой. Онъ ѣхалъ дальше и, по-край-мѣрѣ, на три мѣсяца. Но мнѣ пришлось только радоваться этому отсутствію, потому-что 30 сентября Осипъ Ивановичъ возвратился ко мнѣ, здоровый, пополнѣвшій, какъ я его еще никогда не видала. Во все продолженіе путешествія я получала аккуратно, хоть разъ въ недѣлю, письмо, которое радовало меня всѣми добрыми вѣстями которыя заключались въ немъ. Здоровье его видимо поправлялось и онъ такъ нѣжно любилъ меня. У него было только одно горе, и я была невинной причиной этого.

Когда онъ уѣзжалъ въ путешествіе или жилъ въ городѣ, а я на дачѣ, онъ всегда самъ приготовлялъ мнѣ конверты, съ адресами. Онъ не хотѣлъ оставлять мнѣ ни малѣйшей заботы, когда могъ избавить меня отъ нея, и часто съ баснословной добротою, которая заставляла меня краснѣть; онъ оставлялъ свои важныя занятія, чтобы написать адресы, которые могли понадобиться мнѣ.

Такъ и теперь, уѣзжая изъ Петербурга, онъ оставилъ мнѣ по-крайней-мѣрѣ двѣнадцать адресовъ тѣхъ городовъ, гдѣ онъ располагалъ прожить нѣсколько дней, и листъ, въ которомъ означенъ былъ порядокъ какъ отсылать письма.

вольствіе быть щедрымъ. Но лишившись всего этого и еще тысячи другихъ вещей, не лучше ли было запереться въ провинціяльной глуши, зарыться въ уголокъ земли, гдѣ можно было бы, какъ покойная его мать, быть счастливу немногимъ и еще находить средства дѣлать счастливыми другихъ.

Пока мужъ мой жилъ посреди грустныхъ и сладкихъ воспоминаній, мечтая о томъ, чему не суждено было сбыться, я ждала его уже въ новой квартирѣ нашей, въ Большой Конюшенной.

Передъ отъѣздомъ своимъ въ Вилькомиръ, мужъ мой сдѣлалъ всѣ распоряженія къ переѣзду и уѣхалъ тогда только, когда я была уже спокойна на мѣстѣ. Переѣхать намъ—было вещью не совсѣмъ легкою, потому-что не смотря на то, что насъ было только двое, количество нашей мебели и вещей разнаго рода было ужасно велико. Осипъ Ивановичъ любилъ покупать, и имѣлъ много причинъ для этого. Прежде всего надо было покупать нужное, необходимое, потомъ нельзя было устоять противъ того, что̀ было очень хорошо, очень ново или продавалось за ничто. Потомъ являлись просьбы людей въ затруднительномъ положеніи, которымъ жестоко было бы отказать.

Такъ напримѣръ, въ большой квартирѣ нашей на Васильевскомъ Острову, у меня было въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, для меня одной четыре рояля, разныхъ величинъ, въ числѣ которыхъ былъ и клави-оркестръ. Пятый, не находя уже мѣста въ нашихъ комнатахъ, былъ скромно помѣщенъ внизу лѣстницы, возлѣ швейцара.

Но тамъ онъ оставался не долго. Иностранная пѣвица, недавно пріѣхавшая въ Петербургъ, не зная ни нравовъ нашихъ, ни обычаевъ, очень удивилась, что инструментъ, пользующійся вездѣ нѣкотораго рода уваженіемъ, у насъ имѣетъ такое странное мѣсто.

— Какой варварскій народъ, какіе невѣжды! думала она подымаясь вверхъ по роскошной лѣстницѣ. Но удивленіе ея возрасло еще болѣе, когда войдя въ пышную квартиру, она почти въ каждой комнатѣ увидала по инструменту. Тутъ она уже рѣшительно не знала, что̀ думать о петербургскихъ обычаяхъ. Ей нуженъ былъ рояль на то время, которое думала она прожить въ Петербургѣ, она спросила не продаются или не отдаются ли на прокать всѣ эти инструменты?

— Нѣтъ, отвѣчали ей.

— Къ чемужъ они служатъ?

— Они служатъ для забавы моей жены, которая можетъ играть вездѣ, гдѣ ей вздумается.

— А развѣ ваша жена ходитъ также иногда забавляться на лѣстницу?

— Никогда, отвѣчалъ смѣясь Осипъ Ивановичъ, и отгадывая желаніе пѣвицы, онъ предупредилъ ея просьбу, предложивъ ей инструментъ, который она, разумѣется съ радостью приняла.

Итакъ это было важнымъ дѣломъ, перенести всѣ вещи и найти имъ приличное мѣсто. Затрудненій явилось немало. Клави-оркестръ не могъ быть перенесенъ и составленъ такъ, какъ былъ въ самомъ началѣ. Для этого нужно было два этажа, а мы теперь должны были жить только въ одномъ. Въ

верхнемъ этажѣ находился самъ инструментъ а внизу весь духовой аппаратъ и человѣкъ, который долженъ былъ приводить его въ движеніе.

Кто бы не пришелъ въ отчаяніе отъ мысли разрушить подобную вещь, стоившую столько времени и мыслей, столько труда и денегъ. Кто имѣлъ бы довольно силы, чтобъ разобрать по кускамъ то, что̀ было соединено съ такимъ искусствомъ и составляло такое превосходное цѣлое? Но мужъ мой, не колеблясь нисколько, безъ малѣйшаго сожалѣнія далъ приказъ разрушать и самъ взялся за это дѣло. — Тутъ не было причины быть несчастной, говорилъ онъ; надо скорѣе радоваться. Благодаря этому переѣзду, я передѣлаю инструментъ по совершенно новому плану, лучше обдуманному чѣмъ первый, и который, въ особенности, будетъ гораздо больше соотвѣтствовать потребностямъ комнаты.

Огромный шкапъ, въ которомъ заключалось это музыкальное чудо, былъ совершенно опустошенъ. Послѣ роли, которую онъ игралъ, послѣ всего торжества, этотъ шкафъ, лишенный того, что̀ составляло его достоинство—былъ поставленъ въ темную комнату и спустился на степень платянаго шкапа. Потомъ, позже уже, этотъ бѣдный, разжалованный шкапъ поднялся однако на одну степень и сдѣлался альковомъ. Я до-сихъ-поръ сплю въ немъ и онъ всегда будитъ во мнѣ много, много воспоминаній.

Чтожъ касается до сокровищъ, заключавшихся въ этомъ шкапу, всѣхъ этихъ инструментовъ, съ такимъ трудомъ, съ такимъ тщаніемъ вставлен-

жимъ-образомъ, жить такъ, какъ мы жили досихъ-поръ, не было никакой возможности, и тѣ же самыя неудобства и трудности, которыя тяготѣли надъ умственнымъ трудомъ моего мужа, стали чувствоваться и въ матеріальныхъ обстоятельствахъ жизни.

Два года прожили мы на Михайловской площади, стѣсняя себя какъ только было возможно. Но мужъ мой видѣлъ необходимость уменьшить еще наши расходы, тѣмъ болѣе, что долги, съ которыми онъ думалъ, что раздѣлался, уплачивались очень дурно и частію падали опять на него. Съ разу невозможно было вырвать съ корнемъ всѣхъ привычекъ которыя такъ на долго сроднились съ легкой, безкорыстной натурою моего мужа. Но тѣмъ труднѣе было на каждомъ шагу принуждать себя къ лишеніямъ.

Послѣ двухъ-лѣтняго проживанія въ домѣ Крылова на Михайловской площади, дороговизна квартиры и разныя непріятности, которыя сдѣлалъ намъ управляющій, заставили Осипа Ивановича рѣшиться на перемѣну. Намъ нужно было что-нибудь по-дешевле и по-меньше. Это было лѣтомъ; я жила на дачѣ, на Островахъ. Мы отказались отъ дачи въ Павловскѣ, чтобъ быть поближе къ городу. Мой мужъ могъ жить со мною и ѣздить въ городъ только по дѣламъ, что̀ доставляло мнѣ невыразимое удовольствіе.

Найти квартиру такую, какая требовалась при настоящихъ обстоятельствахъ, и притомъ съ тѣми удобствами, которыя были необходимы Осипу Ивановичу по привычкѣ, было вещью не легкою.

томъ, что составляло тоже большое достоя
на немъ гораздо легче играть и его мож
переносить.

Переѣхавъ на новую квартиру, я по об
нію нашла въ совершенномъ порядкѣ вс
моего великолѣпнаго клавиорчестра,
страстно любила. Только самая квартира
но не согласовалась съ той мыслію, кот
стальная я себѣ о ней. Мужъ мой увѣри
что она гораздо меньше прежней, а я
совершенно противное. Комнатъ было по-
мнѣ стольколько, но величина и вышина
гимъ превосходили предъидущія. Это б
просторная квартира, которую устроили
оттого, что домъ былъ огромный, вновь
нный, съ множествомъ квартиръ, въ к
были еще очень мало жильцовъ.

Итакъ я жила одна въ квартирѣ, гдѣ
мечтала бы чаяньемъ дышать, и съ нетер
ждала возвращенія Семена Ивановича. Н
чаяньемъ скорѣе видѣть меня, возвраще
мѣсяцъ отсутствія его въ Н
къ были необходимы. Но бѣдная Елена
мечтала съ нею. Семенъ Ивановичъ уже не
ждетъ возвратить такъ много обѣщаній въ п
мощь.

Слабость ея была одинокость, еще отъ
и прежнихъ мечтаній отвлекаемость чаще
по мѣрѣ того какъ время отъѣзда м
приближалось.

Быть тяжко одинокъ слишкомъ мало спо
обманомъ, сильнѣе рѣшила, что Елена

бы, и которыхъ ни я, ни мужъ мой никогда не видали. Дочь, Елена вышла замужъ очень рано. Она была хороша собой, умна, кроткаго, веселаго нрава и составляла предметъ всеобщаго обожанія. Слабая, нѣжная, выданная замужъ слишкомъ рано, сдѣлавшаяся матерью двухъ дѣтей, когда сама была еще почти ребенкомъ, она нуждалась въ безпрерывныхъ заботахъ и попеченіяхъ, которыя ей съ такимъ удовольствіемъ оказывали до-сихъ-поръ. Но теперь судьбѣ угодно было прекратить счастливые дни Елены и послать ей тяжкія испытанія, ударъ за ударомъ. Почти въ одно время потеряла она бабушку, которую обожала и для которой сама была идоломъ, маленькую сестру, милаго, но больнаго ребенка, за которой Елена ухаживала съ заботливостью матери, брата, оканчившаго съ такимъ успѣхомъ свое воспитаніе въ Петербургѣ и возвращенія котораго она ждала съ нетерпѣніемъ.

Но потери, которыя должны были испытать родные моего мужа, не ограничились этимъ. Невѣстка моя, сестра моего мужа, немногимъ пережила свою мать и двухъ дѣтей; скоро и она сошла за ними въ могилу. Елена, оплакивая потерю четырехъ существъ, которыя были ей такъ дороги, должна было потерять еще двухъ маленькихъ дѣтей своихъ, прожившихъ только нѣсколько мѣсяцевъ на свѣтѣ. Такіе удары страшно подѣйствовали на здоровье Елены, и без того уже слабое. Это внушило сильнѣйшее безпокойство всѣмъ, кто любилъ ее. Мужъ, отецъ и единственный оставшійся у нея братъ, дѣлали все, что могли, чтобы ожи-

первымъ свидѣтелемъ его необыкновенныхъ, громадныхъ способностей.

Пріѣхавъ въ Вильно, гдѣ онъ родился, гдѣ ступалъ первые шаги, лепеталъ первыя слова, вдыхая въ себя воздухъ родины, которымъ такъ давно уже не дышалъ, мой мужъ почувствовалъ невѣроятно сладкое волненіе. Все, что̀ онъ увидѣлъ, снова сдѣлало на него сильное впечатлѣніе.

Кто не пойметъ, съ какимъ почтеніемъ, съ какимъ въ одно время сладкимъ и грустнымъ чувствомъ прикасаешься къ малѣйшему предмету когда-то близкому, а теперь совсѣмъ чужому. Кто не знаетъ, съ какою силою воображеніе переноситъ насъ далеко, далеко, въ одно мгновеніе, къ тѣмъ днямъ, которыхъ уже нѣтъ, и бросая благодѣтельный покровъ на все, что̀ было дурнаго въ прошедшемъ, показываетъ намъ только одно хорошее. Здѣсь, впрочемъ, воспоминаніе могло встрѣтить только счастливые дни. Дѣтство, отрочество, начало юности, первая молодость подъ крыломъ нѣжной матери, умной женщины, которая умѣла направить первые опыты своего сына. Столько же добрая сколько умная, она не забыла съ раннихъ лѣтъ образовать его сердце, которое сдѣлалось чисто и благородно какъ умъ его былъ необъятенъ и свѣтелъ.

Очутившись снова на полѣ первыхъ подвиговъ своихъ, мой мужъ почувствовалъ себя опять молодымъ; ему казалось, что онъ воскресъ. Онъ становился почти ребенкомъ съ Еленой, рѣзвый и веселый нравъ которой легко возвращался къ своему природному, нормальному состоянію. Они про-

водили самыя пріятныя мгновенія, посѣщая вмѣстѣ мѣста, завѣтныя тому и другому. Для моего мужа они были въ особенности драгоцѣнны какъ воспоминаніе; для Елены это было еще почти настоящее. Она передавала ему подробности чрезвычайно интересные для него и которыхъ онъ не зналъ. Она указывала Осипу Ивановичу то мѣсто, гдѣ всего чаще любила садиться его мать, гдѣ чаще всего говорила о миломъ сынѣ, котораго ей не суждено было уже увидѣть на землѣ. Она разсказывала ему весь ходъ тихой, спокойной, но благотворительной жизни, находившей въ порядкѣ и простотѣ возможность дѣлать много добра, немногими средствами, и тайну быть самой счастливой счастьемъ другихъ.

Мой мужъ обожалъ свою мать и, несмотря на долгую разлуку, всегда, постоянно думалъ о ней. Обстоятельства, которыя такъ часто управляютъ нами, мѣшали ему исполнить вѣчное желаніе и предположеніе поѣхать повидаться съ матерью. Теперь было уже поздно и, сѣтуя о невозвратномъ, Осипъ Ивановичъ хотѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, поселиться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жила и умерла его мать. Эта мысль оставалась нѣсколько времени въ его головѣ. Петербургъ давно ужъ былъ непріятенъ ему. Онъ почиталъ главною причиною своего постоянно болѣзненнаго состоянія дурной климатъ Петербурга. Онъ былъ еще сносенъ тогда, когда можно было позволять себѣ всѣ удобства и прихоти: искусственные сады, полные цвѣтовъ зимою и великолѣпную дачу лѣтомъ; быть хлѣбосоломъ на большую ногу; доставлять себѣ удо-

вольствіе быть щедрымъ. Но лишившись всего этого и еще тысячи другихъ вещей, не лучше ли было запереться въ провинціяльной глуши, зарыться въ уголокъ земли, гдѣ можно было бы, какъ покойная его мать, быть счастливу немногимъ и еще находить средства дѣлать счастливыми другихъ.

Пока мужъ мой жилъ посреди грустныхъ и сладкихъ воспоминаній, мечтая о томъ, чему не суждено было сбыться, я ждала его уже въ новой квартирѣ нашей, въ Большой Конюшенной.

Передъ отъѣздомъ своимъ въ Вилькомиръ, мужъ мой сдѣлалъ всѣ распоряженія къ переѣзду и уѣхалъ тогда только, когда я была уже спокойна на мѣстѣ. Переѣхать намъ—было вещью не совсѣмъ легкою, потому-что не смотря на то, что насъ было только двое, количество нашей мебели и вещей разнаго рода было ужасно велико. Осипъ Ивановичъ любилъ покупать, и имѣлъ много причинъ для этого. Прежде всего надо было покупать нужное, необходимое, потомъ нельзя было устоять противъ того, что̀ было очень хорошо, очень ново или продавалось за ничто. Потомъ являлись просьбы людей въ затруднительномъ положеніи, которымъ жестоко было бы отказать.

Такъ напримѣръ, въ большой квартирѣ нашей на Васильевскомъ Острову, у меня было въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, для меня одной четыре рояля, разныхъ величинъ, въ числѣ которыхъ былъ и клави-оркестръ. Пятый, не находя уже мѣста въ нашихъ комнатахъ, былъ скромно помѣщенъ внизу лѣстницы, возлѣ швейцара.

Я написала въ Ревель къ своей бывшей ключницѣ и она тотчасъ же нашла, что̀ было мнѣ нужно: хорошенькую, меблированную комнату, съ маленькимъ садомъ. Это былъ флигель отъ большаго дома. Мой мужъ привезъ меня въ Ревель на пароходѣ и самъ помѣстилъ въ скромномъ моемъ жилищѣ. Онъ не забылъ, однакожъ, взять съ собою все, что̀ могло украсить его, и своими руками повѣсилъ занавѣсы, навязалъ бантовъ чтобы поддерживать ихъ, разложилъ ковры на полу и разставилъ мебель какъ можно удобнѣе. Черезъ два дня онъ уѣхалъ отъ меня. Дѣла призывали его въ Петербургъ, а я не слишкомъ желала удержать его, потому-что и у меня также были свои дѣла.

Проживъ два дня въ Ревелѣ, мой мужъ былъ совершенно восхищенъ спокойствіемъ и прелестью жизни, которою пользовались тамъ; уѣзжая, онъ обѣщалъ возвратиться, чтобы прожить тутъ нѣсколько недѣль.

Итакъ нельзя было терять ни одной минуты: едва онъ уѣхалъ, я горячо принялась за дѣло.

Я писала, писала какъ могла скорѣе и все-таки была еще далеко отъ конца, когда Осипъ Ивановичъ сдѣлалъ мнѣ сюрпризъ и пріѣхалъ съ Еленой прежде назначеннаго срока.

Какая радость, но также сколько заботъ! Какъ скрыть отъ него теперь мою тайну? Въ единственной комнатѣ, составлявшей мою квартиру, какъ буду я писать, такъ, чтобы онъ не замѣтилъ этого? Признаться — значило испортить все. Осипу Ивановичу и въ голову не приходило мое пред-

верхнемъ этажѣ находился самъ инструментъ а внизу весь духовой аппаратъ и человѣкъ, который долженъ былъ приводить его въ движеніе.

Кто бы не пришелъ въ отчаяніе отъ мысли разрушить подобную вещь, стоившую столько времени и мыслей, столько труда и денегъ. Кто имѣлъ бы довольно силы, чтобъ разобрать по кускамъ то, что̀ было соединено съ такимъ искусствомъ и составляло такое превосходное цѣлое? Но мужъ мой, не колеблясь нисколько, безъ малѣйшаго сожалѣнія далъ приказъ разрушать и самъ взялся за это дѣло. — Тутъ не было причины быть несчастной, говорилъ онъ; надо скорѣе радоваться. Благодаря этому переѣзду, я передѣлаю инструментъ по совершенно новому плану, лучше обдуманному чѣмъ первый, и который, въ особенности, будетъ гораздо больше соотвѣтствовать потребностямъ комнаты.

Огромный шкапъ, въ которомъ заключалось это музыкальное чудо, былъ совершенно опустошенъ. Послѣ роли, которую онъ игралъ, послѣ всего торжества, этотъ шкафъ, лишенный того, что̀ составляло его достоинство—былъ поставленъ въ темную комнату и спустился на степень платянаго шкапа. Потомъ, позже уже, этотъ бѣдный, разжалованный шкапъ поднялся однако на одну степень и сдѣлался альковомъ. Я до-сихъ-поръ сплю въ немъ и онъ всегда будитъ во мнѣ много, много воспоминаній.

Чтожъ касается до сокровищъ, заключавшихся въ этомъ шкапу, всѣхъ этихъ инструментовъ, съ такимъ трудомъ, съ такимъ тщаніемъ вставлен-

блистали надъ нашими головами. Осипъ Ивановичъ сказалъ мнѣ:—Милый другъ мой, знаешь ли, мнѣ кажется, я никогда не любилъ тебя такъ, какъ люблю въ эту минуту.

Ему такъ нравилась наша развалившаяся лачужка, что онъ почти все лѣто прожилъ въ ней. На слѣдующее лѣто, мы опять воротились туда же. Спокойная, простая жизнь въ Ревелѣ имѣла для насъ столько прелести, что мы намѣревались повторить еще наши поѣздки туда—но должно было случиться иначе.

Однако я умѣла совершенно сохранить мою тайну и если я имѣла какое-нибудь достоинство, то оно заключалось въ особенности, я думаю, въ такой полной скромности.

Только много мѣсяцевъ спустя, когда повѣсть моя была напечатана въ «Биб. для Чт.», мужъ мой узналъ объ ея существованіи. Его сужденіе не могло не быть пристрастнымъ. Я понимала это очень-хорошо; но все-таки я была очень счастлива, когда увидѣла его довольнымъ моимъ первымъ произведеніемъ, когда онъ самъ поощрилъ меня писать еще.

Я написала вторую повѣсть, въ которой заключались мои музыкальныя воспоминанія. Но мнѣ въ особенности хотѣлось писать о предметѣ, котораго никто не могъ знать такъ, какъ я и сдѣлать героемъ моей повѣсти того, котораго всегда носила въ сердцѣ. Это сочиненіе, написанное давно уже, по разнымъ причинамъ не было напечатано до-сихъ-поръ. Теперь я издамъ его какъ дополненіе къ этимъ воспоминаніямъ.

Семейство наше увеличилось окончательнымъ переселеніемъ къ намъ Елены и ея мужа. Они явились очень кстати. Старость приближалась, и мы чувствовали потребность имѣть около себя нѣжныхъ и преданныхъ дѣтей.

Уже со всѣхъ сторонъ горизонтъ омрачился. Неясные слухи, опасенія, въ которыхъ никто не хотѣлъ сознаться, уже предвѣщали ужасныя событія, которыхъ міръ былъ свидѣтелемъ въ эпоху такъ близкую къ намъ. Каждый старался обезпечить себя въ будущемъ, предупредить опасности, изъ которыхъ многія были только созданы испуганнымъ воображеніемъ, но бо̀льшая часть которыхъ не замедлила осуществиться.

Въ этомъ всеобщемъ сотрясеніи, гдѣ каждый мѣнялъ мѣсто, дѣлалъ новые планы, думалъ только о своей безопасности, мужъ мой оставался спокоенъ, безстрастенъ и не хотѣлъ отказаться отъ нашего любимаго предположенія ѣхать на лѣто въ Ревель. Это предположеніе было оставлено только тогда, когда обстоятельства уже сдѣлали исполненіе невозможнымъ. Война была объявлена и Ревель становился необитаемъ. Самый домикъ, гдѣ я была такъ счастлива, гдѣ мужъ мой такъ любилъ меня, не существовалъ уже болѣе. Онъ былъ снятъ и всѣ окружавшіе его строенія подверглись той же участи.

Чтожъ станемъ мы дѣлать лѣтомъ? Останемся ли мы на всѣ ясные дни въ заперти, не будемъ дышать свѣжимъ воздухомъ? Мой мужъ тотчасъ объявилъ, что онъ не предприметъ никакого путешествія, что такая издержка была бы ему не по

поѣдетъ въ Петербургъ съ дядей, а черезъ нѣсколько времени мужъ пріѣдетъ за нею.

Осипъ Ивановичъ пріѣхалъ въ Петербургъ къ Рождеству. Дѣла «Биб. для Чт.» были въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ и болѣе чѣмъ когда-нибудь замѣтно было отсутствіе главнаго надзора. Но поправить зло не было уже никакой возможности. Оно уже слишкомъ закоренѣло, слишкомъ глубоко пустило корни. Надо было искать новыхъ средствъ, потому-что старыя видимо ужъ никуда не годились.

Однако теперь не время было заниматься непріятными дѣлами. Нѣсколько недѣль, два мѣсяца не могли еще причинить разоренія. Мой мужъ воротился, чтобъ веселиться, а не длятого, чтобы отчаяваться. Онъ привезъ съ собою племянницу. Надо было забавлять, развлекать ее немножко, а не окружать скукой и заботами.

Постоянно возрастающее разстройство нашихъ дѣлъ не выказалось теперь ни въ чемъ. Два мѣсяца прошли очень пріятно. Театры, маскарады, концерты и магазины посѣщались ежедневно. Осипъ Ивановичъ думалъ, что, раздѣляя развлеченія, которыя доставлялъ Еленѣ, найдетъ и свою пользу, но на дѣлѣ вышло иначе. Здоровье его, оживленное роднымъ воздухомъ, стало опять видимо ослабѣвать.

Вѣроятно, что мужъ мой сильно безпокоился о будущемъ, хотя и скрывалъ это отъ меня подъ видомъ совершенной безпечности. Я съ горемъ видѣла дурное состояніе его здоровья, безъ сомнѣнія еще усиленное дурнымъ положеніемъ дѣлъ.

былъ дорогъ ему, хотя онъ теперь и менѣе занимался имъ. Но мысль его всегда любила блуждать въ этихъ высшихъ сферахъ и находить тамъ миръ и спокойствіе. Такимъ образомъ, вѣроятно, явилась къ нему и мысль объ усовершенствованіи, которому могла бы подвергнуться скрипка.

Мы постоянно имѣли дома хоть одного хорошаго мастероваго, который, судя по надобностямъ, дѣлался обойщикомъ, маляромъ, даже механикомъ, подъ руководствомъ моего мужа. Въ тотъ же день, возвращаясь домой, послѣ напрасныхъ поисковъ квартиры, Осипъ Ивановичъ купилъ скрипку. Она была очень посредственнаго достоинства, но это то и нужно было, потому-что она назначалась къ совершенной передѣлкѣ.

Мой мужъ тотчасъ же посадилъ за дѣло своего мастероваго, и заставилъ его дѣлать вещи, которыя умъ его не могъ понимать, но искусная и опытная рука могла исполнить. Однакожъ, рядомъ со скрипкою, продолжалось и разыскиваніе квартиры. Однажды, возвратясь домой, Осипъ Ивановичъ объявилъ намъ, что нашелъ наконецъ то, что̀, кажется, могло годиться намъ. Маленькій домикъ, недалеко отъ центра города, такой величины, какой нужно для нашего семейства; при немъ большой садъ; это было то, что̀ мы искали: удобство города и дачи, соединенные вмѣстѣ.

По вѣрному и подробному описанію, я думала такъ. Одна статья была еще неизвѣстна и это была именно та, которая должна была рѣшить вопросъ: цѣна квартиры.

Дворникъ не зналъ ея, но обѣщалъ передать

одного работника въ домѣ и что подлѣ меня онъ желалъ находить только отдохновеніе. Онъ хотѣлъ видѣть меня свободною отъ всѣхъ заботъ, избавить меня отъ всѣхъ литературныхъ терній, которые довольно заставили страдать его.

Слишкомъ снисходительные друзья мои совѣтовали мнѣ, однакожъ, писать; удивлялись, что досихъ-поръ я не писала, и увѣряли, что я имѣю способность для этого.

Правду ли говорили мои друзья — этого я не знаю; но что̀ я знала навѣрно, такъ это то, что дѣла наши шли хуже со дня на день. Тогда-то пришла мнѣ мысль начать писать и посмотрѣть, правду ли говорили мои друзья.

Я хотѣла однакожъ сдѣлать изъ этого тайну для моего мужа, потому-что онъ вѣроятно сталъ бы противиться моему намѣренію, а я во что̀ бы то ни стало хотѣла помогать ему.

Отъѣздъ его въ Москву явился какъ нельзя болѣе кстати. Сюжетъ первой моей повѣсти былъ уже найденъ, мнѣ только нужно было еще нѣсколько дней уединенія, чтобъ разработать и привести въ порядокъ свои мысли.

Пребываніе Осипа Ивановича въ Москвѣ продлилось, однакожъ, гораздо дольше чѣмъ онъ предполагалъ и по очень грустной причинѣ. Пріѣхавъ въ Москву, онъ занемогъ. Не смотря на заботы семейства К., на ихъ нѣжный, усердный уходъ, онъ долго не могъ оправиться достаточно, чтобы выходить. Выздоровленіе его длилось и ему не позволяли ѣхать. Однако онъ все писалъ мнѣ письма, милыя какъ всегда, и такъ заботливо скры-

валъ состояніе своего здоровья, что я не очень безпокоилась.

Я съ нетерпѣніемъ ждала возвращенія Осипа Ивановича, потому-что видѣла, что одна не могу справиться съ дѣлами, тѣмъ болѣе, что были люди, готовые воспользоваться моей неопытностію. У меня старались обобрать даже то немногое, что̀ у меня было!

Посреди этихъ заботъ, голова моя не была довольно свободна для того, чтобы я могла спокойно заняться литературой. Я отложила это до лѣта.

Мы условились, когда мужъ мой возвратится счастливо изъ Москвы, что я на лѣто поѣду въ Ревель. Настоящей причиной этой поѣздки было то, что я хотѣла быть одна, чтобы писать; но причина, которую я сказала моему мужу, было желаніе поправить мое здоровье и дешевая, почти ничего нестоющая жизнь въ Ревелѣ. Тамъ меня почти никто не зналъ: я могла довольствоваться одной комнатой и прислугой превосходной женщины, жившей у насъ болѣе двадцати лѣтъ, а теперь поселившейся въ Ревелѣ.

Мнѣ было тяжело бѣжать такимъ образомъ отъ мужа, но горе разлуки облегчалось надеждою, что я буду ему полезна. Къ томужъ и оставшись въ Петербургѣ, я все-таки была бы разлучена съ нимъ: онъ слишкомъ привыкъ путешествовать и, вѣроятно, на лѣто опять уѣхалъ бы куда-нибудь. Осипъ Ивановичъ чрезвычайно обрадовался тому, что я хотѣла ѣхать. Онъ поздравилъ меня съ тѣмъ, что я наконецъ перестала быть улиткой, прилѣпленной къ своей скалѣ.

Я написала въ Ревель къ своей бывшей ключницѣ и она тотчасъ же нашла, что̀ было мнѣ нужно: хорошенькую, меблированную комнату, съ маленькимъ садомъ. Это былъ флигель отъ большаго дома. Мой мужъ привезъ меня въ Ревель на пароходѣ и самъ помѣстилъ въ скромномъ моемъ жилищѣ. Онъ не забылъ, однакожъ, взять съ собою все, что̀ могло украсить его, и своими руками повѣсилъ занавѣсы, навязалъ бантовъ чтобы поддерживать ихъ, разложилъ ковры на полу и разставилъ мебель какъ можно удобнѣе. Черезъ два дня онъ уѣхалъ отъ меня. Дѣла призывали его въ Петербургъ, а я не слишкомъ желала удержать его, потому-что и у меня также были свои дѣла.

Проживъ два дня въ Ревелѣ, мой мужъ былъ совершенно восхищенъ спокойствіемъ и прелестью жизни, которою пользовались тамъ; уѣзжая, онъ обѣщалъ возвратиться, чтобы прожить тутъ нѣсколько недѣль.

Итакъ нельзя было терять ни одной минуты: едва онъ уѣхалъ, я горячо принялась за дѣло.

Я писала, писала какъ могла скорѣе и все-таки была еще далеко отъ конца, когда Осипъ Ивановичъ сдѣлалъ мнѣ сюрпризъ и пріѣхалъ съ Еленой прежде назначеннаго срока.

Какая радость, но также сколько заботъ! Какъ скрыть отъ него теперь мою тайну? Въ единственной комнатѣ, составлявшей мою квартиру, какъ буду я писать, такъ, чтобы онъ не замѣтилъ этого? Признаться — значило испортить все. Осипу Ивановичу и въ голову не приходило мое пред-

пріятіе, но онъ зналъ мой вкусъ, зналъ мои привычки и пріѣхалъ, говорилъ онъ, не затѣмъ, чтобы мѣшать мнѣ. Онъ зналъ, что я встаю очень рано и посвящаю музыкѣ первые часы дня. Устроились такъ, что мужъ мой и Елена поселятся въ полуразвалившемся домикѣ нашей ключницы, а я останусь спокойно во владѣніи моей комнаты. Въ десять или одиннадцать часовъ мы будемъ сходиться, чтобы проводить уже весь день вмѣстѣ. Больше мнѣ ничего не нужно было и каждое утро съ пяти часовъ я садилась марать бумагу. Въ десять часовъ я бѣжала будить моего милаго мужа и мы проводили время такимъ образомъ, который напоминалъ блаженство самаго очаровательнаго медоваго мѣсяца.

Ничто не можетъ сравниться съ прелестью этихъ простыхъ чудесныхъ дней, когда мы жили какъ простые поселяне, избавленныя хотя на время отъ всѣхъ этихъ фантастическихъ нуждъ и необходимостей, которыя заковываютъ людей въ свои цѣпи. Мы сами ходили покупать провизію, жили почти въ развалинѣ, безпрестанно чего-нибудь недоставало; но зато сколько вознагражденій!

Опять я была одна съ геніальнымъ человѣкомъ, опять онъ былъ моею исключительной собственностью, я обладала сокровищемъ и мнѣ могли позавидовать всѣ счастливцы въ мірѣ. Мы были такъ счастливы въ Ревелѣ, какъ давно уже не бывали.

Однажды вечеромъ, луна свѣтила на насъ своимъ тихимъ, спокойнымъ свѣтомъ, тысячи звѣздъ

дворъ; въ концѣ его я вижу два дерева и три кусточка.

— Тамъ, вѣрно, начинается садъ? спросила я мужа.

— Нѣтъ, онъ тамъ оканчивается, отвѣчалъ онъ.

— Но гдѣ же онъ? я его не вижу.

— Какъ, ты не видишь все это пространство?

— Дѣйствительно, дворъ несоразмѣренъ съ домомъ, но все-таки тутъ только мостовая, но ни слѣда, ни тѣни сада.

— Мѣсто есть, это главное! а что̀ касается до остальнаго, то развѣ ты еще не знаешь своего мужа? развѣ ты не знаешь, что онъ умѣетъ всегда найти средства.

Я знала это очень хорошо и снова воспоминаніе Почтамской улицы пугало меня. Я слишкомъ хорошо помнила, чего стоилъ тамъ садъ, который все-таки не надо было планировать, какъ предстояло здѣсь. Я откровенно призналась мужу въ томъ, чего боялась.

— Ты не понимаешь, мой другъ, что здѣсь совсѣмъ иное дѣло. Тамъ надо было дѣлать все разомъ, потому-что мы нанимали домъ, на условленное число лѣтъ, здѣсь же это на всю нашу жизнь. Этотъ домъ будетъ служить намъ занятіемъ, удовольствіемъ, и не стѣсняясь нисколько, не торопясь, мы устроимъ мало-по-малу все.

Всѣ остальныя затрудненія, которыя представлялись, были точно также отклонены моимъ мужемъ, потому-что теперь онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я купила себѣ домъ и пристроила бы свой капиталъ. Сумма, которой я могла располагать,

была недостаточна, но посредствомъ залога въ банкъ и продажи нѣкоторыхъ вещей, какъ напримѣръ экипажей, совершенно ненужныхъ намъ, и съ соблюденіемъ на нѣкоторое время, большой экономіи, мы устроили дѣло довольно хорошо.

Итакъ я видѣла домъ; это было все, чего желалъ мой мужъ. Теперь онъ снова взялъ съ меня торжественное обѣщаніе, что я не увижу его болѣе до-тѣхъ-поръ, какъ уже переѣду жить въ него совершенно.

Я отъ всего сердца дала ему это обѣщаніе и предоставила ему удовольствіе приготовить мнѣ нечаянность.

Въ жизни моего мужа, такъ необыкновенно занятой, это была эпоха, гдѣ онъ выказалъ дѣятельность еще болѣе удивительную, чѣмъ когда-нибудь.

Несмотря на трудность писать въ то время, несмотря на то, что интересы войны почти совершенно уничтожили интересъ литературный, мой мужъ чувствовалъ, что надо было употребить всѣ возможныя средства, чтобъ поддержать «Биб. для Чт.». Онъ писалъ, зная, что три четверти его работы будетъ вымарано, иногда даже все, что онъ сдѣлалъ, и, съ самыми благонамѣренными мыслями, онъ долженъ былъ переносить оскорбленіе какъ виновный, не смотря на свою невинность. Онъ занятъ былъ тогда нѣсколькими очень важными статьями, за которыми, по неизмѣнной привычкѣ своей, онъ работалъ по ночамъ. Въ восемь часовъ утра онъ отправлялся въ новый домъ осмотрѣть работы, которыя шли вчетверо скорѣе

и лучше подъ его надзоромъ. Тамъ онъ ничего не кушалъ и возвращался домой только къ обѣду, который у него не имѣлъ назначеннаго часа и въ это время измѣнялся отъ четырехъ до шести часовъ.

Каждый подумаетъ, что возвратясь домой, страшный голодъ тотчасъ заставилъ бы его сѣсть за столъ. Ничуть не бывало! ему некогда было думать объ обѣдѣ, чувствовать голодъ.

Едва возвращался онъ домой, какъ милый, любезный предметъ поглощалъ всѣ его мысли, все его вниманіе. Прежде всего, даже прежде чѣмъ снять шляпу и пальто, надо было взглянуть, что́ сдѣлалъ въ его отсутствіе Яковъ столяръ. Надо было взять въ руки дорогую скрипку, это послѣднее чадо дѣятельнаго воображенія моего мужа. Рѣдко случалось, чтобъ Яковъ не сдѣлалъ въ его отсутствіе двадцать ошибокъ, двадцать оплошностей. Осипъ Ивановичъ часто нетерпѣливый въ мелочахъ, въ вещахъ важныхъ имѣлъ терпѣніе безграничное. Онъ говорилъ, что это единственное средство достигнуть чего-нибудь и что безъ этого всѣ другіе способы были совершенно безполезны. Онъ любилъ при этомъ случаѣ цитировать извѣстное слово, что «терпѣніе есть геній».

И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы бранить Якова, горячиться и тратить дорогое время, Осипъ Ивановичъ бралъ въ руки скрипку и съ невозмутимымъ терпѣніемъ поправлялъ одну за одною всѣ ошибки, сдѣланныя въ его отсутствіе.

Въ такомъ интересномъ занятіи онъ не замѣчалъ, какъ проходило время. Онъ оставался гл-

на всѣ мои просьбы, когда я уговаривала его съѣсть что-нибудь или, по-крайней-мѣрѣ, сбросить съ себя пальто.

Когда всѣ ошибки были выправлены и наставленія, самыя подробныя, даны для будущаго времени, мужъ мой соглашался наконецъ удовлетворить требованія природы. Онъ на скоро кушалъ, засыпалъ на нѣсколько часовъ, чтобъ быть въ силахъ писать ночью и на завтра начать ту же жизнь.

Около шести недѣль прошло такимъ образомъ. Домъ далеко еще не былъ готовъ, но въ немъ можно было по-крайней-мѣрѣ жить, а квартиру въ которой мы жили, надо было очистить, потому-что на нее уже нашелся охотникъ.

Пріѣхавъ въ домъ, который я видѣла однажды и только мелькомъ, удивленіе мое снова было велико и чрезвычайно пріятно. Какъ умѣлъ мой мужъ въ такое короткое время измѣнить грязный, заваленный дворъ, въ прелестный садикъ, весь зеленый, весь полный цвѣтовъ — это была его тайна. Я его не разспрашивала; я знала что иногда онъ любилъ держать втайнѣ то, что̀ дѣлалъ. Я удовольствовалась тѣмъ, что благодарила его отъ всего сердца за все, что̀ онъ сдѣлалъ для меня. Огромная перемѣна, сдѣланная во дворѣ, не распространялась еще на домъ. Тамъ, пока, мой мужъ сдѣлалъ только то, что̀ было необходимо. Чтобъ сдѣлать изъ него то, что мой мужъ хотѣлъ сдѣлать, нужно было время и въ особенности деньги.

Мы поселились въ этомъ домѣ, съ намѣреніемъ

прожить въ немъ всю нашу жизнь и не ѣздить даже на дачу.

30 мая 1854 года, мы переѣхали въ него; мой мужъ не прожилъ въ немъ и четырехъ лѣтъ.

Домъ былъ маленькій, ровно такой, какой былъ нуженъ для нашего семейства. Мой мужъ и я занимали верхній этажъ; Елена съ мужемъ жили внизу.

Покупка дома и его устройство совершенно истощили наши денежныя средства и болѣе чѣмъ когда-нибудь мы должны были держаться строгой экономіи.

Это была тяжелая, трудная школа, въ которой Осипъ Ивановичъ всегда оставался школьникомъ. Ему казалось, что даже тогда, когда кошелекъ его былъ совершенно пустъ, не давать, не быть щедрымъ, значило быть алчнымъ, скупымъ, а онъ ненавидѣлъ скупыхъ.

Не смотря на недостатокъ, въ которомъ мы жили, онъ еще находилъ средства дѣлать добро и помогъ бѣдному семейству, обремененному дѣтьми и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Теперь давать было нечего, а чтобы содержать мужа, жену и четверыхъ маленькихъ дѣтей, нужны были средства, какими давно уже мы не могли располагать. Однакожъ бросить ихъ на произволъ ихъ несчастной судьбы было бы слишкомъ жестоко. Бѣдняку угрожала тюрьма за долги, а у насъ не было денегъ, чтобы заплатить за него. Осипу Ивановичу пришла въ голову мысль, которая могла вывести изъ затрудненія всѣхъ насъ.

Бѣднякъ былъ прежде папиросный фабрикантомъ. Онъ казался честнымъ, смышленымъ и

если торговля его, нѣсколько времени процвѣтавшая, не удалась ему, въ этомъ не было его вины; онъ это ясно доказывалъ. Несчастныя обстоятельства, совершенно отъ него независящія, одни были тому причиной. Осипъ Ивановичъ рѣшился самъ занять денегъ и доставить ему средства начать опять торговать. Ведя дѣла свои съ большой осторожностью и опытностью, онъ долженъ былъ непремѣнно обезпечить свое семейство и дать ему средства къ существованію. Современемъ, онъ могъ барышами уплачивать намъ то, что мы истратили для него, и даже увеличить нашъ скромный доходъ. Но, нельзя было терять ни минуты. Неумолимый кредиторъ грозилъ должнику тюрьмою. Нѣсколько золотыхъ вещей было заложено въ ломбардъ, чтобъ пособить самой спѣшной необходимости. Вскорѣ мужъ мой нашелъ денегъ, правда на очень тяжелыхъ условіяхъ, но дѣлать было нечего; это могло современемъ вознаградиться. Главное дѣло заключалось въ томъ, чтобы семейство папироснаго фабриканта было пристроено.

Это дѣло и все устройство его были новымъ упражненіемъ для дѣятельности Осипа Ивановича.

Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, онъ сдѣлалъ болѣе чѣмъ долженъ былъ бы сдѣлать, и справился не съ средствами своими, а только съ желаніями. Деньги, которыя далъ онъ, были вскорѣ истрачены на первоначальное обзаведеніе и на содержаніе семьи. Надо было дать еще и еще, то есть войти самимъ еще болѣе въ долги, потому-что мы занимали эти деньги. Мы не могли ничего удѣлить

тъ нашего дохода, который еще уменьшился на половину, вслѣдствіе новыхъ распоряженій съ редакціей «Биб. для Чт.». Дѣла фабриканта шли худо. Онъ приписывалъ это войнѣ, которая лишала Петербургъ лучшей практики—военныхъ, и основывалъ всѣ надежды свои на мирѣ. Но я думаю, что онъ еще болѣе разсчитывалъ на вѣчно-открытый кошелекъ моего мужа, потому-что безпрерывно являлся за деньгами, увѣряя каждый разъ, что это уже въ послѣдній.

Однакожъ мужъ мой, удовлетворивъ безчисленнымъ просьбамъ, увидѣлъ наконецъ, что это не могло вѣчно продолжаться такимъ образомъ и что слишкомъ безпечный фабрикантъ долженъ былъ, наконецъ, перестать разсчитывать на него. Осипъ Ивановичъ уже передавалъ ему 6,500 руб. сер., сумма огромная для небольшихъ средствъ нашихъ и которую мы должны были сами уплатить, потому-что отъ фабриканта видимо нечего было ожидать. Осипъ Ивановичъ отдалъ ему фабрику, все, что̀ находилось въ ней, и доходъ, который могла она еще приносить, съ однимъ условіемъ, не спрашивать у него больше денегъ. Такимъ образомъ онъ, хотя съ большимъ трудомъ, но отдѣлался отъ него.

Эта исторія причинила много заботъ и досады бѣдному мужу моему. Онъ поступилъ неблагоразумно, взявъ на себя слишкомъ много, и теперь онъ собралъ только горькіе плоды своей неосмотрительной и слишкомъ снисходительной доброты.

По счастію въ то время, какъ наши дѣла шли такъ худо, дѣла мужа Елены видимо улучшались

ло дѣломъ очень труднымъ. Трудно было дѣлить доходы такъ, чтобы всѣ остались довольны, и самое благоразумное было бы продать домъ тотчасъ послѣ смерти маменьки.

Но это представляло опять большія затрудненія: наслѣдники не могли согласиться между собой и нѣкоторые изъ нихъ находили несправедливымъ и незаконнымъ раздѣлъ, назначенный Государемъ и который ровнялъ права сыновей и дочерей. Но наконецъ все имѣетъ свой конецъ, и благодѣтельной судьбѣ угодно было, чтобы въ то самое время, когда мы вздумали покупать себѣ домъ—отцовскій домъ былъ проданъ и моя доля отдана мнѣ.

Мой мужъ справедливо предполагалъ, что мнѣ всего пріятнѣе будетъ употребить эти деньги на то, что̀ онъ предлагалъ мнѣ, и что̀ должно было разъ, навсегда, положить конецъ нашей цыганской жизни. Однако предложеніе это было такъ внезапно, такъ неожиданно, что я не знала, какъ отвѣчать на него, и сказала, что мнѣ кажется необходимымъ, прежде чѣмъ сказать *да* или *нѣтъ*, посмотрѣть домъ, который предлагами мнѣ купить.

Управляющій нашелъ, что это было совершенно справедливо, и мы всѣ трое отправились смотрѣть его.

Наружность дома расположила меня въ его пользу. Это было то, чего можно было требовать за эту цѣну. Но пойдемъ дальше; прежде комнатъ я хочу видѣть садъ; это главное, потому-что мы покупаемъ домъ въ городѣ для того, чтобы не имѣть издержекъ на дачу. Возлѣ дома, большой

дворъ; въ концѣ его я вижу два дерева и три кусточка.

— Тамъ, вѣрно, начинается садъ? спросила я мужа.

— Нѣтъ, онъ тамъ оканчивается, отвѣчалъ онъ.

— Но гдѣ же онъ? я его не вижу.

— Какъ, ты не видишь все это пространство?

— Дѣйствительно, дворъ несоразмѣренъ съ домомъ, но все-таки тутъ только мостовая, но ни слѣда, ни тѣни сада.

— Мѣсто есть, это главное! а что̀ касается до остальнаго, то развѣ ты еще не знаешь своего мужа? развѣ ты не знаешь, что онъ умѣетъ всегда найти средства.

Я знала это очень хорошо и снова воспоминаніе Почтамской улицы пугало меня. Я слишкомъ хорошо помнила, чего стоилъ тамъ садъ, который все-таки не надо было планировать, какъ предстояло здѣсь. Я откровенно призналась мужу въ томъ, чего боялась.

— Ты не понимаешь, мой другъ, что здѣсь совсѣмъ иное дѣло. Тамъ надо было дѣлать все разомъ, потому-что мы нанимали домъ, на условленное число лѣтъ, здѣсь же это на всю нашу жизнь. Этотъ домъ будетъ служить намъ занятіемъ, удовольствіемъ, и не стѣсняясь нисколько, не торопясь, мы устроимъ мало-по-малу все.

Всѣ остальныя затрудненія, которыя представлялись, были точно также отклонены моимъ мужемъ, потому-что теперь онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я купила себѣ домъ и пристроила бы свой капиталъ. Сумма, которой я могла располагать,

была недостаточна, но посредствомъ залога въ банкъ и продажи нѣкоторыхъ вещей, какъ напримѣръ экипажей, совершенно ненужныхъ намъ, и съ соблюденіемъ на нѣкоторое время, большой экономіи, мы устроили дѣло довольно хорошо.

Итакъ я видѣла домъ; это было все, чего желалъ мой мужъ. Теперь онъ снова взялъ съ меня торжественное обѣщаніе, что я не увижу его болѣе до-тѣхъ-поръ, какъ уже переѣду жить въ него совершенно.

Я отъ всего сердца дала ему это обѣщаніе и предоставила ему удовольствіе приготовить мнѣ нечаянность.

Въ жизни моего мужа, такъ необыкновенно занятой, это была эпоха, гдѣ онъ выказалъ дѣятельность еще болѣе удивительную, чѣмъ когда-нибудь.

Несмотря на трудность писать въ то время, несмотря на то, что интересы войны почти совершенно уничтожили интересъ литературный, мой мужъ чувствовалъ, что надо было употребить всѣ возможныя средства, чтобъ поддержать «Биб. для Чт.». Онъ писалъ, зная, что три четверти его работы будетъ вымарано, иногда даже все, что онъ сдѣлалъ, и, съ самыми благонамѣренными мыслями, онъ долженъ былъ переносить оскорбленіе какъ виновный, не смотря на свою невинность. Онъ занятъ былъ тогда нѣсколькими очень важными статьями, за которыми, по неизмѣнной привычкѣ своей, онъ работалъ по ночамъ. Въ восемь часовъ утра онъ отправлялся въ новый домъ осмотрѣть работы, которыя шли вчетверо скорѣе

и лучше подъ его надзоромъ. Тамъ онъ ничего не кушалъ и возвращался домой только къ обѣду, который у него не имѣлъ назначеннаго часа и въ это время измѣнялся отъ четырехъ до шести часовъ.

Каждый подумаетъ, что возвратясь домой, страшный голодъ тотчасъ заставилъ бы его сѣсть за столъ. Ничуть не бывало! ему некогда было думать объ обѣдѣ, чувствовать голодъ.

Едва возвращался онъ домой, какъ милый, любезный предметъ поглощалъ всѣ его мысли, все его вниманіе. Прежде всего, даже прежде чѣмъ снять шляпу и пальто, надо было взглянуть, что́ сдѣлалъ въ его отсутствіе Яковъ столяръ. Надо было взять въ руки дорогую скрипку, это послѣднее чадо дѣятельнаго воображенія моего мужа. Рѣдко случалось, чтобъ Яковъ не сдѣлалъ въ его отсутствіе двадцать ошибокъ, двадцать оплошностей. Осипъ Ивановичъ часто нетерпѣливый въ мелочахъ, въ вещахъ важныхъ имѣлъ терпѣніе безграничное. Онъ говорилъ, что это единственное средство достигнуть чего-нибудь и что безъ этого всѣ другіе способы были совершенно безполезны. Онъ любилъ при этомъ случаѣ цитировать извѣстное слово, что «терпѣніе есть геній».

И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы бранить Якова, горячиться и тратить дорогое время, Осипъ Ивановичъ бралъ въ руки скрипку и съ невозмутимымъ терпѣніемъ поправлялъ одну за одною всѣ ошибки, сдѣланныя въ его отсутствіе.

Въ такомъ интересномъ занятіи онъ не замѣчалъ, какъ проходило время. Онъ оставался гл-

на всѣ мои просьбы, когда я уговаривала его съѣсть что-нибудь или, по-крайней-мѣрѣ, сбросить съ себя пальто.

Когда всѣ ошибки были выправлены и наставленія, самыя подробныя, даны для будущаго времени, мужъ мой соглашался наконецъ удовлетворить требованія природы. Онъ на скоро кушалъ, засыпалъ на нѣсколько часовъ, чтобъ быть въ силахъ писать ночью и на завтра начать ту же жизнь.

Около шести недѣль прошло такимъ образомъ. Домъ далеко еще не былъ готовъ, но въ немъ можно было по-крайней-мѣрѣ жить, а квартиру въ которой мы жили, надо было очистить, потому-что на нее уже нашелся охотникъ.

Пріѣхавъ въ домъ, который я видѣла однажды и только мелькомъ, удивленіе мое снова было велико и чрезвычайно пріятно. Какъ умѣлъ мой мужъ въ такое короткое время измѣнить грязный, заваленный дворъ, въ прелестный садикъ, весь зеленый, весь полный цвѣтовъ — это была его тайна. Я его не разспрашивала; я знала что иногда онъ любилъ держать втайнѣ то, что̀ дѣлалъ. Я удовольствовалась тѣмъ, что благодарила его отъ всего сердца за все, что̀ онъ сдѣлалъ для меня. Огромная перемѣна, сдѣланная во дворѣ, не распространялась еще на домъ. Тамъ, пока, мой мужъ сдѣлалъ только то, что̀ было необходимо. Чтобъ сдѣлать изъ него то, что мой мужъ хотѣлъ сдѣлать, нужно было время и въ особенности деньги.

Мы поселились въ этомъ домѣ, съ намѣреніемъ

прожить въ немъ всю нашу жизнь и не ѣздить даже на дачу.

30 мая 1854 года, мы переѣхали въ него; мой мужъ не прожилъ въ немъ и четырехъ лѣтъ.

Домъ былъ маленькій, ровно такой, какой былъ нуженъ для нашего семейства. Мой мужъ и я занимали верхній этажъ; Елена съ мужемъ жили внизу.

Покупка дома и его устройство совершенно истощили наши денежныя средства и болѣе чѣмъ когда-нибудь мы должны были держаться строгой экономіи.

Это была тяжелая, трудная школа, въ которой Осипъ Ивановичъ всегда оставался школьникомъ. Ему казалось, что даже тогда, когда кошелекъ его былъ совершенно пустъ, не давать, не быть щедрымъ, значило быть алчнымъ, скупымъ, а онъ ненавидѣлъ скупыхъ.

Не смотря на недостатокъ, въ которомъ мы жили, онъ еще находилъ средства дѣлать добро и помогъ бѣдному семейству, обремененному дѣтьми и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Теперь давать было нечего, а чтобы содержать мужа, жену и четверыхъ маленькихъ дѣтей, нужны были средства, какими давно уже мы не могли располагать. Однакожъ бросить ихъ на произволъ ихъ несчастной судьбы было бы слишкомъ жестоко. Бѣдняку угрожала тюрьма за долги, а у насъ не было денегъ, чтобы заплатить за него. Осипу Ивановичу пришла въ голову мысль, которая могла вывести изъ затрудненія всѣхъ насъ.

Бѣднякъ былъ прежде папироснымъ фабрикантомъ. Онъ казался честнымъ, смышленнымъ и

мѣстѣ, гдѣ остановились другіе. Онъ продолжалъ безпрерывно свои изслѣдованія, и каждый шагъ, который онъ дѣлалъ, усиливалъ его очарованіе.

Я не обладаю даже первоначальными элементами науки, которые помогли бы мнѣ передать понятнымъ языкомъ то, что̀ я понимала очень хорошо въ тѣ минуты, когда онъ толковалъ мнѣ свою теорію такъ подробно, такъ ясно, такъ увлекательно. Его толкованія и остаются ясными и неприкосновеннымъ въ моей памяти, но я не могу передать ихъ: боюсь употребить неточныя выраженія и дать только фальшивое понятіе о томъ, что̀ слышала. Скажу только, что онъ создалъ себѣ особую теорію движенія небесныхъ сферъ и нашелъ совершенно новый законъ или, можетъ-быть, новое примѣненіе и новое объясненіе закона уже извѣстнаго. Этого я не умѣю рѣшить. Но объ этихъ законахъ, управляющихъ всею вселенной, говорилъ онъ мнѣ, никто никогда еще не думалъ. У него все соприкасалось, все относилось одно къ другому, все дополнялось такимъ образомъ, что выходила такая гармонія, которая возбуждала въ немъ глубочайшее удивленіе и благоговѣніе къ чудесамъ мірозданія.

Чего никто никогда не думалъ соединять, относя къ двумъ совершенно различнымъ категоріямъ, то у Осипа Ивановича согласовалось, соединялось совершенно въ одно.

Міръ звуковъ, музыка, которая есть ничто иное, какъ слѣдствіе вибраціи воздуха, подчинялись, по его словамъ, тѣмъ же законамъ, которые упра-

вляютъ ходомъ звѣздъ и означаютъ мѣста ихъ во вселенной.

Больше говорить я не стану. И то уже я можетъ-быть слишкомъ много сказала и слова мои, темныя, запутанныя, могутъ только запутать моихъ читателей. Я войду лучше опять въ мою сферу и разскажу, какъ проводилъ тогда время Осипъ Ивановичъ.

Можетъ-быть первый разъ въ жизни, мужъ мой работалъ собственно для себя, безъ другой цѣли, кромѣ желанія удовольствія и покоя, безъ другой прибыли, кромѣ невыразимаго счастія безпрерывно любоваться дѣлами Создателя, измѣрять ихъ глубину и проникаться все болѣе и болѣе ихъ величіемъ и чудной гармоніей. Чѣмъ больше углублялся онъ въ этотъ неисчерпаемый предметъ, тѣмъ болѣе находилъ причинъ къ удивленію и тѣмъ болѣе также жаждалъ онъ идти все далѣе и далѣе и дѣлать новыя открытія, которыя поведутъ его еще дальше, туда, гдѣ никто не указывалъ ему дороги, но гдѣ, благодаря вновь найденному свѣту, онъ будетъ умѣть направиться одинъ.

Теперь онъ работалъ не какъ поденщикъ, работа не была заказана къ условленному дню и часу; ему не нужно было оканчивать ее ночью и торопиться днемъ. Онъ работалъ для своего удовольствія и могъ заниматься какъ и когда ему хотѣлось. Онъ такъ и дѣлалъ, и потому безпрерывно занимался работою, которая имѣла для него самый сильный интересъ, и въ которой онъ находилъ спокойствіе и даже счастіе. Вырвать его изъ этого состоянія было бы жестоко. Я всегда

и ему уже не нужно было жить на счетъ Осипа Ивановича. Онъ могъ войти въ половину домашнихъ издержекъ, удвоенныхъ ихъ присутствіемъ. Такое облегченіе было тогда для насъ очень важно.

Изъ всѣхъ потерь, денежныя мужъ мой чувствовалъ менѣе всего. Онъ говорилъ, что онѣ всего легче вознаграждаются. Сегодня человѣкъ богатъ, завтра онъ бѣденъ; это совершенно все равно. Главное—не приписывать важности тому, что въ дѣйствительности не стоитъ этого.

Это не были слова, сказанныя на вѣтеръ. Мой мужъ подтверждалъ ихъ своими дѣйствіями и однажды освободившись отъ фабриканта и его папиросъ, онъ уже не думалъ объ нихъ; какъ будто бы они никогда и не существовали. Онъ уже не думалъ о деньгахъ, которыхъ не суждено было ему видѣть, но которыя однакожъ онъ самъ долженъ былъ уплатить тому, у кого занималъ ихъ.

Папиросы и денежные заботы не заставили, однакожъ, Осипа Ивановича пренебречь дѣломъ болѣе важнымъ—его милою скрипкою. Тутъ уже успѣхъ былъ полный. Звукъ ея сдѣлался восхитителенъ. Смѣлое нововведеніе улучшило скрипку удивительнымъ образомъ. Но чтобы она произвела весь свой эффектъ, одно условіе было необходимо.

Чтобъ не затрудняться перемѣною или, вѣрнѣе, прибавкою, которую мужъ мой сдѣлалъ въ скрипкѣ, чтобъ вполнѣ воспользоваться этимъ улучшеніемъ, надо было владѣть огромнымъ механизмомъ, которому ни по чемъ были бы всѣ трудности и который не остановился бы на препятствіяхъ, необходимо вызываемыхъ каждымъ нововведе-

С. ушелъ, мой мужъ передалъ мнѣ его
ченіе и спросилъ, что̀ я объ этомъ думаю
посовѣтую ему дѣлать. Я повторила Осипу
чу то, что̀ уже говорила С. Въ глазахъ мо-
было одно только препятствіе, но оно было
шко, что всѣ остальныя исчезали передъ
му уже нельзя будетъ спокойно заниматься
ой и занимательной работой, которую при-
зпрерывно оставлять, чтобы писать фелье-
ерѣшимость Осипа Ивановича была вели-
трудно было удалиться отъ того, что̀ дало
и счастіе, и возвратиться опять въ омутъ
рной жизни, которая если и покрыла его
обезсмертила его имя, но за то также
му очень дорого и была куплена цѣною
, покоя и счастія.

однакожъ была не долга. Желаніе и
быть еще полезнымъ своимъ соотече-
амъ, скоро одержали верхъ надъ живой
ой привязанностью, которую питалъ онъ
ой наукѣ, занимательной въ высшей сте-
доступной очень немногимъ. Я не могла
ься такому благородному стремленію къ
щему, хотя очень боялась дурныхъ по-
для его здоровья, все еще далеко не-
рительному.

жъ успокоивалъ меня, говоря, что рабо-
дегъ бездѣльная, пустая; къ томужъ онъ,
ыть ограничится одной пробою; вкусъ
измениться и новое поколѣ-
ѣсто, которое въ прежнее
я расположеніи. Это каза-

мѣстѣ, гдѣ остановились другіе. Онъ продолжал безпрерывно свои изслѣдованія, и каждый шагъ, который онъ дѣлалъ, усиливалъ его очарованіе.

Я не обладаю даже первоначальными элементами науки, которые помогли бы мнѣ передать понятнымъ языкомъ то, что̀ я понимала очень хорошо въ тѣ минуты, когда онъ толковалъ мнѣ свою теорію такъ подробно, такъ ясно, такъ увлекательно. Его толкованія и остаются ясными и неприкосновеннымъ въ моей памяти, но я не могу передать ихъ: боюсь употребить неточныя выраженія и дать только фальшивое понятіе о томъ, что̀ слышала. Скажу только, что онъ создалъ себѣ особую теорію движенія небесныхъ сферъ и нашелъ совершенно новый законъ или, можетъ-быть, новое примѣненіе и новое объясненіе закона уже извѣстнаго. Этого я не умѣю рѣшить. Но объ этихъ законахъ, управляющихъ всею вселенной, говорилъ онъ мнѣ, никто никогда еще не думалъ. У него все соприкасалось, все относилось одно къ другому, все дополнялось такимъ образомъ, что выходила такая гармонія, которая возбуждала въ немъ глубочайшее удивленіе и благоговѣніе къ чудесамъ мірозданія.

Чего никто никогда не думалъ соединять, относя къ двумъ совершенно различнымъ категоріямъ, то у Осипа Ивановича согласовалось, соединялось совершенно въ одно.

Міръ звуковъ, музыка, которая есть ничто иное, какъ слѣдствіе вибраціи воздуха, подчинялись, по его словамъ, тѣмъ же законамъ, которые упра-

вляютъ ходомъ звѣздъ и означаютъ мѣста ихъ во вселенной.

Больше говорить я не стану. И то уже я можетъ-быть слишкомъ много сказала и слова мои, темныя, запутанныя, могутъ только запутать моихъ читателей. Я войду лучше опять въ мою сферу и разскажу, какъ проводилъ тогда время Осипъ Ивановичъ.

Можетъ-быть первый разъ въ жизни, мужъ мой работалъ собственно для себя, безъ другой цѣли, кромѣ желанія удовольствія и покоя, безъ другой прибыли, кромѣ невыразимаго счастія безпрерывно любоваться дѣлами Создателя, измѣрять ихъ глубину и проникаться все болѣе и болѣе ихъ величіемъ и чудной гармоніей. Чѣмъ больше углублялся онъ въ этотъ неисчерпаемый предметъ, тѣмъ болѣе находилъ причинъ къ удивленію и тѣмъ болѣе также жаждалъ онъ идти все далѣе и далѣе и дѣлать новыя открытія, которыя поведутъ его еще дальше, туда, гдѣ никто не указывалъ ему дороги, но гдѣ, благодаря вновь найденному свѣту, онъ будетъ умѣть направиться одинъ.

Теперь онъ работалъ не какъ поденщикъ, работа не была заказана къ условленному дню и часу; ему не нужно было оканчивать ее ночью и торопиться днемъ. Онъ работалъ для своего удовольствія и могъ заниматься какъ и когда ему хотѣлось. Онъ такъ и дѣлалъ, и потому безпрерывно занимался работою, которая имѣла для него самый сильный интересъ, и въ которой онъ находилъ спокойствіе и даже счастіе. Вырвать его изъ этого состоянія было бы жестоко. Я всегда

мѣстѣ, гдѣ остановились другіе. Онъ продолжал безпрерывно свои изслѣдованія, и каждый шагъ, который онъ дѣлалъ, усиливалъ его очарованіе.

Я не обладаю даже первоначальными элементами науки, которые помогли бы мнѣ передать понятнымъ языкомъ то, что̀ я понимала очень хорошо въ тѣ минуты, когда онъ толковалъ мнѣ свою теорію такъ подробно, такъ ясно, такъ увлекательно. Его толкованія и остаются ясными и неприкосновеннымъ въ моей памяти, но я не могу передать ихъ: боюсь употребить неточныя выраженія и дать только фальшивое понятіе о томъ, что̀ слышала. Скажу только, что онъ создалъ себѣ особую теорію движенія небесныхъ сферъ и нашелъ совершенно новый законъ или, можетъ-быть, новое примѣненіе и новое объясненіе закона уже извѣстнаго. Этого я не умѣю рѣшить. Но объ этихъ законахъ, управляющихъ всею вселенной, говорилъ онъ мнѣ, никто никогда еще не думалъ. У него все соприкасалось, все относилось одно къ другому, все дополнялось такимъ образомъ, что выходила такая гармонія, которая возбуждала въ немъ глубочайшее удивленіе и благоговѣніе къ чудесамъ мірозданія.

Чего никто никогда не думалъ соединять, относя къ двумъ совершенно различнымъ категоріямъ, то у Осипа Ивановича согласовалось, соединялось совершенно въ одно.

Міръ звуковъ, музыка, которая есть ничто иное, какъ слѣдствіе вибраціи воздуха, подчинялись, по его словамъ, тѣмъ же законамъ, которые упра-

вляютъ ходомъ звѣздъ и означаютъ мѣста ихъ во вселенной.

Больше говорить я не стану. И то уже я можетъ-быть слишкомъ много сказала и слова мои, темныя, запутанныя, могутъ только запутать моихъ читателей. Я войду лучше опять въ мою сферу и разскажу, какъ проводилъ тогда время Осипъ Ивановичъ.

Можетъ-быть первый разъ въ жизни, мужъ мой работалъ собственно для себя, безъ другой цѣли, кромѣ желанія удовольствія и покоя, безъ другой прибыли, кромѣ невыразимаго счастія безпрерывно любоваться дѣлами Создателя, измѣрять ихъ глубину и проникаться все болѣе и болѣе ихъ величіемъ и чудной гармоніей. Чѣмъ больше углублялся онъ въ этотъ неисчерпаемый предметъ, тѣмъ болѣе находилъ причинъ къ удивленію и тѣмъ болѣе также жаждалъ онъ идти все далѣе и далѣе и дѣлать новыя открытія, которыя поведутъ его еще дальше, туда, гдѣ никто не указывалъ ему дороги, но гдѣ, благодаря вновь найденному свѣту, онъ будетъ умѣть направиться одинъ.

Теперь онъ работалъ не какъ поденщикъ, работа не была заказана къ условленному дню и часу; ему не нужно было оканчивать ее ночью и торопиться днемъ. Онъ работалъ для своего удовольствія и могъ заниматься какъ и когда ему хотѣлось. Онъ такъ и дѣлалъ, и потому безпрерывно занимался работою, которая имѣла для него самый сильный интересъ, и въ которой онъ находилъ спокойствіе и даже счастіе. Вырвать его изъ этого состоянія было бы жестоко. Я всегда

съ сожалѣніемъ безпокоила его, когда нужно было напомнить, что пора спать или кушать, или чтобы сказать, что кто нибудь нужный спрашиваетъ его. Часто я находила его съ сіяющимъ лицомъ, въ восторгѣ отъ новаго открытія, къ которому привели его вѣрныя и мелочныя вычисленія. Онъ любилъ дѣлиться со мною своею радостью и вмѣсто того, чтобы сдѣлать то, о чемъ я пришла просить его, онъ начиналъ толковать мнѣ о своемъ открытіи.

Видя, что мой мужъ по цѣлымъ днямъ занимается работою, которая казалась мнѣ ужасно головоломною, смотря на столбцы безконечныхъ цифръ, на эти баснословныя суммы, которыя могли бы спутать самыхъ опытныхъ вычислителей, я боялась, чтобы такая отвлеченная работа, требующая полнаго вниманія, не повредила Осипу Ивановичу. Но онъ успокоивалъ меня и увѣрялъ, что ничто не дѣлало ему столько добра какъ чистая, спокойная атмосфера, въ которую уносило его это занятіе. Надо было оставить его въ покоѣ, не мѣшать, не надоѣдать ему моими просьбами, которыя все-таки остались бы тщетными. Былъ одинъ вѣрный способъ не только отвлечь его, но совсѣмъ заставить бросить занятіе, безъ сожалѣнія. Это было, когда я могла урвать минуту, чтобы сдѣлать ему какой-нибудь вопросъ, относящійся къ его любимому предмету. Тогда онъ безъ сожалѣнія, въ ту же минуту оставлялъ перо, прерывалъ огромный столбецъ цифръ и спѣшилъ исполнить просьбу, которая, я знала, была очень пріятна ему.

Я садилась возлѣ него и слушала. Онъ говорилъ такъ хорошо. Слова его были въ одно время и краснорѣчивы и убѣдительны, ясны и снисходительны. Онъ такъ вѣрно умѣлъ уровнять свою глубокую науку съ моимъ пониманіемъ; онъ такъ хорошо умѣлъ объяснить мнѣ то, чему никакая книга не научила бы меня. То, чего не понимала я съ перваго раза, по совершенному незнанію предмета, онъ толковалъ мнѣ во второй и третій разъ, длятого, чтобы лучше осталось въ моей памяти. Онъ почти дѣлалъ меня судьею въ предметахъ, которые до-сихъ-поръ были мнѣ совершенно чужды. Онъ не довольствовался тѣмъ, что̀ я безусловно вѣрила его словамъ; онъ хотѣлъ, на сколько было возможно, довести меня до того, чтобы я сама могла провѣрять ихъ.

Лѣтомъ я чаще всего прибѣгала къ этой хитрости, чтобы вырвать его изъ кабинета и заставить подышать въ нашемъ садикѣ воздухомъ, напоеннымъ тысячью цвѣтовъ. Цвѣты были изъ числа тѣхъ вещей, которыя мой мужъ больше всего любилъ. Онъ такъ любилъ ихъ, что всегда жалѣлъ о то̂мъ, что не можетъ посвящать имъ своего времени.

Вмѣсто его, я занималась ими, но я была новичекъ въ этомъ дѣлѣ, и ясно видѣла, что все, что̀ я дѣлала, было еще очень недостаточно, оставляло еще много дѣлать и еще болѣе критиковать. Мнѣ было чрезвычайно пріятно, когда Осипъ Ивановичъ самъ принимался исправлять ошибки, сдѣланныя мною или по моему приказанію. Я любила, когда онъ бралъ ножикъ и начиналъ подрѣзать

вѣтки кустовъ или лишнія листья далій, которыя мѣшали полному развитію цвѣтовъ; когда онъ заставлялъ рыть, сажать передъ своими глазами; когда онъ соединялъ на одной куртинѣ тѣ цвѣты, которые лучше согласовались. Я была рада видѣть, что онъ дѣлаетъ движеніе, занимается тѣмъ, что̀ здорово для него, и когда я замѣчала, что онъ уже намѣревается уйти изъ сада, мнѣ стоило сдѣлать ему одинъ вопросъ, чтобъ заставить его остаться еще надолго. Однажды попавъ въ область безконечнаго, мой мужъ не могъ болѣе остановиться и въ пылу своемъ онъ, кажется, остановился бы только тогда, когда изчерпалъ бы этотъ неизчерпаемый предметъ. Онъ точно также не утомлялся говорить объ астрономіи, какъ и писать. Чтожъ касается до меня, то признаюсь, я не могла долго слѣдить за ходомъ его глубокихъ мыслей; онѣ отягчали мою голову какой-то непривычной тяжестью, между-тѣмъ, какъ для него это было ребяческой игрой, забавой геніальнаго человѣка. Часто, когда я чувствовала, что мысли мои путаются, что я не могу уже слушать и понимать его такъ, чтобы онъ былъ доволенъ, я вдругъ прерывала разговоръ и уходила, не смотря на то, что это могло разсердить его. Но я опять знала вѣрное средство помириться съ нимъ и, при первомъ удобномъ случаѣ снова начинала разговоръ на томъ пунктѣ, гдѣ онъ былъ прерванъ.

Между-тѣмъ онъ писалъ ужасно много, и хотя говорилъ, что дѣлаетъ это только для одного себя, я однакожъ подозрѣвала въ немъ намѣреніе, пустить когда-нибудь въ свѣтъ свои изслѣдованія и

открытія. Пока это было еще одно неопредѣленное предположеніе. Онъ говорилъ, что не хочетъ разстаться съ здѣшнимъ міромъ, не оставивъ ему какого-нибудь воспоминанія. Но когда, какъ, въ какомъ видѣ явится это произведеніе, поглощавшее все болѣе и болѣе его вниманіе, это были вопросы на которыхъ въ настоящую минуту онъ не останавливался, оставляя рѣшеніе будущему и обстоятельствамъ.

Пока мы жили спокойно и счастливо, на сколько можно быть спокойну и счастливу въ здѣшнемъ мірѣ. Мужъ мой перенесъ со смиреніемъ истиннаго христіанина всѣ превратности судьбы, всѣ несчастія, постигшія его, и всегда отъ души прощалъ тѣмъ, кто былъ виною этого.

Теперь мы жили въ патріархальной простотѣ, въ особенности если сравнить ее съ той пышностью, которая, бывало, прежде окружала насъ. Нашъ скромный доходъ удовлетворялъ нашимъ издержкамъ, и если бы не иные долги, которые тяжело угнетали насъ, мы могли бы быть совершенно довольны. Лѣтомъ у насъ былъ нашъ садъ, наши цвѣты, которые служили намъ развлеченіемъ. Мой мужъ, обитавшій почти исключительно въ небесныхъ пространствахъ, заботился еще менѣе чѣмъ когда-нибудь о землѣ и всѣхъ ея нуждахъ. Что̀ было дѣлать ему на землѣ, когда каждый день небо открывало ему новыя сокровища!

Но можетъ ли человѣкъ располагать собою, и не достаточно ли одного дня, одного мгновенія, чтобы все измѣнить!

Однажды, въ прекрасный іюльскій день, мы

сидѣли въ саду и мужъ мой говорилъ мнѣ о любимомъ своемъ предметѣ. Я со вниманіемъ слушала его; вдругъ раздался звонокъ. Ворота нашего дома были постоянно заперты и никто не могъ войти не позвонивъ. Поэтому колокольчикъ раздавался очень часто и мы не обращали на него никакого вниманія; но на этотъ разъ поневолѣ обратили. Нашъ очаровательный разговоръ былъ прерванъ приходомъ редактора «Сына Отечества». Я ушла на другой конецъ сада, чтобы оставить ихъ на свободѣ говорить о дѣлахъ, потому-что посѣщеніе С. могло имѣть только дѣловую цѣль. Слова не доходили до меня, но я слышала, что разговоръ былъ очень живой. Онъ продолжался довольно долго. Мой мужъ, первый пошелъ въ комнаты, приглашая С. слѣдовать за нимъ, чтобы продолжать разговоръ. Прежде чѣмъ пойти за Осипомъ Ивановичемъ, С. подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что пришелъ за тѣмъ, чтобы предложить Осипу Ивановичу писать фельетонъ въ его газетѣ. По многимъ причинамъ, это предложеніе не понравилось мнѣ.

Долгій опытъ научилъ меня, что̀ значила для моего мужа срочная работа; я была счастлива тѣмъ, что онъ избавился отъ нея и могъ располагать своимъ временемъ по своей волѣ и такъ, какъ ему хотѣлось. Я должна также признаться, что мнѣ было непріятно, что Осипъ Ивановичъ будетъ работать для другаго, не зная даже навѣрное, оцѣнятъ ли его по достоинству. Однако, дѣлая эти возраженія, я все-таки говорила, что не я буду рѣшать этотъ вопросъ.

Едва С. ушелъ, мой мужъ передалъ мнѣ его предложеніе и спросилъ, что̀ я объ этомъ думаю и что̀ посовѣтую ему дѣлать. Я повторила Осипу Ивановичу то, что̀ уже говорила С. Въ глазахъ моего мужа было одно только препятствіе, но оно было такъ велико, что всѣ остальныя исчезали передъ нимъ. Ему уже нельзя будетъ спокойно заниматься мирной и занимательной работой, которую придется безпрерывно оставлять, чтобы писать фельетоны. Нерѣшимость Осипа Ивановича была велика; ему трудно было удалиться отъ того, что̀ дало ему міръ и счастіе, и возвратиться опять въ омутъ литературной жизни, которая если и покрыла его славою, обезсмертила его имя, но за то также стоила ему очень дорого и была куплена цѣною здоровья, покоя и счастія.

Борьба однакожъ была не долга. Желаніе и надежда быть еще полезнымъ своимъ соотечественникамъ, скоро одержали верхъ надъ живой и глубокой привязанностью, которую питалъ онъ къ чудной наукѣ, занимательной въ высшей степени, но доступной очень немногимъ. Я не могла противиться такому благородному стремленію къ благу общему, хотя очень боялась дурныхъ послѣдствій для его здоровья, все еще далеко неудовлетворительному.

Мой мужъ успокоивалъ меня, говоря, что работа эта будетъ бездѣльная, пустая: къ томужъ онъ, можетъ, быть ограничится одной пробою; вкусъ публики имѣлъ время измѣниться и новое поколѣніе талантовъ заняло мѣсто, которое въ прежнее время занималъ онъ въ ея расположеніи. Это каза-

вѣтки кустовъ или лишнія листья далій, которыя мѣшали полному развитію цвѣтовъ; когда онъ заставлялъ рыть, сажать передъ своими глазами; когда онъ соединялъ на одной куртинѣ тѣ цвѣты, которые лучше согласовались. Я была рада видѣть, что онъ дѣлаетъ движеніе, занимается тѣмъ, что̀ здорово для него, и когда я замѣчала, что онъ уже намѣревается уйти изъ сада, мнѣ стоило сдѣлать ему одинъ вопросъ, чтобъ заставить его остаться еще надолго. Однажды попавъ въ область безконечнаго, мой мужъ не могъ болѣе остановиться и въ пылу своемъ онъ, кажется, остановился бы только тогда, когда изчерпалъ бы этотъ неизчерпаемый предметъ. Онъ точно также не утомлялся говорить объ астрономіи, какъ и писать. Чтожъ касается до меня, то признаюсь, я не могла долго слѣдить за ходомъ его глубокихъ мыслей; онѣ отягчали мою голову какой-то непривычной тяжестью, между-тѣмъ, какъ для него это было ребяческой игрой, забавой геніальнаго человѣка. Часто, когда я чувствовала, что мысли мои путаются, что я не могу уже слушать и понимать его такъ, чтобы онъ былъ доволенъ, я вдругъ прерывала разговоръ и уходила, не смотря на то, что это могло разсердить его. Но я опять знала вѣрное средство помириться съ нимъ и, при первомъ удобномъ случаѣ снова начинала разговоръ на томъ пунктѣ, гдѣ онъ былъ прерванъ.

Между-тѣмъ онъ писалъ ужасно много, и хотя говорилъ, что дѣлаетъ это только для одного себя, я однакожъ подозрѣвала въ немъ намѣреніе, пустить когда-нибудь въ свѣтъ свои изслѣдованія и

открытія. Пока это было еще одно неопредѣленное предположеніе. Онъ говорилъ, что не хочетъ разстаться съ здѣшнимъ міромъ, не оставивъ ему какого-нибудь воспоминанія. Но когда, какъ, въ какомъ видѣ явится это произведеніе, поглощавшее все болѣе и болѣе его вниманіе, это были вопросы на которыхъ въ настоящую минуту онъ не останавливался, оставляя рѣшеніе будущему и обстоятельствамъ.

Пока мы жили спокойно и счастливо, на сколько можно быть спокойну и счастливу въ здѣшнемъ мірѣ. Мужъ мой перенесъ со смиреніемъ истиннаго христіанина всѣ превратности судьбы, всѣ несчастія, постигшія его, и всегда отъ души прощалъ тѣмъ, кто былъ виною этого.

Теперь мы жили въ патріархальной простотѣ, въ особенности если сравнить ее съ той пышностью, которая, бывало, прежде окружала насъ. Нашъ скромный доходъ удовлетворялъ нашимъ издержкамъ, и если бы не иные долги, которые тяжело угнетали насъ, мы могли бы быть совершенно довольны. Лѣтомъ у насъ былъ нашъ садъ, наши цвѣты, которые служили намъ развлеченіемъ. Мой мужъ, обитавшій почти исключительно въ небесныхъ пространствахъ, заботился еще менѣе чѣмъ когда-нибудь о землѣ и всѣхъ ея нуждахъ. Что̀ было дѣлать ему на землѣ, когда каждый день небо открывало ему новыя сокровища!

Но можетъ ли человѣкъ располагать собою, и не достаточно ли одного дня, одного мгновенія, чтобы все измѣнить!

Однажды, въ прекрасный іюльскій день, мы

лось мнѣ, совершенно
какъ бы ни велико бы
ныхъ талантовъ, тотъ,
еще не явился.

Итакъ мужъ мой паш
ный фельетонъ, и, новый
беусъ воскресъ изъ пепл
тлѣнія, произведеннаго
какъ сигналъ, какъ р
духъ, чтобы дать знать
кѣ, который послѣдуетъ
узналъ о впечатлѣніи,
фельетономъ его, и болѣ
читься этимъ. Его фельет
фельетоны знаменитѣйша
фельетонистовъ Жюль Жан
спеціальности не имѣетъ р
Ивановича не вращалась все
мета, къ одной и той же то
возвратишься, какъ бы ни б
зенъ. Театръ, съ тысячами в
ставляетъ широкое, обширное
ки и богатую жатву для ума и
же когда не выходишь изъ те
въ немъ—это ясно.

Мужъ мой писалъ свои фел
но другой системѣ. Гибкое п
изощренное съ тысячи различ
выкшее путешествовать отъ
вездѣ находило предметъ дл
книги, старый предразсуд
плоды его собственныхъ

Едва С. ушелъ, мой мужъ передалъ мнѣ его предложеніе и спросилъ, что̀ я объ этомъ думаю и что̀ посовѣтую ему дѣлать. Я повторила Осипу Ивановичу то, что̀ уже говорила С. Въ глазахъ моего мужа было одно только препятствіе, но оно было такъ велико, что всѣ остальныя исчезали передъ нимъ. Ему уже нельзя будетъ спокойно заниматься мирной и занимательной работой, которую придется безпрерывно оставлять, чтобы писать фельетоны. Нерѣшимость Осипа Ивановича была велика; ему трудно было удалиться отъ того, что̀ дало ему міръ и счастіе, и возвратиться опять въ омутъ литературной жизни, которая если и покрыла его славою, обезсмертила его имя, но за то также стоила ему очень дорого и была куплена цѣною здоровья, покоя и счастія.

Борьба однакожъ была не долга. Желаніе и надежда быть еще полезнымъ своимъ соотечественникамъ, скоро одержали верхъ надъ живой и глубокой привязанностью, которую питалъ онъ къ чудной наукѣ, занимательной въ высшей степени, но доступной очень немногимъ. Я не могла противиться такому благородному стремленію къ благу общему, хотя очень боялась дурныхъ послѣдствій для его здоровья, все еще далеко неудовлетворительному.

Мой мужъ успокоивалъ меня, говоря, что работа эта будетъ бездѣльная, пустая: къ томужъ онъ, можетъ, быть ограничится одной пробою; вкусъ публики имѣлъ время измѣниться и новое поколѣніе талантовъ заняло мѣсто, которое въ прежнее время занималъ онъ въ ея расположеніи. Это каза-

лось мнѣ, совершенно невѣроятнымъ, потому-что какъ бы ни велико было достоинство современныхъ талантовъ, тотъ, кто замѣнитъ Сенковскаго, еще не явился.

Итакъ мужъ мой написалъ свой первый, пробный фельетонъ, и, новый феникс, баронъ Брамбеусъ воскресъ изъ пепла. Кто не помнитъ впечатлѣнія, произведеннаго этимъ явленіемъ. Это было какъ сигналъ, какъ ракета, взлетѣвшая на воздухъ, чтобы дать знать о блестящемъ фейерверкѣ, который послѣдуетъ за ней. Осипъ Ивановичъ узналъ о впечатлѣніи, произведенномъ первымъ фельетономъ его, и болѣе уже не думалъ ограничиться этимъ. Его фельетоны не были похожи на фельетоны знаменитѣйшаго изъ современныхъ фельетонистовъ Жюль Жанена, который въ своей спеціальности не имѣетъ равнаго. Мысль Осипа Ивановича не вращалась все вокругъ одного предмета, къ одной и той же точкѣ котораго всегда возвратиться, какъ бы ни былъ онъ разнообразенъ. Театръ, съ тысячами вѣтвей своихъ, представляетъ широкое, обширное поле для разработки и богатую жатву для ума и воображенія, но все же когда не выходишь изъ театра, то находишься въ немъ—это ясно.

Мужъ мой писалъ свои фельетоны по совершенно другой системѣ. Гибкое перо его, одинаково изощренное съ тысячи различныхъ сторонъ, привыкшее путешествовать отъ полюса къ экватору, вездѣ находило предметъ для фельетона. Новыя книги, старый предразсудокъ, новое открытіе, плоды его собственныхъ опытовъ, его терпѣли-

выхъ розысканій, путевое воспоминаніе, дурная привычка, которую надо искоренить, хорошая, которую надо сдѣлать — все это укладывалось въ рамку фельетона, рачительно примѣнялось къ современнымъ требованіямъ, къ вопросамъ, которые волновали въ это время всѣ умы. Журнализмъ и его польза доказывались болѣе всего тѣмъ, что̀ дѣлалъ мой мужъ.

Пока онъ не шелъ дальше, всѣ мысли его не были поглощены фельетонами. Онъ еще не коснулся жизненныхъ вопросовъ, которымъ всѣ другіе должны были уступить мѣсто. Предметъ фельетона былъ скоро найденъ. Современный интересъ рѣшилъ выборъ.

Достаточно было двухъ, трехъ, четырехъ дней, или вѣрнѣе ночей работы, чтобъ окончить его. То что̀ оставалось отъ недѣли могло быть посвящено покою — и гдѣ жъ лучше могъ О. И. найти его какъ не въ своей любимой астрономіи. Сдѣлавъ послѣднюю поправку на послѣднемъ словѣ корректуры фельетона, мой мужъ прямо отправлялся въ тихую атмосферу, которую оставлялъ только съ сожалѣніемъ. Но тутъ являлось затрудненіе, котораго прежде не было. Это занятіе требобовало послѣдовательности, правильности и чрезвычайной точности. Это походило на клубокъ, котораго нитку нельзя было безпрерывно перерывать. Мой бѣдный мужъ хорошо видѣлъ это, но съ постоянствомъ и терпѣніемъ совершенно ангельскими, онъ соединялъ концы какъ могъ лучше, и сожалѣя о времени которое терялъ на это, принимался за дѣло еще съ бо̀льшимъ рвеніемъ и

новымъ удовольствіемъ. Онъ отрывался отъ любимаго занятія тогда только, когда обѣщанный съ нетерпѣніемъ ожидаемый фельетонъ требовал его мысли и времени. Такъ дѣлилъ онъ на двое см существованіе. Но такая жизнь не могла продол жаться долго. Не въ характерѣ Осипа Иванович было дѣлать вещи вполовину. Когда онъ рѣшал ся на какую-нибудь жертву, онъ дѣлалъ эт вполнѣ. Настоящія обстоятельства также призы вали, требовали его. Мой мужъ, подымаясь в выше и выше съ каждой ступенью, котору проходилъ, привлекалъ къ себѣ все болѣе и бол довѣріе и участіе публики. Слухи самые лестны самые единодушные привѣтствовали возвратъ е на поприще писателя.

Свобода писать увеличивалась со дня на де мысли могли ясно и свободно развиваться, лиш бы направленіе ихъ было полезно, благородно чисто. Не было предмета, до котораго не смѣл бы касаться, лишь бы это было съ хорошей цѣлы съ похвальнымъ намѣреніемъ. Какое новое и об ширное поле открылось Осипу Ивановичу! Сколь вещей, о которыхъ до-сихъ-поръ смѣлъ он только думать, теперь могъ онъ сказать! Новы міръ открылся для него и требовалъ вездѣ его мы слей, этихъ сокровищъ, накопленныхъ впродол женіи столькихъ лѣтъ.

Съ этимъ новымъ порядкомъ вещей можно л было думать о себѣ, заниматься своимъ дѣломъ когда являлась возможность быть полезным другимъ.

Я была свидѣтельницей разлуки которая бы

такъ тяжела для О. И., но необходимость которой онъ вполнѣ признавалъ. Эта кипа бумагъ, отдѣльныхъ листковъ, все до малѣйшей бумажки, на которой, второпяхъ, не найдя ничего другаго подъ рукой записалъ онъ свою мысль или какое нибудь вычисленіе, все было соединено, пересмотрѣно въ послѣдній разъ со вниманіемъ, съ любовью, уложено въ картоны и спрятано въ вѣрное мѣсто до новаго востребованія, до-тѣхъ-поръ, когда сдѣлавъ все, что̀ могъ, для пользы другихъ, онъ опять позволить себѣ свою великолѣпную, невинную забаву.

Эта святыня покоится у меня до-сихъ-поръ. Самъ онъ уже не нашелъ ни минуты, чтобы просмотрѣть эти листы и привести ихъ въ порядокъ. Они ждутъ, чтобы высокій умъ, глубокое знаніе просмотрѣло, открыло бы тайны, заключающіяся въ нихъ, и обогатилось бы новымъ свѣтомъ, который они могутъ разлить.

Съ этой минуты мой мужъ посвятилъ уже исключительно всѣ свои мысли, все свое существованіе фельетону, который увлекъ его совершенно. Кто повѣритъ, что все время, все существованіе его были необходимы для этихъ пяти, шести страницъ, которыя мы прочитывали въ часъ, не болѣе; это дѣлалось обыкновенно во время чая, и часто чтеніе было уже окончено прежде, чѣмъ мы успѣвали напиться чаю.

Это кажется невозможнымъ, если считать по страницамъ и если ставить эти фельетоны въ разрядъ тѣхъ пустыхъ произведеній, которыя создаются только на одинъ день и не назначены приносить плоды.

Мой мужъ чувствовалъ, что большая отвѣтственность лежала на немъ. Онъ зналъ, что многое спросится у того, кто много получилъ, а въ этомъ случаѣ дѣло шло о благѣ общемъ. Яснымъ взглядомъ своимъ, мой мужъ отгадывалъ желанія, нужды, надежды Россіи, прежде даже, чѣмъ она сама высказала ихъ. Въ то же время онъ испытывалъ ея раны и искалъ средствъ исцѣлить ихъ.

Онъ сдѣлался главнымъ ходатаемъ общества, онъ говорилъ для общественной пользы. Онъ говорилъ за всѣхъ и говорилъ то, что каждый хотѣлъ бы сказать, но не умѣлъ выразить краснорѣчиво и ясно. Онъ съ полнымъ довѣріемъ обращался къ Тому, Кто развязалъ ему руки и далъ свободный полетъ его генію. Проникнутый благодарностью къ Государю, которому обязанъ былъ своею новою славою и тѣмъ, что̀ цѣнилъ еще гораздо выше— счастіемъ быть полезнымъ своимъ ближнимъ, онъ всего пламеннѣе желалъ содѣйствовать всей силой, всѣми средствами своими возлюбленному Монарху, въ томъ добрѣ, которое дѣлалъ Онъ своимъ подданнымъ. Ему казалось, что пожертвовать жизнію въ такомъ предпріятіи было только долгомъ каждаго честнаго человѣка, каждаго вѣрноподданнаго.

И дѣйствительно, онъ отдавалъ свою жизнь, онъ тратилъ, расточалъ послѣдніе ея остатки. Мысль его, безпрерывно напряженная, не отдыхала ни днемъ ни ночью и поглощала, высасывала всѣ силы тѣла, и въ то время, какъ тѣло видимо изнурялось, умъ получалъ новыя силы и блисталъ необыкновеннымъ блескомъ — прекраснымъ свѣ-

томъ, который скоро долженъ былъ погаснуть. Поддерживаемое, подкрѣпляемое желѣзною волей, тѣло его находило еще средства переносить такую усталость, которая навела бы блѣдность даже на розовыя щеки молодости.

Глаза его, усталые, ослабѣвшіе гораздо болѣе отъ работы, чѣмъ отъ лѣтъ, могли устоять еще противъ занятій, которыя показались бы слишкомъ утомительными для глазъ самыхъ свѣжихъ, привычныхъ. Это все еще были по-крайней-мѣрѣ три, четыре безсонныя ночи въ недѣлю; за ними слѣдовало нѣсколько часовъ безпокойнаго лихорадочнаго сна, въ которомъ мысли, занимавшія его во время занятій, продолжались еще и тогда, когда онъ отдыхалъ. Это были все тѣ же обѣды, нездоровые, не смотря на свою легкость, потому-что они были страшно неправильны. Это все еще была та же необходимость безпрерывной дѣятельности, которая, усиливаясь впродолженіи всей его жизни, теперь достигла высшей степени своей и дѣлала мужа моего совершенно неспособнымъ пользоваться даже одной минутой совершеннаго спокойствія.

При здоровьи давно уже разрушенномъ, такой образъ жизни могъ имѣть только самыя пагубныя послѣдствія. Разстроенный организмъ быстро разрушался. Можетъ-быть, тогда еще можно было продолжить его жизнь, еслибъ могли заставить его оставить все, отказаться отъ всего, чтобы заняться только собою. Но онъ отвергалъ всякое подобное предложеніе, находилъ это безумнымъ, и

не хотѣлъ ничего слушать. Я была очень несчастлива и не знала, какое средство употребить.

Лѣто приближалось, но на этотъ разъ оно не приносило мнѣ надежды. Я знала напротивъ, что по непредвидѣнному и очень непріятному обстоятельству, лѣтомъ-то именно и будутъ необыкновенныя хлопоты, заботы и издержки. Самый близкій сосѣдъ нашъ, богатый табачный фабрикантъ, выстроилъ огромный домъ, подлѣ нашего домика. Поставленный слишкомъ близко, онъ сдѣлалъ ужасный вредъ нашему дому. Грузъ его естественно долженъ былъ опустить грунтъ, а вслѣдствіе этого и нашъ домъ. Трещины показались вездѣ. Полы перекосились. Домъ нашъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи.

Всякій, на мѣстѣ моего мужа, потребовалъ бы законнаго вознагражденія; получить его было тѣмъ легче, что сосѣдъ нашъ самъ прислалъ своего архитектора сказать намъ, что готовъ исправить весь изъянъ, причиненный его домомъ. Онъ понималъ, что мы имѣли все право жаловаться на него и хотѣлъ предупредить законныя требованія наши. Но мой мужъ всегда былъ невѣроятно безпеченъ въ денежныхъ дѣлахъ, и тогда даже, когда карманъ его былъ пустъ, можно было думать, что въ немъ находится крезово богатство.

— Вотъ, сказалъ онъ мнѣ, какъ условился я съ сосѣдомъ. Онъ сдѣлаетъ всѣ наружныя починки. Чтожъ касается до внутреннихъ, то я удовольствуюсь работами плотниковъ и маляровъ. Остальное я беру на себя, потому-что, согласись, если онъ будетъ дѣлать все, то, вѣроятно, это будетъ от-

вратительно и доставитъ мнѣ только труды и хлопоты все передѣлывать.

— Какъ! вскричала я въ испугѣ, ты избавляешь его отъ всего остальнаго? Къ чему такая излишняя щедрость, такое безкорыстіе?

— Это не совершенное безкорыстіе, потому-что въ видѣ возмездія, онъ покупаетъ у меня паркеты, которые еще нужны ему на двѣ комнаты.

Хорошо возмездіе за разрушеніе цѣлаго дома, который, благодаря сосѣду, придется передѣлывать съ верху до низу, не говоря уже объ ужасномъ безпорядкѣ, въ которомъ придется намъ жить. Но разсуждать на счетъ этого, или заставить моего мужа перемѣнить однажды принятое намѣреніе, которое казалось ему лучшимъ, было совершенно невозможно.

Это время, такъ близкое къ концу моего земнаго счастія, было одно изъ самыхъ трудныхъ въ нашей жизни. Всѣ починки въ домѣ начались за разъ, чтобы скорѣе окончить. Всю нашу мебель, всѣ вещи свалили въ кучу, въ садовыхъ флигеляхъ. Страшная пыль, оглушительный шумъ, наполнили этотъ домъ, обыкновенно такой чистый, такой спокойный. Разстройство, безпорядки были полные и не позволяли намъ пользоваться даже немногими днями, которые встрѣчались впродолженіи ненастнаго лѣта 1857.

Мой мужъ не имѣлъ ни одной свободной минуты; его садъ, цвѣты, которые онъ такъ любилъ, не обращали больше на себя его вниманія, а для здоровья его ничего не дѣлалось, между-тѣмъ какъ тысячи обстоятельствъ соединялись, чтобы разру-

шать его. Мы купили домъ второпяхъ, не взвѣсивъ его достоинствъ и недостатковъ. Послѣдніе не замедлили выказаться и Осипъ Ивановичъ часто думалъ о средствахъ поправить ихъ; однакожъ перемѣны и поправки, которыя должны были улучшить домъ, откладывались всегда на будущее, болѣе благопріятное время. Это время, казалось, пришло. Состояніе, въ которое сосѣдъ привелъ нашъ домъ, благопріятствовало совершенному преобразованію. Задумано—сдѣлано. Мой мужъ принялся за дѣло съ лихорадочной дѣятельностью. Надо было многое сломать, чтобы потомъ перестроить по новому плану. Это требовало много времени, а у Осипа Ивановича его было такъ мало. Надо было однакожъ найти его, не прикасаясь ни къ одному изъ мгновеній, принадлежавшихъ фельетону. Источникъ, въ которомъ вѣчно находилъ онъ средство помогать всему, что̀ предпринималъ онъ—извѣстенъ.

На этотъ разъ трудъ, который взялъ Осипъ Ивановичъ, былъ слишкомъ великъ, и несчастное лѣто 1857 года уничтожило послѣднія его силы. Пока онъ изнурялся и добровольно отказывался отъ отдыха, который съ каждымъ днемъ становился ему необходимѣе, его мысли, умъ, возносились все выше. Онъ не боялся говорить все, что̀ думалъ для блага своихъ соотечественниковъ. Онъ надѣялся на помощь свыше и не хотѣлъ останавливаться даже на мгновеніе, чтобы перевести духъ, когда все позволяло, приказывало ему идти впередъ. Зато онъ и достигъ высшей степени своей славы. Его имя, переходя изъ устъ въ

уста, повторялось съ любовью, съ благодарностью и сіяло такимъ яркимъ свѣтомъ, какъ никогда еще. Это не была ничтожная, пустая слава, плоды которой онъ одинъ вкусилъ бы, которыми эгоистически пользовался бы. Такая знаменитость не была бы признана и оцѣнена имъ. Онъ зналъ, что дѣлаетъ добро Россіи — и это была слава, которою по справедливости онъ могъ гордиться и быть счастливъ. Она давала ему силы продолжать свой трудъ и помогала переносить всѣ страданія, которымъ безпрерывно былъ онъ подверженъ.

Между работою ума и работою гораздо низшаго разряда, но все-таки управляемою высокою мыслію великаго человѣка, кто бы могъ еще найти малѣйшую скважину, въ которую нашлась бы возможность помѣстить еще что-нибудь. Я сама, находясь безпрерывно подлѣ него, не находила свободнаго мѣста; тогда его дѣйствительно и не было; но обстоятельства должны были прибавить ему времени. Надо было для этого только чтобъ кто-нибудь, кому дѣйствительно нужно было его время, пришелъ попросить его объ этомъ.

Въ одинъ изъ рѣдкихъ ясныхъ дней лѣта 1857 года, мой мужъ легъ отдохнуть на нѣсколько минутъ. Я была одна въ саду, когда явился ко мнѣ человѣкъ, котораго я уже много лѣтъ не видала. Это былъ Плюшаръ. Мнѣ жаль было будить мужа, который только-что заснулъ. Самъ Плюшаръ просилъ меня не дѣлать этого и не смущать драгоцѣннаго сна Осипа Ивановича. Къ тому же, зная мое расположеніе къ нему, онъ былъ не прочь

вывѣдать мое мнѣніе, и посовѣтоваться со мною насчетъ дѣла, за которымъ пришелъ онъ къ намъ.

Онъ хотѣлъ основать новый журналъ и пришелъ просить содѣйствія моего мужа, безъ котораго не рѣшался на это предпріятіе. Я съ удовольствіемъ сдѣлала бы одолженіе Плюшару, еслибъ тутъ дѣло шло о чемъ-нибудь другомъ; но съ перваго же слова, которое онъ произнесъ, я увидѣла только еще новую работу для Осипа Ивановича и всѣми силами старалась отклонить это предложеніе. Но Плюшаръ не терялъ надежды. Онъ зналъ слабую сторону моего мужа. Онъ говорилъ, что эта работа будетъ рѣшительно ничто для Осипа Ивановича, а одолженіе, которое сдѣлаетъ онъ ему — неоцѣненно. Я обѣщала вѣрно передать Осипу Ивановичу все. На слѣдующій день Плюшаръ хотѣлъ придти, чтобы узнать исходъ своей попытки.

Вѣроятно, память у Плюшара была хороша и онъ зналъ наизустъ характеръ моего мужа. Едва сдѣлала я отъ его имени предложеніе, какъ мужъ немедленно согласился.

— Какъ же могла ты думать, сказалъ онъ, что я откажусь помочь Плюшару. Я сдѣлаю это тѣмъ болѣе съ удовольствіемъ, что это послужитъ ему доказательствомъ въ томъ, что я не помню зла и прощаю ему всѣ огромныя потери, которыя заставилъ онъ меня понести въ прежнее время съ своимъ «Энциклопедическимъ Лексикономъ». Это грѣхи молодости, которыхъ не надо вспоминать на старости.

Плюшаръ былъ совершенно счастливъ, узнавъ

бъ успѣхѣ своей просьбы. Мой мужъ принялъ его адушно, долго и даже весело разговаривалъ съ имъ. Многое нужно было обсудить, поправить, лучшить въ планѣ, составленномъ Плюшаромъ. Добрые совѣты, которые давалъ мой мужъ, были же большою услугою для него. Главныя условія были, по возможности, опредѣлены тутъ же съ обоюднаго согласія и оба разстались — одинъ съ блестящими надеждами въ будущемъ, другой съ пріятною мыслью, что осчастливилъ человѣка.

Я радовалась за того и за другаго и сама очень успокоилась, узнавъ, что *Весельчакъ* начнетъ издаваться только черезъ полгода. Прежде этого времени я надѣялась по-крайней-мѣрѣ, что домъ нашъ будетъ готовъ. Чтожъ касается остальнаго, то, какъ объяснялъ мнѣ мой мужъ, онъ видѣлъ въ этой работѣ только развлеченіе, которое, обращая вниманіе его на веселые, забавные предметы, уменьшитъ немного грузъ серьёзныхъ мыслей, которыя совершенно поглощали его существованіе и истощали жизненныя силы. Бездѣйствіе сдѣлалось для него совершенно невозможнымъ. По-крайней-мѣрѣ желательно было, чтобы то, чѣмъ онъ занимался, утомляло его какъ можно менѣе. «Весельчакъ», отложенный еще довольно на долго, не принесъ въ настоящую жизнь моего мужа никакого измѣненія.

Фельетоны слѣдовали одинъ за другимъ въ совершенной правильности, которая прерывалась только тогда, когда физическія страданія моего мужа дѣлали его совершенно неспособнымъ работать. Каждый нововышедшій фельетонъ, казалось,

превосходилъ предыдущій, и слава ихъ дѣлал
все громче и громче.

Работы въ домѣ производились съ удвоенн
дѣятельностью, сдѣлавшеюся необходимою по п
чинѣ приближенія зимы. Мой мужъ удвоилъ чи
рабочихъ; прибавилъ имъ плату; дѣлалъ подар
чтобы заохотить къ работѣ. И не смотря на
не было надежды на скорое окончаніе, пото
что въ то время, какъ одна хорошая мысль
его мужа исполнялась, у него являлось дес
лучшихъ, которыя жаль было бы не исполни
Начавъ однажды, ему трудно было остановит

— Теперь или никогда, говорилъ мой мужъ, н
устроить домъ. Я хочу сдѣлать изъ него игруш
бонбоньерку для тебя. Въ другой разъ я уже
примусь за него.

Эти слова были слишкомъ справедливы; онъ
успѣлъ докончить даже и того, что̀ началъ.
эти недоконченныя работы, его чудныя сооб
женія возбуждаютъ удивленіе людей, знающи
дѣло, и даютъ понятіе о томъ, чѣмъ могъ бы бы
нашъ домикъ, еслибъ мужъ мой имѣлъ время исп
нить всѣ прекрасныя предположенія свои.
числѣ тѣхъ, кто приходилъ смотрѣть домъ,
такъ недавно еще жилъ великій человѣкъ, та
рано покинувшій насъ, находился человѣкъ, сов
шенно незнакомый мнѣ, и который не зналъ да
былъ ли женатъ Осипъ Ивановичъ или нѣтъ. О
съ такимъ живымъ участіемъ осматривалъ это
домъ, что я съ удовольствіемъ показывала
всѣ подробности и объясняла ему тѣ, котор
были исключительно назначены для меня.

— Какъ онъ любилъ васъ! повторялъ безпрерывно незнакомецъ, осматривая всѣ чудныя изобрѣтенія, сдѣланныя для меня: какъ вы должны жалѣть такого мужа и чувствовать себя одинокою несчастною.

Передѣлка дома была еще далека отъ окончанія, а время исполнить слово, данное Плюшару, быстро приближалось. Не сдержать его было не въ характерѣ Осипа Ивановича: у него желать и быть въ состояніи исполнить — значило одно.

Между-тѣмъ, Осипъ Ивановичъ, безпрерывно больной, не имѣлъ ни силы, ни охоты выѣзжать, когда-какъ встрѣчались необходимыя дѣла, необходимыя покупки для дома; оставалось еще окончить много формальностей для журнала. Дѣла, бѣготня, хлопоты—дождемъ лились на Плюшара, но то было ему ни по чемъ, онъ продолжалъ весело идти подъ защитою превосходнаго зонтика, который носилъ въ карманѣ. Этотъ зонтикъ былъ сработанъ такой несравненной рукою, которая не можетъ скрыться даже подъ совершеннымъ никогда-то. Всегда найдется уголокъ, который выдастъ и не позволитъ ошибиться. Никогда эта правда не являлась такъ явственно, какъ въ программѣ «Весельчака», надѣлавшей столько шуму, заставившей шевелиться столько языковъ, поднявшей столько споровъ. Что программа произвела впечатлѣніе—то доказалось фактомъ, котораго не могутъ оспаривать даже противники. Прежде появленія перваго нумера, въ продолженіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ, «Весельчакъ» собралъ уже болѣе пяти тысячъ подписчиковъ. Потомъ это число поднялось до семи

тысячъ. Но, почемужъ бросились всѣ съ такой баснословною горячностью на журналъ, который только объявлялъ свои будущія достоинства, но еще ничѣмъ не могъ доказать ихъ?

Говорятъ, большая часть читателей рѣшительно не знала, что эта шутливая программа вышла изъ-подъ ученаго пера краснорѣчиваго барона Брамбеуса, занятаго важными общественными интересами. Можно ли повѣрить, можно ли даже предположить, чтобы съ высокаго мѣста, гдѣ онъ такъ твердо сидѣлъ, ему вздумалось сойти на мѣсто, до такой степени недостойное его имени?

Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе господа критики, вы ловите сами себя и совершенно оправдываете знаменитаго автора фельетоновъ. Зачѣмъ тотъ, кто посвящалъ послѣднія жизненныя силы общему благу, не оказалъ бы важной услуги одному человѣку, когда онъ такъ легко могъ сдѣлать это? Онъ не былъ бы великій, и въ то же время добрый баронъ Брамбеусъ, если бы, вмѣсто того, чтобы бросить съ пера своего нѣсколько блестящихъ искръ, достаточныхъ для благосостоянія одного лица, онъ отказался бы сдѣлать это? Вы видите, не нужно было даже подписывать его имени подъ программою, которая сама въ себѣ носила неизгладимую печать. Не говорите мнѣ, что одинъ только счастливый случай привлекъ толпу. Она не такъ слѣпа, когда дѣло идетъ объ ея деньгахъ; и если она съ такою поспѣшностію покрывала ими программу «Веселька», то это единственно оттого, что сразу отгадала въ ней руку мастера. Въ этихъ смѣшныхъ страницахъ было что-то, чего еще не видывали нигдѣ, и самая программа

имѣла совершенно новую форму. Еще предметъ для критики отъявленныхъ противниковъ всякаго нововведенія, которымъ въ особенности хотѣлось разорвать въ клочки программу тогда, когда она имѣла большой успѣхъ.

Бѣдный, милый баронъ Брамбеусъ, какую безпощадную войну открыли тебѣ! Какія кровавыя критики направлены были противъ тебя оттого, что ты смѣлъ быть забавнымъ, когда твой долгъ и совѣсть приказывали тебѣ быть скучнымъ. Тебя обвиняли въ оскорбленіи литературы тогда, когда ты говорилъ весело, умно и ясно о предметахъ самыхъ запутанныхъ, ученыхъ и скучныхъ. Тебѣ ставили въ преступленіе то, что ты, вмѣсто того чтобы заставлять читателей зѣвать, заставлялъ ихъ смѣяться и забавлялъ своими милыми, острыми шутками. Теперь эти самые критики, или нисходящіе отъ нихъ по прямой линіи, хотѣли, чтобы объявленіе о «Весельчакѣ» заставляло плакать, и находили, что во всемъ должно слѣдовать по избитой дорогѣ. Это можетъ-быть очень хорошо и очень благоразумно для посредственности, но не можетъ служить правиломъ для ума необыкновеннаго, исключительнаго. Такой умъ можетъ позволить себѣ оставить, когда вздумается, извѣстную дорогу, и самому пробить новую.

«Весельчакъ» имѣлъ успѣхъ необыкновенный, не смотря на всѣ крики и насмѣшки нѣкоторыхъ критиковъ, которые называли эту оригинальную программу — глупою и тривіальною.

Плюшаръ приходилъ почти каждый день съ новостями, которыя доставляли большое удоволь-

ствіе бѣдному моему мужу, все болѣе слабѣющему и больному. Число подписчиковъ прибавлялось съ невѣроятной быстротой, и Плюшаръ, проникнутый благодарностью, приписывалъ весь этотъ успѣхъ Осипу Ивановичу. Радуясь удачѣ въ дѣлѣ Плюшара, мой мужъ дѣлалъ большіе планы для будущаго и хотѣлъ продолжать поддерживать его.

Въ числѣ плановъ, занимавшихъ его воображеніе, первое мѣсто занимала новая ежедневная газета. Планъ былъ составленъ давно уже, программа написана и представлена. Позволеніе дано.

Предпріятіе такого рода требовало большихъ приготовленій. Какъ бы ни были велики способности и умъ редактора, для того, чтобы предпринять изданіе подобнаго рода и вѣрно разсчитывать на успѣхъ, надо имѣть въ издателѣ чрезвычайно способнаго, опытнаго человѣка, и наконецъ съ большими денежными средствами, чтобы привести въ движеніе такую колоссальную машину. Даже это условіе, казавшееся труднѣйшимъ, было почти рѣшено, и имя издателя, знаменитое столько же, сколько имя самого редактора, было бы двойнымъ ручательствомъ для публики. Одной вещи только не доставало: силы и здоровья моего мужа. На 1858 годъ нечего было и думать взять на себя такой страшный грузъ. Надо было сперва укрѣпить свои силы и съ помощью Божьею начать уже съ 1 января 1859.

Между-тѣмъ Осипъ Ивановичъ чувствовалъ, что онъ ослабѣвалъ совершенно и что скоро будетъ уже поздно остановить болѣзнь, которая съѣдала его; онъ понималъ необходимость работать меньше,

и не предаваться, какъ дѣлалъ до-сихъ-поръ, такому страшному излишеству труда. Онъ хотѣлъ, однакожъ, заниматься какъ можно болѣе «Весельчакомъ», къ которому сильно привязался. Онъ хотѣлъ писать статьи короткія, неутомительныя, въ которыхъ смѣясь и забавляя читателей, намѣревался говорить имъ много важныхъ, серьёзныхъ, интересныхъ вещей. Не измѣняя формы, которую самъ создалъ для «Весѐльчака», Осипъ Ивановичъ хотѣлъ коснуться въ немъ всѣхъ современныхъ вопросовъ, такъ живо возбудившихъ всеобщій интересъ.

Если мой мужъ однажды брался за дѣло, онъ исполнялъ его какъ только могъ лучше, и употреблялъ на это всѣ свои способности, весь свой умъ, всѣ свои знанія. Съ такими ручательствами кто знаетъ, до чего дошла бы судьба «Весельчака»! Не смотря на то, что мой мужъ хотѣлъ убавить свои занятія, безпрерывно усиливающаяся слабость глазъ заставляла его искать еще другихъ средствъ къ облегченію работы. Онъ никогда не любилъ, даже имѣлъ антипатію къ тому, чтобы писали подъ его диктовку и читали ему вслухъ. Ему въ-особенности непріятно было включить постороннее лицо въ нашъ крошечный семейный кружокъ. Состояніе глазъ его не представляло, однакожъ, никакой возможности обойтись безъ помощника. О моей помощи нечего было и говорить; мой мужъ никогда не согласился бы на нее, зная что̀ грудь и глаза мои очень слабы, и работать вечеромъ и ночью очень вредно для меня.

Мы напечатали въ газетахъ что̀ намъ было

нужно, и конкурентки на мѣсто чтицы, которое предлагали у насъ, явились толпою. Однакожъ, писать подъ диктовку такого человѣка, каковъ былъ мой мужъ, знать русскій языкъ такъ, чтобы писать правильно, скоро и четко, читать по-русски и по-французски такъ, чтобы можно было слушать съ удовольствіемъ — всѣ эти условія было довольно трудно соединить въ одномъ лицѣ не смотря на большое число домогавшихся. Мой мужъ поручилъ мнѣ выборъ. Я выбирала осторожно и наконецъ представила мужу молодую особу, которая, казалось мнѣ, соединяла въ себѣ болѣе достоинствъ, чѣмъ всѣ остальныя.

Татьяна Васильевна С. согласилась на всѣ условія и черезъ нѣсколько дней поселилась у насъ въ домѣ.

Но болѣзнь моего мужа все болѣе и болѣе усиливалась. Почти безпрерывный кашель раздиралъ его грудь и совершенно лишалъ сна. Нельзя было назвать отдохновеніемъ дремоту, которая слѣдовала за долгими припадками кашля. Слабость становилась такъ велика, что распространялась даже и на умственныя его силы и мѣшала свободному движенію мысли. Это дѣлало его несчастнымъ, нетерпѣливымъ. Въ головѣ его было столько матеріаловъ, которые надо было только распредѣлить въ порядкѣ; онъ хотѣлъ такъ много писать, удовлетворять читателей, которые, онъ зналъ, ожидаютъ съ нетерпѣніемъ его статей; онъ непремѣнно хотѣлъ исполнить то, за что̀ взялся и что̀ болѣзнь мѣшала ему исполнить. Онъ еще не могъ рѣшиться диктовать. Недостатокъ при-

вычки, необходимость совершеннаго уединенія мѣшали ему пользоватся пособіемъ дѣвицы, которая жила у насъ. Наконецъ, собравъ послѣдній остатокъ силы, сдѣлавъ надъ собою послѣднее усиліе, мой мужъ написалъ еще фельетонъ въ «Сынъ Отечества». Это былъ послѣдній. Онъ былъ длиннѣе обыкновеннаго и Старчевскій, будто предчувствуя, что имъ долженъ заключиться рядъ статей, бросавшихъ столько блеска на его журналъ, раздѣлилъ его на двѣ части. Вторая часть явилась тогда, когда Осипъ Ивановичъ былъ уже очень труденъ.

Не смотря на свои страданія, мой мужъ не забывалъ ни Плюшара, ни его «Весельчака». Онъ огорчался тѣмъ, что настоящее состояніе здоровья мѣшало ему принимать въ немъ болѣе дѣятельное участіе, и намѣревался вполнѣ вознаградить его современемъ.

Дѣйствительно, первый и второй нумера явились уже въ свѣтъ, но они не отвѣчали ожиданіямъ, возбужденнымъ программою. Разносились слухи очень не лестные насчетъ изданія. Доходило до того, что Плюшара обвиняли въ томъ, что онъ самовластно воспользовался именемъ моего мужа, но что баронъ Брамбеусъ никогда не участвовалъ въ «Весельчакѣ».

Это было несправедливо въ высшей степени, потому-что не только мой мужъ писалъ программу, возбудившую столько споровъ, но, въ двухъ первыхъ нумерахъ, чтобы исполнить данное обѣщаніе, не смотря на свою слабость и страданія, онъ на скоро написалъ двѣ маленькія статьи, въ

которыхъ невозможно было замѣтить болѣзненнаго состоянія моего мужа. Онъ самъ понималъ это и жалѣлъ, что не могъ еще болѣе способствовать успѣху «Весельчака». Это была неудача, но которую можно было еще поправить.

Мой мужъ уже едва дышалъ, измученный безпрерывнымъ кашлемъ, съ трудомъ переводя дыханіе, обложенный подушками. Тутъ онъ послалъ за С — ной. Онъ собралъ все, что̀ оставалось у него силъ, привелъ въ порядокъ свои мысли, далъ имъ острую, оригинальную форму, легкую и глубокую въ то же время, которая заставляетъ смѣяться, на столько же, на сколько заставляетъ задумываться.

Онъ сдѣлалъ то, чего никогда не хотѣлъ дѣлать—онъ диктовалъ, потому-что у него недоставало уже силъ держать перо; онъ диктовалъ, потому-что руки не могли уже писать, но умъ еще создавалъ третій нумеръ «Весельчака». Эта статья вдругъ подняла славу «Весельчака», и заставила публику говорить уже совсѣмъ на иной ладъ. Мой мужъ зналъ это. Удовольствіе, которое доставила ему эта вѣсть. Мой мужъ довольный тѣмъ, что оказалъ услугу Плюшару, не захотѣлъ однакожъ остановиться на этомъ; онъ хотѣлъ продолжать то, что̀ пошло такъ хорошо. Но болѣзнь не давала ему почти ни минуты отдыха. Однакожъ Осипъ Ивановичъ все еще продолжалъ бороться съ нею. Онъ могъ продиктовать еще статью для «Весельчака». Это было послѣднимъ его усиліемъ. Это случилось за недѣлю до его смерти. Итакъ до самаго конца, ничто не

измѣнилось, не убавилось въ немъ. Это все еще была прежняя доброта сердца. Умъ его всегда остался одинаковъ. Одно тѣло его исчезало, гибло и чувствовало на себѣ слѣды всей многотрудной жизни.

Неужели дѣйствительно не было никакой надежды? Можно ли было думать, видя эту дѣятельность еще до такой степени энергическую, этотъ умъ все еще блестящій прежнимъ блескомъ, слушая эти благородные планы, такъ полезные, такъ хорошо обдуманные для будущаго — что жизнь такого драгоцѣннаго человѣка уходила, что дни его были сосчитаны.

Что̀ касается до меня, то я не могла, не хотѣла вѣрить такому ужасному несчастію. Я разсчитывала на силу души, чтобы подкрѣпить силы тѣлесныя. Я столько разъ уже видала его больнымъ, когда всѣ силы его казались изнуренными, доведенными до послѣдней крайности—и вдругъ какъ чудомъ, силы являлись снова! Вотъ почему и теперь, хотя я была очень несчастлива, видя его страданія — я все-таки не теряла надежды на выздоровленіе. Не знаю, догадывался ли самъ онъ объ опасности своего положенія. Онъ самъ никогда не говорилъ со мною объ этомъ и я избѣгала, натурально, такого тяжелаго предмета разговора. Онъ дѣлалъ много плановъ въ будущемъ, исполненіе которыхъ далеко перешло бы короткій срокъ, назначенный ему Провидѣніемъ. Между прочимъ онъ хотѣлъ, для поправленія здоровья, чтобы потомъ лучше заниматься, ѣхать на лѣто въ Гатчино. Не желая уѣзжать далеко отъ Петербурга,

гдѣ считалъ онъ свое присутствіе необходимымъ, онъ хотѣлъ подышать, хотя нѣсколько недѣль, свѣжимъ, живительнымъ воздухомъ. Иногда я видѣла ясно, что̀ онъ чувствуетъ себя очень худо и думаетъ, что ему немного уже остается жить. Онъ говорилъ о моей будущности, онъ давалъ мнѣ совѣты на случай, когда я останусь одна. Я прерывала его, умоляя не говорить о вещахъ, одна мысль о которыхъ наполняла мое сердце отчаяніемъ.

Что̀ мучило его всего болѣе, это былъ несчастный домъ, который долженъ былъ сдѣлаться игрушкою и не оканчивался до-сихъ-поръ. Онъ поощрялъ всѣми средствами — и краснорѣчіемъ и деньгами — работниковъ, которые, надо отдать имъ справедливость, работали усердно, съ истиннымъ желаніемъ угодить доброму хозяину. Шумъ пилъ и молотовъ раздавался съ шести часовъ утра до десяти вечера и ничего не могло быть необыкновеннѣе терпѣнія, съ какимъ мужъ мой слушалъ этотъ оглушающій громъ. Но онъ хотѣлъ, во что̀ бы то ни стало, окончить домъ и привести его въ удовлетворительное состояніе.

Посреди физическихъ страданій это было еще для него развлеченіемъ заниматься украшеніемъ дома; вѣрный до конца своимъ привычкамъ къ роскоши и изяществу, онъ безпрерывно находилъ новыя, прекрасныя идеи, которыя можно было бы исполнить очень скоро, какъ ему казалось. Еще въ послѣднюю недѣлю передъ смертью, видя какъ онъ съ аршиномъ и карандашемъ въ рукахъ аккуратно вымѣрялъ простѣнки и заказы-

ылъ зеркала, которыя должны были стоять въ ихъ, видя какъ онъ выбираетъ обои, золотую мраморную бумагу — могла ли я думать, что нъ такъ близокъ къ послѣднимъ минутамъ своей жизни. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы изнь еще такая прекрасная, могла потухнуть такъ коро. Доктора, лечившіе моего мужа, также не отѣли прежде времени разрушать мое счастіе, и ожетъ-быть напрасно ввергнуть меня въ отчаяіе. Они также надѣялись на какое-нибудь чудо, ля этой исключительной организаціи. Но наконецъ не было уже возможности ошибаться насчетъ оложенія возлюбленнаго больнаго. За три дня до го смерти я узнала, что должна потерять его, что огъ одинъ можетъ его спасти. Нельзя описать, что я чувствовала въ эту минуту! А междуѣмъ я тщательно должна была скрывать мое от аяніе передъ тѣмъ, кто былъ его невинной прииной. Однако ничего еще, казалось, не предвѣщаю такой близкой смерти, какъ ожидали ее докто-а. Мой мужъ ходилъ, говорилъ, отдавалъ приказія рабочимъ, кушалъ сидя.

Послѣдніе дни своей жизни, Осипъ Ивановичъ ылъ ангельской кротости. Тихое довольство ка алось нераздѣльно царствовало въ его прекрасой душѣ. Это было въ субботу 1-го марта, когда узнала то, что такъ поразило меня. Но я все еще е теряла надежды. Провидѣніе пеклось о немъ и е оставитъ меня. Въ воскресенье мнѣ показалось, то Осипу Ивановичу лучше. Доктора рѣшили, что остояніе его не хуже вчерашняго, а это было уже ного.

Вѣроятно мужъ мой тщательно скрывалъ от меня то, что̀ думалъ о своемъ положеніи. Онъ, торый всю жизнь свою старался удалять отъ не малѣйшее огорченіе, не хотѣлъ привести меня отчаяніе и быть свидѣтелемъ этого. Но од трогательное доказательство его любви откры мнѣ позже, что онъ очень хорошо зналъ, что в мгновенія его сосчитаны. Я слышала издали шум который производилъ одинъ изъ нашихъ мастер выхъ. Я пошла посмотрѣть, что̀ онъ дѣлаетъ нашла его починяющаго прелестное малень фортепьяно, единственное въ своемъ родѣ, и думанное Осипомъ Ивановичемъ для меня, но торое теперь находилось въ очень дурномъ сост ніи. Я ему велѣла тотчасъ же прекратить таку ненужную работу и шумъ, который долженъ бы безпокоить моего мужа. Черезъ нѣсколько минут онъ спросилъ, отчего не слышно, чтобы Яко работалъ? Я сказала ему причину, и видѣла, ч это было ему непріятно. «Къ чему, говорилъ он давать приказанія противныя тѣмъ, которыя нахожу нужными?» Чтобъ успокоить его, я тотч же пошла къ Якову и велѣла ему снова принят ся за работу, которую онъ оставилъ только ок чивъ совершенно. Позже я узнала, что мужъ м въ постояной заботѣ обо мнѣ, хотѣлъ, чтобы е при жизни его починили маленькій инструмент который я очень любила, но который нельзя бы употреблять не исправивъ. Онъ сказалъ нам доброй ключницѣ, прекрасной женщинѣ, котор жила у меня уже тридцать лѣтъ, и помогала м ухаживать за Осипомъ Ивановичемъ, что на

ѣнно сдѣлать это теперь. потому-то послѣ
никто не подумаетъ объ этомъ. Онъ просилъ
заняться этимъ немедленно и обѣщалъ хо-
награду. Я храню какъ святыню этотъ
кій инструментъ. послѣдній залогъ его
і доброты. Я хотѣла бы увести его съ собою
нлу.

кресенье прошло довольно хорошо. Мой
казалось, меньше страдалъ. Онъ былъ
спокоенъ и говорилъ что чувствуетъ себя
го лучше. Я всей душой предавалась сладкой
дѣ. Но она не замедлила разрушиться. Ночью
іа Ивановича сдѣлался сильный жаръ. Въ
льникъ утромъ онъ былъ въ бреду: голова
орѣла; онъ говорилъ безпрерывно. но не
ался ни на какую боль. Онъ увѣрялъ, на-
зъ, что онъ совершенно здоровъ и не пони-
чего доктора хотятъ отъ него и къ какой
предписываютъ ему лекарства, которыхъ
всѣмъ не нужно. Жаръ, однакожъ, все усили-
и въ бреду онъ продолжалъ говорить без-
вно. Но этотъ бредъ не состоялъ изъ не-
лхъ фразъ, безъ идеи, безъ цѣли, безъ связи.
) въ особенности въ послѣдніе годы жизни
яло его думы и мысли — благо Россіи,
е желаніе всѣми средствами быть полез-
ей — и въ эти послѣднія минуты заста-
биться его сердце, придавало ему красно-
, которому могли бы позавидовать люди,
ющіеся полнымъ здоровьемъ и сознаніемъ.
а въ какомъ-то восторгѣ, глядя на него,
я какъ онъ, съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ,

съ чистой радостью въ сердцѣ, вспоминалъ
пересчитывалъ все, что̀ было сдѣлано въ з
послѣднее время, какъ онъ благословлялъ и
нашего Государя, котораго обожалъ всѣмъ сер
цемъ, и радовался, что самъ могъ, хотя сколь
нибудь способствовать общему дѣлу. Его свѣтл
мысль, почти отдѣленная уже отъ своей земн
оболочки, отъ всего, что̀ связывало ее до-сих
поръ, видѣла далеко впередъ и, казалось, съ уве
ренностью предсказывала счастливое будущее.

Ему казалось, что онъ написалъ два фельето
которые дѣйствительно существовали въ его и
ображеніи. Онъ съ участіемъ спрашивалъ, чита
ли я ихъ, какъ находила? и замѣчая нѣкотор
замѣшательство въ моихъ отвѣтахъ, онъ думал
что я не хорошо поняла. Онъ мнѣ разсказыва
ихъ содержаніе и, что по его мнѣнію, эти фельет
ны были лучшее, что̀ сдѣлалъ онъ въ своей жизн
Объясненія его были невыразимо хороши. В
этихъ двухъ фельетонахъ, которые, ему каз
лось, что онъ написалъ, его горячее желаніе сд
лать что-нибудь для блага отечества, являл
ярче чѣмъ когда-нибудь. Онъ находилъ самы
вѣрныя средства истребить злоупотребленія, з
мѣнить зло добромъ, засвѣтить свѣтъ так
ясный, такой блистательный, чтобы онъ распр
странился всюду чтобы отнынѣ ничто не мог
быть скрытымъ, все было бы видно, наруж
Онъ былъ неистощимъ на этотъ предметъ, к
торый крѣпко еще держалъ его за сердце. О
говорилъ въ жару до совершеннаго изнеможен
останавливался только, чтобъ отдохнуть минут

перевести дыханіе и сказать мнѣ какое-нибудь доброе, нѣжное слово, относящееся ко мнѣ. Такъ прошелъ весь послѣдній день его жизни. Никогда, впродолженіи долгихъ лѣтъ, которые провела я съ нимъ, я не видала его очаровательнѣе, въ болѣе хорошемъ расположеніи духа, въ настроеніи болѣе счастливомъ какъ въ этотъ день, который предшествовалъ его смерти. Сидя подлѣ него, слушая слова, которыя какъ драгоцѣнные камни сыпались съ его устъ—я не могла понять, что̀ должна лишиться его. Не смотря на страшное несчастіе, которое было такъ близко отъ меня, я еще чувствовала себя счастливою, обладая такимъ сокровищемъ. Его божественная мысль поднималась къ небу, которое ждало его. Онъ благословлялъ, онъ молился Создателю, давшему ему возможность быть полезнымъ ближнимъ своимъ. Слова его, однакожъ, становились все слабѣе и несвязнѣе. Онъ впалъ въ тихую, спокойную дремоту, но проснувшись, могъ уже проговорить только нѣсколько словъ. Онъ не чувствовалъ ни физической боли, ни моральнаго волненія. Онъ былъ совершенно спокоенъ. Такъ прошла ночь. Утромъ, около семи часовъ, началась агонія. Но, даже и въ эти послѣднія минуты, не видно было въ немъ никакого признака страданія. Въ половинѣ одиннадцатаго, прекрасная душа его оставила навсегда землю. Возлѣ него, на колѣняхъ, стояла я и старая моя ключница Дорхенъ. Кругомъ насъ всѣ наши люди, также на колѣнахъ, съ благоговѣніемъ горячо молились за добраго господина своего, который оставлялъ ихъ.

Я приняла послѣдній вздохъ его, вздохъ тихій, спокойный; я проводила его до послѣдняго земнаго убѣжища.

Чтобы лучше сохранить драгоцѣнную память о немъ, я захотѣла написать то, что̀ одна я знала. Я хотѣла, показать что сокровища души его были по-крайней-мѣрѣ равны высокому уму его.

Пусть покоится онъ въ мирѣ и наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ, свято исполнивъ на землѣ свое назначеніе. Пусть Отецъ всѣхъ насъ, въ неисчерпаемоїі благости своеїі соединитъ меня съ тѣмъ, кто составилъ счастіе мое на землѣ и унесъ его съ собою.

═

Въ заключеніе прилагаю нѣсколько наудачу изъ множества выбранныхъ писемъ, которыя писаны въ разныя эпохи и всѣ отражаютъ нѣжную, любящую душу моего безпредѣльно любимаго мужа. Чиселъ я не могу выставить, потому-что ихъ не было, и сохраняла я эти письма не для хронологіи, а для сердца, которому они драгоцѣнны по содержанію.

.....

Mon ange, ma charmante Adèle, je t'envoie une provision d'excellents baisers avec ce paquet. Je t'aime extrêmement, je t'aime et je t'aimerai toujours. Aime-moi et sois heureuse. Tu es délicieuse, tu es bonne, adorable, amusante, adorable. Je t'aime et je t'embrasse sans fin. Demain à sept heures je serai avec toi. Adieu, je t'embrasse encore et encore. J.

—

9 heures, mardi.

Je t'envoie un tas de baisers, ma charmante femme. Dieu, que je t'aime, toi, femme aimable et spirituelle, d'après le temoignage unanime (de L., de moi et de la soeur A.). Que je suis triste, ma bonne Adèle! j'ai aujourd'hui, mardi, un comité à six heures. Je viendrai donc demain à deux heures chez toi — mais pour cela je resterai avec toi jeudi, car c'est fête. Encore des baisers — et encore — beaucoup — et encore un peu.

—

Chère Adèle et enfant, la séance qui a du avoir lieu à midi, est remise à six heures; ainsi c'est de toute impossibilité de t'embrasser aujourd'hui; ce dont je suis extrêmement triste. Mais demain à deux heures viens à ma rencontre, et nous nous aimerons beaucoup. Je suis revenu hier de St.-Serge après minuit, et je suis encore passablement fatigué. Il n'y a pas moyen de déterminer la quantité et la qualité de ta gentillesse: c'est une montagne immense, et cela n'a rien de surprenant; je la vois distinctement, quoique je dorme encore — et sur cette montagne il y a un buisson de roses — et sur ce buisson une charmante птичка пѣвчая voltige et chante: je t'aime — je t'aime — je t'aime. J. S.

—

Chère Adèle — il fait un si mauvais temps — il n'y a eu que 5 dégrès de chaud à 4 heures du matin. Si tu m'aime, tu feras chauffer bien les chambres et tu prendras garde contre le froid. Tu conçois bien qu'à

moins que le temps change tout-à-fait au beau d'ici à midi, je ne saurais venir aujourd'hui t'embrasser. Mais je t'aime d'ici beaucoup, beaucoup, parce que tu es la plus gentille des gentilles, la plus noble des nobles. Je t'adore, quand je pense bien ce que tu es. Prends garde de te refroidir. J'ai essayé de sortir hier, et tout de suite cet horrible vent m'a donné le tic douloureux à la joue. Il t'écrirai encore aujourd'hui. Cet orage me contrarie beaucoup, car je veux revenir auprès de toi. Aime-moi en attendant. Moi je t'embrasse en attendant 100,000 fois. J. S.

—

Mon adorable enfant, ton billet d'hier est le modèle de charmants billets. Je t'embrasse mille fois pour ces lignes délicieuses, riantes, ravissantes. Je ne saurais te dire combien je t'aime, et ce que je te donne de baisers tendres, sincères, pleins d'amour et de bonheur, est incalcûlable. J. S.

—

Chère charmante enfant, je ne puis passer cette journée sans t'écrire et sans te dire que je t'aime beaucoup, infiniment, excessivement. Le billet que tu m'as écrit par la fille est délicieux et je t'embrasserai extrêmement pour les belles nouvelles que tu me donne. Ta maison est prête, il y a un million de baisers pour te recevoir, et quand tu seras arrivée, on t'en comblera depuis la tête jusqu'aux pieds. Maman est infiniment mieux. Je t'embrasse dix mille fois. J. S.

—

Chère et charmante enfant, a quatre heures je pars d'ici, et M-lle A. me fait savoir qu'elle veut aller chez toi avec moi. Si tu vas chez les F., fais comme cela: va à Zarskoé avec Varinka par la machine de 2 heures et demi, après y avoir envoyé la calèche avec le domestique: de là-vous irez au jardin de Zarskoé et vous vous promenerez; à 3 heures et 20 minutes envoie du jardin Varinka avec la calèche au chemin de fer à Zarskoé. Quand je serai arrivé je remettrai M-lle A. à Varinka, elles partiront pour Pavlovsk par la locomotive et moi je viendrai en calèche au jardin où tu resteras en attendant avec le domestique. Si tu ne vas pas chez les F., en ce cas envoie Varinka dans la calèche à Zarskoé vers 3 heures et demi; c'est à dire, qu'à 3 heures et demi elle y soit déjà; elle m'y attendra 5 ou 6 minutes. En attendant elle renverra la calèche au Vauxhall de Pavlovsk. Quand je serai arrivé à Zarskoé, je lui remettrai M-lle A. et elles partiront par la locomotive. Arrivées au Vauxhall, si la calèche n'y est pas encore, elles pourront s'y promener une dizaine de minutes jusqu'à ce que la calèche arrive. La calèche leur sera nécessaire, car sans doute la pauvre aveugle aura des paquets. Dans tous les cas Varinka ferait bien de diner avant de se mettre en route, car comme M-lle A. aura dîné à son hospice à deux heures, elles seraient toutes les deux bien plus libres et pourraient s'amuser ou se promener en attendant la calèche, sans avoir faim. Peut-être Varinka voudra-t-elle aller plutôt à Zarskoé, pour passer chez les V. et s'y amuser ou manger quelque chose avant 3 heures et demi. Ceci tu arrangera comme tu voudra, avec ton amabilité ordinaire, qui est *toujours de ton*

ité. Si les F. ont écrit qu'ils ne veulent pas de moi pour aujourd'hui, previens-moi par un billet que tu feras remettre à l'ober-conducteur à 2 heures et demi, en le priant de laisser ce billet à Zarskoé chez le caissier, chez qui je le demanderai. Je doute fort que tu te décides à aller chez les F.; car comment retourner? En calèche, tu ne voudra pas faire ce chemin, et par la locomotive, il faudra attendre le départ jusqu'à peuprès dix heures, et nous ne serions à la maison qu'à onze heures. Je te dirais franchement que je me soucie fort peu moi-même de leur diner, mais je crains de les offenser: ils croiraient qu'on les méprise, parce qu'ils sont dans le malheur. Si tu veux revenir avec moi en calèche, à 7 ou 8 heures, alors tout est à merveille; nous serions repartis bientôt après diner. Tu pourrais, en cas, au lieu d'aller au jardin de Zarskoé, aller tout droit avec Varinka à 3 heures chez les Servais; tu m'y attendrais; Servais t'amuserait, il te jouerait sans doute ou bien vous iriez peut-être vous promener avec eux et tu m'aurais envoyé Varinka de là au chemin de fer vers les 3 heures et ½. Tu y serais donc restée assez long-temps pour pouvoir les quitter bientôt après le diner afin de repartir avec moi en calèche; c'eût été charmant, nous aurions été tout le temps ensemble, en deux avec toi. Bref, tu feras tout, comme cela te plaira, l'amabilite étant *toujours de ton côté.* Je te donne un 1,000,000 de baisers.

—

Moscou, lundi.

Bonjour, ange, amie, la plus charmante, la plus drôle et molle, la plus aimable et la plus spirituelle des

épouses. Je me sens très heureux de l'idée de t'écrire tous les jours—je ne me sépare pas ainsi de ma chère Adèle—je suis toujours avec elle—je lui parle comme si nous étions ensemble et tu sais comme j'aime a parler avec toi. Une pensée me console à présent: je m'imagine que tu as une occupation agréable journalière—tu attends une lettre de moi, tu t'en occupes, tu es avec moi, et tu ne sens pas si fort le poids de ta solitude, du moins il est un peu allégé par mon amour et par ma parole que tu as sous les yeux et que ton coeur entend de loin. Dieu, que je t'aime! Je suis merveilleusement bien de santé: ma langue est aujourd'hui propre, mais propre comme je ne l'ai pas vue depuis quatre mois; j'en suis tout heureux. Mes lèvres sont extrêmement rouges, ce qui chez moi est un signe de santé. Cela continuera-t-il? Le cahot, le roulement de 50 heures, m'a décidément fait un bien miraculeux, je me félicite d'avoir eu l'idée de partir. Mais cela continuera-t-il? J'ai passé hier la soirée avec la famille Krotkof et j'ai longuement causé de toi avec ta belle soeur qui décidement est ton admiratrice et qui m'assure qu'elle se sentirait extrêmement heureuse si elle avait seulement le quart de ce que tu a sous le rapport du coeur et de ses qualitées. Cela m'a fait grand plaisir. Elle te salue beauconp, beaucoup; ton charmant billet lui a causé une joie d'enfant impossible à décrire, elle l'a baisé à plusieurs reprises et la petite clef au plus haut dégré; elle m'a chargé de t'embrasser bien tendrement de sa part. Pauvre femme, je l'ai trouvé excessivement souffrante. Tu ne saurais te representer la joie que mon arrivé a causé dans cette excellente famille. Les Krotkoff ne m'ont pas laissé demeurer à

l'auberge. Tandis que je dinais hier avec eux ils ont fait prendre et transporter mes effets dans leur maison et je demeure chez eux; c'est à dire, j'occupe un charmant pavillon séparé et situé à une trentaine de pas de leur appartement qui est au fond de la cour, tandis que ce pavillon donne sur la rue, ayant d'un côté un square dont leur cour est ornée au milieu, et de l'autre, vis-à-vis, le boulevard et ses beaux arbres. Je ne manque ici de rien. Je t'assure que quand on voit dans les personnes qu'on connait à peine une cordialité aussi franche et bien sentie, la consolation qu'elle nous porte est aussi une puissante médecine. Je suis très content de l'idée que j'ai eu de reparaître ici et te remercie par des milliers de baisers, brave et charmante femme, de m'avoir fait partir avec tant d'amour et tant de noble devouement. Crois-moi que je sais les sentir et les apprécier. Hier soir tandis que j'étais en famille avec les Kr., voici arriver Zagoskine: il a fallu voir sa stupeur, son étonnement, sa joie, son bonheur; j'ai pensé qu'il en diviendrait fou. Adieu, chère ange, adieu mon adorable Adèle, je t'embrasse, je t'embrasse. A demain. Oh, que c'est gai, je t'écrirai demain, après demain, toujours. J. S.

—

Moscou, Lundi;

Bon jour, ma bonne, ma charmante femme. Je dois te donner de fort bonnes nouvelles sur ma santé: je suis réellement en état d'amélioration. Je n'ai plus de douleurs ni au coeur, ni au dos, ni à la tête. Ma langue, sans être tout-à-fait nette, n'est plus blanche du tout. Bref, je suis très content de moi même et, d'après l'avis

u médecin. je dois encore attendre une huitaine de
urs avant de commencer à prendre les eaux, pour
ne mes nerfs se remettent encore mieux et ne soient
us si faciles à être irrité par l'usage des eaux ferru-
neuses qu'on me prescrit. Il à plu continuellement ici,
epuis mon arrivée, mais hier et aujourd'hui le temps
st magnifique. L'air de Moscou va extrêmement bien
mes poumons; je le trouve fort agréable, lors même
u'il est froid et humide: dans cet état d'humidité et
froid, il est différent de l'air froid et humide de
etersbourg. L'enflure des pieds, des mains et des
aupières m'était tout-à-fait passé pendant le voyage.
ais ce matin, fort malheureusement, mes paupières
ont déréchef passablement enflées. Cela passera peut-
tre. Je me couche à minuit et je me lève à sept heures.
ne lis rien, je n'écris rien. Depuis que le temps
est remis au beau, je ne fais que courir, c'est à dire
n me fait courir — on me montre Moscou et ses
erveilles — on me caresse beaucoup — on a l'air
m'aimer assez tendrement ici, et je pourrais en
ffet donner dans cette ville de *bons concerts*. Jusqu'
présent je n'ai vu que des hommes et pas une femme
n pays, car je ne compte pas Lise et M-me Karlhoff
our des moscovites. Ce sont les seules femmes que
ai eu l'honneur de voir jusqu' à ce moment. J'ai été
eux fois chez M-me Karlhoff qui part bientôt pour
a terre, et deux fois chez Lise qui est devenue tout-
-fait charmante: l'affaire du *Мѣшокъ* l'amuse prodi-
ieusement — qu'il est innocent, qu'il est innocent,
it-elle, de se marier pour faire ses volontées! et elle
n rit de fort bon coeur. J'irai je crois diner aujourd'
ui chez elle, si l'on m'en laisse le temps car elle de-

n
d
t
u
a
p
m
dep
cha
mon
et qu
vis-à-v
de pas t
qui je su
maisons d
je resterai
pend tout-à
ai pardessus la
fait diner — je
rent de celui que
utile à ma santé, m
Je m'y ferai peut-êt
jusqu'ici en fait de
M-me K., je ne dis pas
Kron. une couple de foi
naissance et la deuxième
car elle est déjà partie, elle
C'est une femme de trente
assez brune, ayant beauco
truction, d'une figure tout-
beaucoup d'amabilité, et fo
lionne, une femme ému

перевести дыханіе и сказать мнѣ какое-нибудь доброе, нѣжное слово, относящееся ко мнѣ. Такъ прошелъ весь послѣдній день его жизни. Никогда, впродолженіи долгихъ лѣтъ, которые провела я съ нимъ, я не видала его очаровательнѣе, въ болѣе хорошемъ расположеніи духа, въ настроеніи болѣе счастливомъ какъ въ этотъ день, который предшествовалъ его смерти. Сидя подлѣ него, слушая слова, которыя какъ драгоцѣнные камни сыпались съ его устъ—я не могла понять, что̀ должна лишиться его. Не смотря на страшное несчастіе, которое было такъ близко отъ меня, я еще чувствовала себя счастливою, обладая такимъ сокровищемъ. Его божественная мысль поднималась къ небу, которое ждало его. Онъ благословлялъ, онъ молился Создателю, давшему ему возможность быть полезнымъ ближнимъ своимъ. Слова его, однакожъ, становились все слабѣе и несвязнѣе. Онъ впалъ въ тихую, спокойную дремоту, но проснувшись, могъ уже проговорить только нѣсколько словъ. Онъ не чувствовалъ ни физической боли, ни моральнаго волненія. Онъ былъ совершенно спокоенъ. Такъ прошла ночь. Утромъ, около семи часовъ, началась агонія. Но, даже и въ эти послѣднія минуты, не видно было въ немъ никакого признака страданія. Въ половинѣ одиннадцатаго, прекрасная душа его оставила навсегда землю. Возлѣ него, на колѣняхъ, стояла я и старая моя ключница Дорхенъ. Кругомъ насъ всѣ наши люди, также на колѣнахъ, съ благоговѣніемъ горячо молились за добраго господина своего, который оставлялъ ихъ.

mes allés à la Trinité. (Троицко-Сергіевскій Монастырь), espèce de forteresse remplie de cloîtres et d'églises à hautes tours et à coupoles dorées, et entourée d'une petite ville assez populeuse et même passablement jolie. Cette place, célèbre dans l'histoire par plusieurs sièges qu'elle a soutenue contre les Tatares et les Polonais du faux-Dmitri, est située à soixante verstes de Moscou, dans un pays assez nuancé, parsemé de collines, de ravins et de jolis bois, et présente au voyageur un interêt pittoresque considérable indépendamment de l'interêt historique et de celui de dévotion. La route est constamment couverte de pieux voyageurs des deux sexes qui s'y rendent en foule en équipages et à pieds et parmi les piétons il n'est pas rare de voir des personnes fort élégantes qui cheminent dévotement en souliers de Soboleff et avec des ombrelles à la Polka pour expier leurs petite pêchés de Moscou. La route est fort gai par ses cites, le pays est élevé et parfaitement sec, et il y a une belle chaussée pour les voitures. *La Trinité* rappelle les lieux de devotion les plus célèbres de l'Europe catholique: les auberges sont constamment encombrées de voyageurs — on boit force champagne, on passe la nuit en riant, en couchant comme on peut et quelquefois en dansant, faute de lits pour se coucher — on va de grand matin entendre la messe et donner des aumônes — et puis on rit déréchef, après avoir prié Dieu pour ses amants, s'ils sont absents, s'ils ne font pas partie de ces pieuses excursions, dont le grand véhicule et le premier élément est très certainement l'amour. Nous venons à l'instant de rentrer de ce pélérinage indispensable — car pendant la belle

aison une chacune et un chacun se croient ici obligés d'aller an moins une fois à la Trinité, ce qui remplace assez bien les bals d'été, sans compter les consolations que la conscience y puise. L'excursion a été fort gai. Zagoskine a été avec nous. — Toutes ces courses m'ont empechées de t'expédier les étoffes que je t'ai promises, cher enfant. Pardonne-moi cette négligence — elle avait été involontaire. N'est-ce pas tu me la pardonne, femme aimable et spirituelle? Je te les expédierai demain. A présent je t'embrasse mille et mille fois — je t'aime — je t'adore — tu es adorable — aime-moi bien tendrement. Fatigué comme je suis, je n'ai pas la tête pour te dire au juste le jour de mon départ: en tout cas il ne pourra avoir lieu cette semaine, et lundi prochain je t'écrirai. J'ai encore plusieurs visites à rendre et quelques diners à avaler. Adieu, mon ange, adieu charmante Adèle.

—

Londres, le 24 juillet, 3 heures après midi, samedi.

Chère Adèle, nous venons d'arriver — la traversée a été délicieuse, mais je n'ai pas dormi de toute la nuit et je suis en nage pour avoir couru tout Londres afin de nous trouver un logement. Je t'écris, mon enfant, seulement pour t'envoyer, ci-inclus un baiser au plus vite possible — c'est une affaire très pressée — car demain nous aurons dimanche, et il faudrait attendre pour cette expédition jusqu' à lundi — ce serait trop loin pour toi — tu te serais ennuyée sans ce souvénir de ton ami. J. S.

—

Londres, le 15/27 juillet, mardi.

Bon jour, ange Adèle — nous sommes encore à Londres, mais nous partirons demain pour Birmingham, Liverpool, Manchester, Glasgow et Edinbourg, et lundi prochain nous serons de retour ici. La façon anglaise de cumuler les talents dans une seule soirée nous a parfaitement bien profité, car—juge seulement, mon enfant — samedi dernier, au Queen's Theatre on a donné un nouvel opéra de Verdi, *I. Masnadieri* (les Brigants, de Schiller), opera immense en cinq actes, et puis encore le ballet, *le Jugement de Paris*, énorme ballet qui n'a fini qu'à une heure de la nuit — et nous avons entendu en même temps, Jenny Lind, Guilia Grisi, Gardoni, Coletti (un baryton admirable) et Lablache, et vu dans le ballet Rosati, Taglioni et Cerito, toutes trois également admirées et chacune, à ce qu'il paraît, ayant ici un parti puissant. La Rosati est charmante; c'est la plus gentille copie de Taglioni qu'on puisse désirer; mais la Cerito est encore plus légère et plus voluptueuse: toutefois la vieille Taglioni est à côté de ces jeunes filles comme un soleil à côté des étoiles: décidément c'est elle qui a inventé la grâce. Fanny Elsler a quitté Londres quelques jours avant notre arrivée. J'oublie encore de te dire que Verdi lui-même a dirigé l'orchestre dans son opéra, et que la musique du ballet a été dirigée par Balfe: c'est plus qu'on ne puisse s'imaginer, en fait d'accumulation des talents. Piatti a joué deux solo dans l'opéra de Verdi et le célèbre violon anglais Barnett y a joué un duo avec Lablache — c'est, en effet, inconcevable que cette profussion de célébrités dans une

e réunion. Nous avons été au premier rang de euils, Annette et moi, tout au milieu, à deux pas Verdi et de Balf et nous les avons parfaitement et même entendu parler. Je ne te parle pas de l — me diras-tu: mais c'est que нечего сказать! — est admirable — je la mets bien au dessus de la lag — elle a de l'esprit et du sentiment — elle a a grâce — et elle est une actrice délicieuse: son rieure sur la scène rappelle celui de la Castellan; a été fort jolie ce soir-là. Alboni, Castellan, Salvi, io et la Persiani sont ici, mais ils appartiennent troupe de Drury-Lane et du Lyceum - Theatre s les entendrons à notre retour.

Nous avons couru Londres tous ces jours — et nous ons tout à l'heure pour des courses nouvelles — ne porte à merveille, et je t'embrasse cent fois par pour m'avoir fait partir. Il y a déjà plus de dix s que je n'ai pas ressenti de mal au côté. Je brasse, je t'embrasse, cher enfant, adorable Adèle — ne veux même pas songer à ta solitude généreuse — coeur me crêve — l'âme se déchire — — — Ma vre enfant, ma pauvre enfant, où es-tu? pourquoi suis-je pas avec toi? pourquoi n'es-tu pas avec s? J. S.

—

Bourges, le $^{14}/_{2}$ *août, vendredi.*

Chère ange Adèle, nous sommes à mi-chemin re Paris et Lyon, dans une grande ville aussi sâle toute la France à la fois, laquelle pourtant est n sâle et bien laide. Le chemin de fer nous a mé jusqu'ici — et il nous a abandonné dans un

trou abominable et où il n'y a aucun moyen
cer — pas de postillons à la poste, pas de dil
dans la ville. Nous sommes dans la premiè
auberges de l'endroit, et nous n'avons ni lit, ni
ni chaises — tout est si sâle et si dégoûtant
n'ôse y toucher. Anette dort sur une chaise, L
terre — moi j'ai trouvé un morceau de papi
t'écris sur mon chapeau pour t'embrasser du
mon coeur, mon adorable Adèle. Je suis ex
ment fatigué — il n'y a pas une seule roue de
dans toute cette *grande* et *importante* ville de B
il faut donc courir à pied, et j'ai tant couru d
rues tortueuses et immondes pour nous cherc
chevaux qui sont introuvables, que je ne n
plus ni pieds ni mains. Quoiqu'il fasse nuit.
pourtant courir encore pour découvrir quelque
miraculeux de nous sauver de cette caverne d'
et de pauvreté — ah! la belle France ! — n
serons gais que quand nous serons hors de c
Je t'embrasse, chère enfant, mon amie charm
bonne, sans fin — sans fin — J. S.

Je me porte très bien à présent.

—

Naples, le 13/27

Enfin je suis heureux — heureux comme je
suis peut-être jamais senti — après cinquant
d'absence je viens de recevoir ta première lett
lettre adorable, charmante, remplie d'amour
bonté angéliques; je l'ai couverte de mes bais
l'ai lu et relu les larmes aux yeux, je l'ai bé

ressé contre mon cœur. Que tu es délicieuse, onne Adèle, que tu es bonne, que tu es digne ut l'amour qui se trouve dans mon cœur et dans âme; et je te le donne tout entier — je te l'ai é depuis longtemps. Nous venons d'arriver ici. te et Lolo sont tout de suite allés se baigner la mer — moi j'ai en attendant couru à la poste voir si je ne trouverai pas quelques lignes de - et j'ai trouvé une lettre charmante qui s'est e toute entière dans mon âme: je la relirai avec Pavlovsk, et pour chaque parole de cette lettre donnerai mille baisers. Je me porte bien, si ce que mon pied droit est encore enflé — mais de- vingt jours je n'ai plus ressenti aucune douleur té. Ce qui m'afflige un peu, c'est l'état de mes je ne crois pas y remarquer une amélioration ble, mais enfin il faut attendre quelque bien du de trois mois qu'ils auront goûté grâce à toi, . Vers le 20 de ce mois nous repartirons pour ner chez toi, mon ange adorable. Je me figure e d'Annette lorsqu'à son retour des bains elle era aujourd'hui sur la table un charmant billet i viens de lui écrire: elle t'aime tant! — Je me he d'envoyer ces lignes par la poste d'au- hui encore. Il est tard, je t'embrasse donc à la mais avec le plus grand amour. Tu m'as donné nnes nouvelles qui m'ont un peu tranquillisé.— c a été assez gentil et Vollenciler t'amusais pas- nent. Dieu veuille que tu eusses trouvé quelque ction et quelque contentement dans ta généreuse lé, ma noble et charmante amie! J. S.

—

Naples, le $^{29}/_{17}$ *août.*

Adèle, ma charmante enfant, après demain nous quittons Naples, et je retourne vers toi. Il me semble que je renais — j'ai pris habitude de toi pendant ces dix-huit ans de bonheur à un tel point que décidement je ne puis me passer de ma délicieuse enfant Adélouscha, qui est devenue chez moi une espèce de maladie, comme le défunt frère d'Annette est devenu une espèce de maladie chez Annette: depuis son arrivée ici elle est constamment en pleurs, et sur la tombe de son Etienne — elle ne voit rien — elle n'entend rien — rien ne l'amuse et ne l'occupe — elle est à prier sans cesse à l'église ou au cimetière, et n'écrit pas même à son père — j'ai perdu ici toute mon influence sur elle. Pauvre femme! Avec cela elle souffre des dents terriblement! Mais je commence à comprendre cette douleur d'âme, devenue une maladie, car je me sens moi-même la plupart du temps triste est mélancholique depuis Cronstadt — depuis que je me suis séparé de toi, et l'idée seule de revenir, de me rapprocher de toi chaque jour d'avantage, mon adorable Adéle, me donne de la bonne humeur et de la gaité. Viens, viens, mon ange, je te tends mes bras, je te presse contre mon cœur, je te donne mille baisers — et, dans un mois d'ici, je suis à côté de toi baisant avec effusion tes petites mains de dentelles. JS.

—

Lundi, soir.

Mon ange Adèle, ma charmante femme, je suis

Donc à Arensbourg, et j'ai déjà pris deux bains de boue. C'est en effet une cure fort excitante; j'en sens déjà l'effet sur ma peau. On me dit que si j'écris *en ce moment*, sans tarder, ma lettre arrivera très vite à Réval. Je t'écris donc sans attendre le jour de poste. Il m'importe infiniment que ce baiser t'arrive au plus-tôt — car il est chaud et bon — et que tu sache immédiatement que je t'aime de tout mon cœur. Je t'écris seulement pour cela — et pour te donner mon adresse:

Arensbourg. Neben dem Salon, im Hause des Tischlers Kohl.

Adieu, adieu. Aime-moi — écris de jolies choses — et aime encore.

Le temps est atroce, mais j'ai mes bains à la maison.

—

Arensbourg, jeudi.

Mon aimable, spirituelle, chère et célèbre Adélouschka, j'ai de bonnes nouvelles à te donner; voilà douze jours que je me trouve ici, et, chose admirable, je n'ai encore pas eu une heure de maladie ou de souffrance: je me porte *très-bien*, comme il y a bien longtemps à cela; je dors merveilleusement, je mange plus que jamais je n'ai mangé, et je mange de fort bonnes choses, grâce à Pauline et à ma cuisine de poche. Je me baigne, et deux fois par jour, car le temps est revenu au beau, mais décidément cet état florissant de ma santé n'est pas un bienfait ni des bains, ni de la boue, dans laquelle je me vautre comme un cochon,

mais de l'air de l'endroit, de l'absence des miasmes cholériques qui ont une influence si désastreuse et si délétère sur mes nerfs, de cette atmosphère pure, sèche et vive qui est particulière à Arensbourg. Dès que je fus ici, avant de me baigner, je me portais déjà bien. J'ai ramené mon estomac à une régularité qui est tout-à-fait surprenante pour moi-même. Enfin, tu verras, si je ne retombe pas malade: j'ai repris visiblement. Mais toi, chère ange, que fais-tu? comment te porte-tu? La gentillesse et l'esprit sont tout à-fait de ton côté, mais je veux que la santé et le courage le soient aussi. Tâche seulement de te bien porter et ne crains rien pour le reste. Il faut que cela te paraisse décousu et boiteux: autrement tu ne serais qu'une médiocrité désespérante; celle la est toujours enchantée d'elle-même et ne vois pas, ne sent pas qu'on pourrait faire mieux. Je t'aiderai, quand tu me l'ordonneras, mais dans la juste proportion qui garantisse et conserve ton individualité. Le jét premier et original de ton charmant esprit qui, lors même qu'il se torde une jambe, boîtera avec grâce et n'en sera que plus piquant.

Je suis très bien ici, quand à mon établissement; mes hôtes sont d'excellentes gens; l'hotesse me rappelle beaucoup Dorchen par son activité et son zèle à servir, et son mari, le menuisier, a une grande estime pour moi à cause de mes connaissances en menuiserie, et grâce à ton canapé-lit de poche, qui excite son admiration. Ils m'admirent tous les deux, d'autant plus que j'ai tout avec moi et ne leur demande rien. Si l'année prochaine je reviens à Arensbourg, je leur ai promis de demeurer chez eux, et je ne saurais trou-

rien de mieux, en effet, sous le rapport de logement et d'emplacement. Je prends mes bains au jardin, au soleil, ce qui est délicieux est tout aussi bien que dans la mer, encore mieux peut-être, car ici je suis maître de la température, de l'eau et de l'air, je suis à couvert contre les vents, je puis avoir autant de boue que cela me plaît.

J'ai rencontré ici beaucoup de connaissances, mais je les évite, et je tâche autant que possible de jouir de la volupté de la solitude et de la parfaite tranquillité. J'écris beaucoup, car je n'ai rien à lire, et cela vaut mieux pour le moment.

Adieu, mon adorable enfant. Merci pour ta charmante lettre: elle fait ma consolation et ma joie. Tu sais toujours écrire de manière à ne pas attrister ton ami et à lui donner un plaisir pur et sans amertume. Je t'embrasse pour cela, et pour tout, sans fin. Je t'aime extrêmement. J. S.

—

Vendredi.

Mon adorable amie Adèle, чудная женщина, me voilà ici, chez nous, où tout est en ordre et tout est bien, voir même ma santé qui ne s'est pas encore dérangée, grâce à Dieu. Hélène et Valentine te baisent les mains. M. Zenou de même. Ils me prient de t'écrire beaucoup de choses en leur nom à toi, mais je n'ai pas de temps pour d'autres sentimens que les miens qui sont entièrement pour ton adoration — et cela n'a rien de surprenant, l'amabilité, l'esprit, la grâce et la gentilesse étant entièrement de ton côté.

Tu vois, ange, que je dis et exprime plus que M. Franz. Je déclare par la présente, signée dûment de mon nom, que ladite Adèle чудная женщина est aujourd'hui encore plus charmante et plus admirable qu'ells n'a été en suivant son journal de Kéval et que tout ce qui est dit dans la lettre connue à nous est peu de choses en comparaison de ce qu'elle mérite aujourd'hui, et de ce qu'elle possède dans mon cœur. Signé: Joso. — Nous avons essuyé une tempête dans la nuit pendant notre traversée, mais vers le matin et toute la journée suivante le temps a été parfaitement calme et agréable. Nous sommes, grâce à cette tempête qui nous a empêché de marcher, venu seulement à neuf heures du soir au quai de Vasilie-Ostroff, par une pluie battante qui nous a surpris déjà dans le port, au moment de descendre. Il fait un temps atroce ici — froid — pluie — crotte — horreur. On ne commencera à arranger la maison que depuis lundi, car Яковъ ne peut pas venir plutôt. Mais tu trouveras tout en ordre. Ma main est tout-à-fait gelée. Je tiens la plume avec difficulté. Je n'ai encore été nulle part, je n'ai vu personne. Je t'envoie, dans ce billet cent roubles et quatre cent cinquante neuf baisers, des plus chauds et des plus tendres. Tu me donnera un reçu pour ces deux sommes payées à toi comptant. Au revoir, mon bien. Tu es adorable et je t'adore. J. S.

═

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ie и дѣтство Сенковскаго. 7.—Воспитаніе. Про-
Гродекъ. 8.—Первая женитьба. 10.—Путешествіе
къ. 11.—Мѣсто драгомана при миссіи. 12.—Про-
зо въ Спб. университетѣ. 13.—Мое первое зна-
съ О. И. 17. — Радостное извѣстіе. 20.—Откры-
-Объясненіе съ зятемъ. 22.—С. нанимаетъ у насъ
иготовленія. 23. — Любовь. Женихъ и невѣста.
ма. 29.—Свадьба. Первые два года. 44.—Павшая
Іоводъ къ переводу Хаджи-Бабы. 54.—Смирдинъ
дложенія. 57.—«Новоселье» и «Большой выходъ
. 59. — Происхожденіе имени Брамбеусъ. 61. —
ей сестры. Болѣзнь мужа. 63. — Баронъ Брам-
публикѣ. 65.—Новый журналъ. Предложеніе ре-
а. 69.—Смерть моего отца. Переѣздъ на В. О. 70.
стическія путешествія». Приготовленія къ жур-
—Первая повѣсть въ Библ. для Чт. 73.—Испра-
жихъ статей. 76.—Выходъ первой книжки. 80.—
ѣнія друзей. 82. — Образъ жизни. Редакторская
омощница. 85. — Сотрудники. 88. — Вечера по
91. — Лѣтняя дача въ Парголовѣ и осенняя на
омъ острову. 94.—Повѣсть по случаю рекоста-
тношенія къ обществу. Характеръ и привычки.
отира въ Почтамтской и ея превращенія. 101.—
рныя и нелитературныя нападенія. 109. — Та-
ій баронъ и любознательныя женщины. 111. —
е женской дружбы и неудобства любезности. 114.
опедическій Лексиконъ. 116.—Дача въ Павлов-
и дачныя удовольствія. 117.—Плоды трудовъ и

послѣдствія знаменитости. 119.—Расточители силъ. 122.
Разстройство дѣлъ Библ. для Чт. и Энциклопедическ
Лексикона. 123. — Меланхолія и неожиданное развле
ніе. 124.—Концертъ Сервѐ. 126.—Субботы въ Почта
ской. Начало пристрастія къ музыкѣ. Артистическое
зыкальное общество. 127.—Знатоки музыки побѣждаю
друзей-красавицъ. 131. — Я и музыкальное повѣтріе. 1
Неудобства почтамтской квартиры и возвращеніе на
О. 135.—Хозяйственная часть Библ. для Чт. 137.—Въѣз
въ новую квартиру. Слѣдствія хозяйства и философич
ское изрѣченіе. 139. — Продолженіе музыкальныхъ веч
ровъ и появленіе гиганта. 140.—Первые концерты Лис
въ Петербургѣ. 141. — Попытки Лихтенталя усоверше
ствовать рояль и новый планъ Сенковскаго. 144. — П
стройка клавиоркестра. 146.— Инструментъ-палочки. 15
—Положеніе и дѣла Библ. для Чт. 156.—Образъ жизни
время постройки инструмента. 159. — Первое оконча
клавиоркестра. 161.—Проба. 162.—Путешествіе по пре
писанію врачей. 165. — Пребываніе въ Москвѣ. 166.
Органистъ и табачница. 168.—Гостепріимныя насилія. 1
—Благотворительная лотерея. 170.—Возвращеніе въ П
тербургъ. 173.—Путешествіе за границу. 177.—Возвра
ніе и перемѣна квартиры. 178. — Дѣла и передача Б
для Чт. 180.—Поѣздка на родину. 186.—Мои литерат
ныя затѣи. 194.—Поѣздка въ Ревель. 196.—Новая скр
ка. 201. — Покупка дома. 203. — Садъ на мостовой. 207
Папиросный фабрикантъ. 211. — Проба скрипки. 215.
Астрономія. 218. — Фельетонъ С. О. 226. — Послѣд
передѣлка дома. 234. — Весельчакъ. 237. — Планъ но
газеты. 244.—Послѣдній фельетонъ. 247.— Диктовка.
—Послѣдняя недѣля жизни. 249. — Письма. 256.

3 04 21 53 72 053 53 6534

CT 1232 .S4 S4 C.1
Osip Ivanovich Senkovskii (bar
Stanford University Libraries
3 6105 034 099 957

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

AUG 17 1999
NOV 03 2000
JAN 1 2001

вни
ны
Ч
ему
поль
—
Вѣч
вида
домъ
—
ужъ
—
види
како
За
спра
тѣлс
—
ма, и
Ме
казат
пуга.
имѣе
ны.
трак
служ
плат
если
ки, с
соста
Что
бы н